

EX ORIENTE LUX

ISSN 2010-930x

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

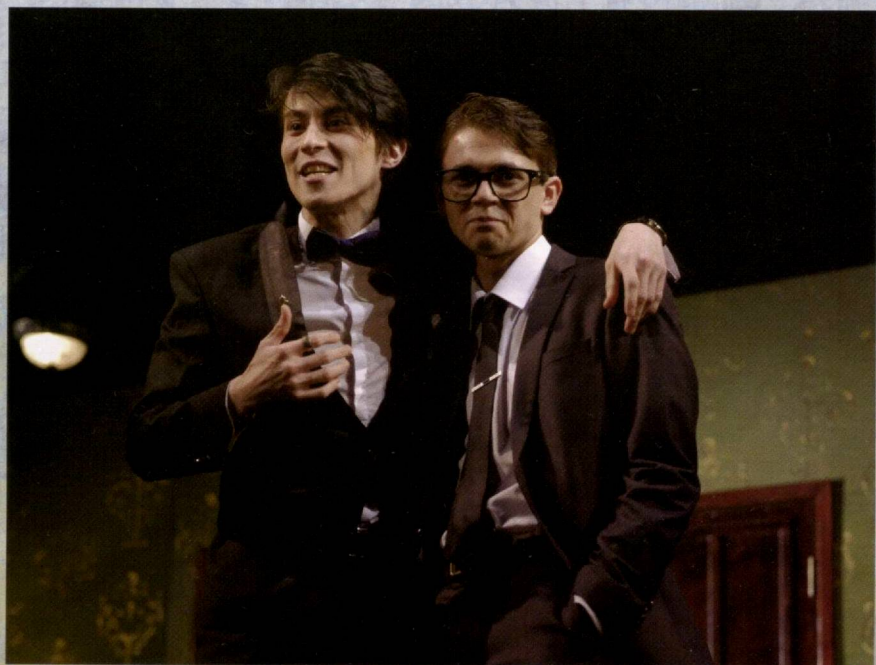
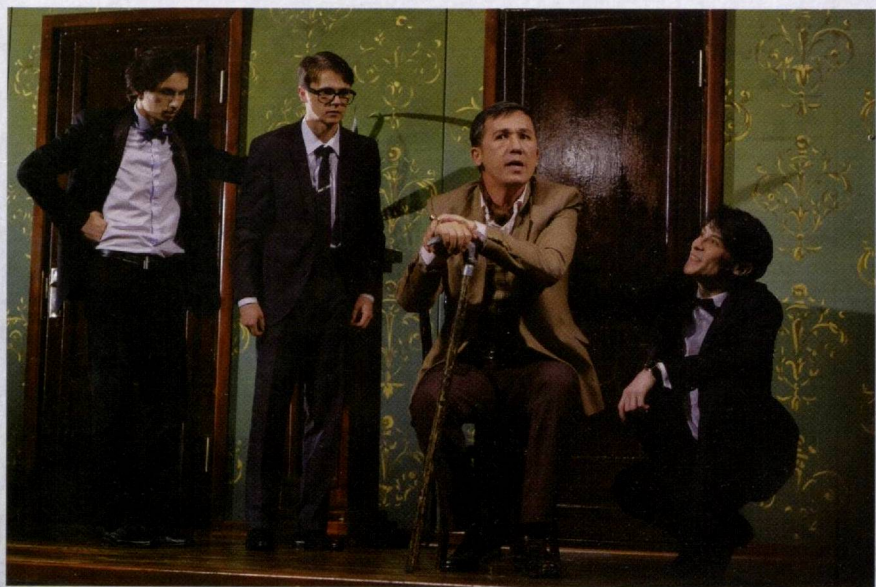
КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

5 / 2018

Звезда Востока

Экз
№ 2

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Раим ФАРХАДИ
Раиса КРАПАНЕЙ
Анатолий БАУЭР
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

ПОЛОНЕЗ В ТУРКЕСТАНСКОМ ХАЛАТЕ

Все становится ясным в то мгновение, когда раскрывшееся тело одного человека являет в мир тело другого. Оно же, другое, не может входить в сложный для себя мир лишь пустой человеческой оболочкой. Но и, чтобы сразу быть наполненным знаниями или же опытом, оно также не имеет еще необходимости, поскольку обретение всего этого означает одно – неизбежную смерть от постигнутой жизни. Потому-то вносится во всякого новорожденного только одно – свет, называемый русскими душою.

Воссияя тот свет от соприкосновения с миром, сотворенным Аллахом, образуется истинный человек. Не загаснет от необходимого соприкосновения с мерзостями ее – спасется человек. А спасется сам – и дружим путь протопчет. С молитвою о сохранении света души.

СВЕТЛАНА ВДОВИНА

ПОЭЗИЯ

Я могу скакать по звездам

Я снова здесь, где правит бал жара,
Где ветру не бывать, где звонкое светило
По небу вскачь торопится с утра,
Как будто бы в ночи земля моя остыла.

Я снова здесь, где монотонность жила
Прервется тихой сагой каравана.
И зернышки зиры пылливо положил
Мне на ладошку продавец нирваны.

ФИРУЗ МУСТАФА

переводы

ЗАВЕЩАНИЕ*Рассказ*

Однажды в осенний с моросящим дождем день Эфлатун, выйдя из кабины машины, отвозившей зерно со склада на мукомольный комбинат, прогуливался у старого здания конторы и был удивлен, когда кто-то окликнул его по имени. Мужчина растерянно осмотрелся вокруг: полный человек, как огромный мельничный жернов, катился прямо на него. Господи, это был Егор Михалыч! Эфлатуну и во сне не снилось, что однажды он встретится со своим бывшим соседом и другом в этом далеком уголке России...

ЖИЗНЬ НА ПОМОЙКЕ

Рассказ

Мухитдин успокоился, пришёл в себя и вдруг расплылся в улыбке. Улыбаясь, он будто сам превращался в бульдога: на светящемся лбу прорезались борозды, щеки собирались в гармошку и обвисали, как брыли собаки. Он покопался в карманах, нашёл мелочь и, протягивая, уронил деньги на землю. Бомж, упав на четвереньки, принялся расчищать руками снег в поисках монет.

«Значит, на помойке оказался, фокусник хренов! — усмехался про себя Мухитдин, глядя, как у ног ползает его обидчик. — Так тебе и надо, швабра!»

новые имена

Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ

Жемчугами рассыплется небо...

Жемчугами рассыплется небо, и клады
Тайных слитков серебряных под ноги нам
Бросит ветер, играя зиме серенады,
Потакая по-детски несбыточным снам.

И за тенью затейливых фей кружева снегопада,
И в крахмаленном ситце зима у границ.
И покроется прошлое сказкой старинного сада.
Чистой светом зимнего льётся отрада,
Совпадающая с сияньем мечты и страниц.

литературоведение.
литературная критика

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Целью комментирования является толкование текстов, дополнительное разъяснение фактов и событий, непонятных иноязычному читателю и затрудняющих правильное понимание текста, обеспечение понимания текста на всех уровнях, начиная с семантики используемых в тексте языковых единиц и кончая пониманием семантики текста в целом. Комментированием в широком смысле можно назвать обеспечение произведения различными справками о времени, месте написания, публикации, а также разъяснением трудных мест текста.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Президента Республики Узбекистан участникам международной конференции «Актуальные вопросы изучения и популяризации за рубежом узбекской классической и современной литературы» 5

Дружба литератур – дружба народов. 8

Сергей ГЕТМАН. Ташкентские хроники. 11

ПРОЗА

Алексей УСТИМЕНКО. Полонез в туркестанском халате. Главы из новой повести. 21

Бах АХМЕДОВ. Штрихи к портрету неудобного человека. 46

Марат БАЙЗАКОВ. Жизнь на помойке. Рассказ. 56

Олег КОТЕНКОВ. Приключения начинающего пенсионера. Рассказы. 106

ПОЭЗИЯ

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Солнечное затмение. 53

Светлана ВДОВИНА. Я могу скакать по звездам. 89

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Восточные мотивы. 119

НОВЫЕ ИМЕНА

Светлана ЯРЦЕВА. Мой странный мир. 59

Руслан МУКСИМОВ. Забавные истории. Рассказы. 99

Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ. Жемчугами рассыплется небо. 142

ПЕРЕВОДЫ

Мухаммад АЛИ. Амир Темур Великий. Роман-эпопея. Книга четвертая. Шахрух Мирза. Перевод Диноры Казимовой. 62

Фируз МУСТАФА. Завешание. Рассказ. Перевод Шахло Касимовой. 122

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Абдухаким ФАЗИЛОВ. Смерть фараона. Рассказ. 91

Анатолий ЕРШОВ. Через горы времени. 97

КАРАВАН ИСТОРИИ

Борис ГОЛЕНДЕР. О коллекциях и коллекционерах. .. 128

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Татьяна ОСИНА. Современный мир как абсурд. 125

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ. Этнокультурологические комментарии при переводе. 139

Оксана ГИБРАЛТАРСКАЯ. Специфика полифонизма в повести «Асик, или Сны о старом Ташкенте». 145

Буритго НАСИРОВА. Певец родного края. 150

Наиля КАЛЬМЕТОВА. Горы, которые нас оберегают. . 151

На 2-й странице обложки журнала сцены из спектакля Государственного молодежного театра Узбекистана «Игроки», на 3-й и 4-й – сцены из спектакля Государственного академического русского драматического театра Узбекистана «Самоубийца».

Звезда Востока

2018 № 5

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован

Узбекским агентством печати и информации

Per. № 0296

05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёкор,

Адиблар хйёбони, здание

Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

zvezdavostokazv@mail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена Юрченко

Подписано в печать 21. 09. 2018 г.
Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 900 экз. Заказ № 13

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ООО «PRINT REBEL»

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.

Ураббаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе объемом не более 50 страниц. Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ УЗБЕКСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Уважаемые участники конференции!

Дорогие друзья!

Дамы и господа!

Прежде всего от всего сердца приветствую вас – наших уважаемых гостей, прибывших в Узбекистан из стран дальнего и ближнего зарубежья на сегодняшний литературный форум.

Ваше участие в этой представительной международной конференции мы воспринимаем в первую очередь как проявление глубокого уважения и внимания к народу Узбекистана, его богатому духовному наследию и современной литературе.

Мы высоко ценим благородную деятельность каждого из вас как настоящего друга Узбекистана, искренне любящего нашу страну, хорошо знающего и широко пропагандирующего узбекскую литературу и культуру.

Пользуясь случаем, считаю для себя честью выразить вам большую признательность за то, что вы бескорыстно, не жалея своего таланта, знаний и опыта, пробуждаете интерес к нашей национальной литературе в своих странах и на международной арене.

Уважаемые участники форума!

Символично, что конференция, посвященная столь важной и актуальной теме, проходит в преддверии Дня независимости Республики Узбекистан.

Национальная независимость, обретенная двадцать семь лет назад благодаря твердой воле и решимости нашего народа, позволила нам стать полноправным членом свободной семьи народов мира, установить с международным сообществом плодотворное сотрудничество по всем направлениям, в том числе в культурно-гуманитарной сфере.

Сегодня Узбекистан вступает в качественно новый этап своего развития. Важнейшей, приоритетной задачей для себя мы определили переход от национального возрождения к национальному процветанию. Мы хорошо понимаем, что достижение этой высокой цели возможно лишь при условии укрепления отношений дружбы и сотрудничества с народами мира, построения открытого демократического общества, еще более широкого утверждения в нашей жизни национальных и общечеловеческих ценностей.

С этой точки зрения огромное значение имеет изучение и широкая популяризация за рубежом узбекской классической и современной литературы, глубокий анализ этой многогранной темы в контексте с важнейшими, процессами, происходящими сегодня в общемировом литературном пространстве, формирование научно-практических выводов и определение соответствующих задач на перспективу.

В нынешнее неспокойное и тревожное время сама жизнь – как никогда прежде – требует повышения роли и ответственности художественного слова в целях объединения всех людей с добрыми помыслами для совместного решения чрезвычайно сложных проблем современности, преодоления глобальных вызовов и угроз, возникающих сегодня перед человечеством, воспитания молодежи, которая составляет почти треть населения планеты, на основе высоких идей гуманизма.

Думаю, в ходе конференции вы получите исчерпывающую информацию о масштабной работе, проводимой в Узбекистане в этом направлении, в частности, о поднятых на уровень государственной политики таких приоритетных задачах, как последовательное развитие науки, образования и воспитания, культуры, искусства и литературы, всемерная поддержка научной и творческой интеллигенции в условиях рыночной экономики, повышение культуры чтения в обществе.

Говоря об этом, считаю уместным обратить ваше внимание на некоторые важные аспекты.

Мы в Узбекистане, следуя глубоко продуманному принципу **«Дружба литератур – дружба народов»**, уделяем большое внимание переводу и изданию на узбекском языке шедевров мировой классической и современной литературы.

Необходимо подчеркнуть, что в стране сформировалась уникальная творческая школа художественного перевода, на узбекский язык переведены тысячи произведений, являющихся бесценным достоянием общечеловеческой культуры, которые стали неотъемлемой частью духовного мира наших читателей.

Наряду с этим в Узбекистане проводится значительная работа по переводу на иностранные языки и широкой популяризации за рубежом лучших образцов нашей классической и современной литературы, воспевающих гармоничное развитие человека, справедливое общество, свободу личности, процветание Родины, такие прекрасные качества, как стремление к созиданию, доброта и милосердие, толерантность и человечность.

Большое значение имеет и то, что в образовательных учреждениях нашей республики обучение, помимо узбекского языка, ведется на каракалпакском, русском, таджикском, казахском, кыргызском и туркменском, в высших учебных заведениях как специальный предмет преподается английская, французская, испанская, японская, китайская, корейская, арабская филология.

Вместе с тем нам еще предстоит решить немало актуальных и важных задач в этой сфере. Так, до настоящего времени перевод большинства произведений зарубежной литературы на наш родной язык осуществлялся с помощью третьих языков, эта практика существует и сегодня. К тому же, несмотря на то что наши молодые переводчики, как правило, хорошо владеют языком оригинала, им иногда не хватает художественного мастерства. Такую же ситуацию можно наблюдать и в области перевода узбекской литературы на другие языки.

Уверен, что международная конференция по данной тематике, впервые проводимая в Узбекистане при вашем активном участии и содействии, послужит всестороннему обсуждению всех этих важных творческих проблем, выработке практических рекомендаций по более широкому использованию международного опыта, современных информационно-коммуникационных технологий, возможностей интернета, возобновлению и укреплению дружеских связей, сотрудничества между творческими объединениями, литературными изданиями, налаживанию взаимного обмена.

Мы всегда будем стремиться всесторонне и эффективно содействовать вам в таком важном деле. В частности, первым практическим шагом в этом направлении могло бы стать создание с вашим участием при Союзе писателей Узбекистана **Совета друзей узбекской литературы за рубежом** и организация его деятельности на системной основе.

Уважаемые друзья!

Сто лет назад великий узбекский поэт Абдулхамид Сулейман – Чулпан – выдвинул пламенный девиз: **«Пока жива литература – живет нация!»**.

Эти мудрые слова, прошедшие испытание жизнью и историей, и сегодня не теряют своего значения и актуальности. Действительно, пока живы литература, искусство и культура – будут жить и процветать нации, народы, все человечество в целом.

Желаю вам, дорогие друзья, посвятившим свою жизнь столь благородному и славному делу, крепкого здоровья, новых творческих свершений, счастья и удачи, а конференции – успешной работы.

Шавкат МИРЗИЁЕВ,
Президент Республики Узбекистан

ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР – ДРУЖБА НАРОДОВ

7–8 августа в Ташкенте, в здании Ташкентского университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, проходила первая международная конференция «Актуальные вопросы изучения узбекской классической и современной литературы и ее международная популяризация», организованная при сотрудничестве Союза писателей Узбекистана, Министерства высшего и средне-специального образования, Академии наук Узбекистана и других организаций-партнеров. В работе конференции приняли участие поэты, прозаики, переводчики, литературоведы, издатели из 25 стран мира.

Участники конференции посетили Аллею литераторов и Союз писателей Узбекистана, ознакомились с его деятельностью, с серьезной работой по изучению, переводу и созданию произведений национальной литературы. Затем на площади перед Ташкентским государственным университетом узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, где было намечено провести конференцию, участники возложили цветы к подножью памятника Навои.

На пленарном заседании приветствие Президента Республики Узбекистан участникам международной конференции зачитал Председатель Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан Н. Йулдошев. Председатель Союза писателей Узбекистана Сирожиддин Саййид, глава представительства ЮНЕСКО в Узбекистане Дендер Бадарч, вице-президент Академии наук Узбекистана Б. Абдухалимов, председатель Союза писателей Азербайджана, известный писатель Анар, председатель Союза писателей Казахстана Улыкбек Есдаулет, председатель Союза писателей Таджикистана Низом Косим, ректор Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои Шухрат Сирожиддинов отметили, что литература как вид искусства утверждает общечеловеческие духовные ценности и способствует взаимопониманию между народами, взаимообогащению и укреплению культурных связей. Актуализация вопроса перевода узбекской литературы на иностранные языки и перевода лучших образцов мировой литературы на узбекский язык, а также повышения переводческого мастерства – одна из главных задач, стоящих перед нашей литературой сегодня. Благодаря углубленному изучению национальных субстанций независимых государств обнаружили новые малоизвестные аспекты, сегменты национальных культур и литератур, возникла необходимость установления межнациональных контактов, создания условий для межнациональных диалогов через диалог национальных литератур, так как вступление Узбекистана «в качественно новый этап своего развития» от национального возрождения к национальному процветанию, как справедливо указывает Президент Республики Узбекистан Шавкат Миромонович Мирзиёев, «возможен лишь при условии укрепления отношений дружбы и сотрудничества с народами мира, построения открытого демократического общества, еще более широкого утверждения в нашей жизни национальных и общечеловеческих ценностей».

Профессор Тегеранского педагогического университета ученый-навоиед Хусейн Мухаммадзода Сидиг, председатель Союза писателей штата Пенджаб Дев Раж Бхвардваж (Индия), аспирант Мичиганского университета Кристофер Форт (США), профессор Токийского университета иностранных языков Хисао Коматцу (Япония) отметили, что узбекская литература – уникальное явление, развитию узбекской национальной современной литературы и изучению классической литературы уделяется особое внимание на государственном уровне. Данная конференция предоставляет возможность обмениваться новейшей информацией, оригинальными

мнениями писателям, переводчикам, ученым, изучающим узбекскую национальную литературу и работающим в области художественного перевода.

На конференции состоялся показ видеоролика, рассказывающего о проводимой в нашей стране работе по изучению и развитию национальной литературы. Участники, разделившись на секции, подробно обсудили актуальные вопросы изучения и популяризации узбекской классической и современной литературы, проблемы международного опыта в подготовке специалистов в сфере художественного перевода, укрепления международных творческих связей.

На заседании секции I. «Вопросы изучения узбекской классической литературы и ее международная популяризация» было прослушано одиннадцать докладов представителей стран Азии и Европы: Ирана, Туркменистана, Армении, Афганистана, Индии, Узбекистана; Швеции, Нидерландов, Германии. В докладах рассматривались вопросы издания узбекской литературы за пределами Узбекистана, изучения творчества отдельных писателей-классиков узбекской литературы и древних рукописных источников.

В секции II. «Вопросы изучения узбекской современной литературы и ее международная популяризация» прозвучали доклады отечественных исследователей и ученых из Турции, Японии, США, Индии, Азербайджана, Египта, в которых обсуждались вопросы изучения узбекской литературы, ее стилистического своеобразия, международных литературных связей, создания истории узбекской литературы, а также анализировалось творчество отдельных узбекских авторов.

В секции III. «Вопросы перевода узбекской литературы на иностранные языки и их популяризация» исследователи из Литвы, Франции, Кыргызстана, Германии, Турции и Узбекистана обсуждали проблемы и трудности, возникающие в процессе перевода узбекской литературы на различные языки, анализировали уже имеющиеся переводы.

В секции IV. «Международный передовой опыт по подготовке специалистов» ученые и журналисты из России, Южной Кореи, Индии и Узбекистана делились опытом подготовки переводчиков и конструктивными предложениями по подготовке специалистов-переводчиков.

В секции V. «Актуальные вопросы расширения международных литературных связей» состоялись «творческие диалоги» председателей Союзов писателей Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, руководителей таких изданий, как «Роман-газета», «Литературная газета», «Ўзбекистон адабиёти ва санъати», «Звезда Востока», заслуженных писателей и поэтов Узбекистана и переводчиков.

В адрес участников конференции поступило приветствие от министра информации Республики Беларусь Александра Карлюкевича.

ПРИВЕТСТВИЕ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Уважаемые коллеги!

Дорогие наследники великого Алишера Навои!

Приветствуем вас в день открытия Первой международной конференции «Актуальные вопросы изучения узбекской классической и современной литературы и ее международная популяризация»! Отрадно, что такое широкомасштабное мероприятие собрало вместе всех, кому интересен мир узбекского художественного слова.

И в Беларуси есть пространство, которое нас связывает. Еще в 1930-е годы узбекскому читателю стало известно имя народного песняра Беларуси Янки Купалы. В 1932 году на встрече с общественностью в Ташкенте гости Узбекистана – писатели Петро Глебка, Илларион Барашка, Микола Хведорович – рассказали о белорусском литературном процессе, о творчестве Янки Купалы. В узбекской периодической печати в 1942 году появились первые переводы его произведений на узбекский язык. Газета «Қизил Ўзбекистон» поместила отрывок легендарного произведения Купалы «Белорусским партизанам». 7 июля 1942 года, когда Купалы уже не стало, Академия наук БССР при самом непосредственном участии Союза писателей Узбекистана организовала научную конференцию в честь народного песняра Беларуси. Торжественное заседание в честь Купалы прошло и 27 июня 1943 года – в Самаркандском (Ташкентском) университете. С докладом «Жизнь и творчество Янки Купалы» выступил белорусский и узбекский литературовед, поэт, переводчик Степан Лиходзиевский. Во время Второй мировой войны Ташкент стал родным городом для Якуба Коласа. В столице Узбекистана и в годы войны выходили его книги. Руку помощи поэту прежде всего протянули узбекские писатели.

Дорогие друзья! Мы желаем конференции плодотворной работы, очень надеемся, что она станет традиционной площадкой для расширения белорусско-узбекских литературных связей. Верим в то, что имена Купалы и Коласа, их творчество будут востребованы и в Узбекистане как важная основа, духовная составляющая в формировании наших общих устремлений в мир, где господствует гуманизм, где художественное слово является защитой от мракобесия и унижений. Как верим и в то, что произведения Алишера Навои, других классиков узбекской национальной литературы с новой силой зазвучат в нашей родной Беларуси, стране, где все устремления государства сориентированы на утверждение миролюбия, добрососедства и дружбы между народами. Пусть сегодняшняя конференция поспособствует развитию переводческого дела. Мы в Беларуси готовы сделать все возможное, чтобы открыть нашему читателю многогранный мир современной узбекской литературы. Страницы наших литературных журналов, общественно-политических периодических изданий открыты для того, чтобы писатели Узбекистана смогли рассказать о сегодняшних достижениях, сегодняшних преобразованиях в вашей стране. Всем вам желаю успехов и процветания!

Многогранная успешная работа конференции – залог плодотворного сотрудничества с международным сообществом и дальнейшей актуализации международных литературных связей.

Информация Клавдии ПАНЧЕНКО

ТАШКЕНТСКИЕ ХРОНИКИ

СЕРГЕЙ ГЕТМАН

- Приятно встретить здесь земляка!
Я ведь тоже с Земли.
– То есть как это?
– А вот так. Нас тут много с Земли.
– Вы? С Земли? –
Капитан вытаращил глаза.
– Не может этого быть!
Вы что, тоже прилетели на ракете?

Р. Брэзбери, «Марсианские хроники».

4 августа, суббота

О перелёте из Риги в Ташкент можно рассказывать долго и красочно: несколько часов я просто не мог оторваться от иллюминатора! Да и не хотел, честно говоря... Пустыня столь очаровала меня, что я совершенно позабыл о своём местоположении: казалось, что наш «Боинг» летит над Марсом. Да, сначала были огромные барханы, затем – глубокие кратеры, после – извилистые каньоны... Я даже стал искать знаменитое Марсианское лицо... Не поверите: НАШЁЛ, о чём думаю сообщить в Академию Наук Литовской Республики и всем университетам мира, с которыми сотрудничаю! Далее: поля, Приаралье, ирригационные каналы... Редчайшая красота; словом, любой из хоть раз летавших над Марсом, меня поймёт.

Коллега Рисолат Хайдарова заблаговременно вооружила меня подборкой стихов современных узбекских поэтов, с которой я придирчиво ознакомился ещё дома, а вот как быть с узбекской музыкой? Желая познакомиться с ней, я нацепил наушники и прослушал песню Райхон «Излайсан» целых шестьдесят два раза подряд до полной остановки аэробуса в ташкентском аэропорту.

Получение визы для посещения страны отняло у меня более часа; к сожалению, между Литвой и Узбекистаном нет ни дипломатических, ни экономических отношений, что обидно и странно... Надеюсь, что общими усилиями народной дипломатии, мы – литовцы и узбеки – вместе решим и этот вопрос...

Сергей ГЕТМАН (ИСАЕВ). Родился в 1973 г. в Клайпеде, писатель, поэт, переводчик с литовского, английского, немецкого, французского и итальянского языков, редактор, литературный сотрудник многих литовских, европейских и российских изданий и издательств, член литовских, европейских и российских литературных творческих союзов и сообществ. Лауреат литературных премий Литвы, Германии, России.

Гуляя битый час между пограничным и таможенным контролем, я, наконец, получил разрешение «перейти границу»: в «зелёном коридоре» меня с улыбками встретили коллеги Алишер Муминов, Муродилла Хайдаров, Саид-Амирхон Махмудов, Шерзоджон Чориев, Фахриддин Хайитов и Тахиржон Султанов, который стал моим куратором и надсмотрщиком на ближайшие выходные. Ребята поздравили меня, сообщив, что я – первый из прибывших на конференцию! Общение налажилось с первого мгновения: мои узбекские друзья оказались на редкость коммуникабельными. Впоследствии мне удалось установить, что все восточные народы отличаются словоохотливостью и повышенным вниманием к собеседнику. Предупредительностью – также. Так что прав был товарищ Сухов, уверяя, что Восток – дело тонкое...

Затем – переезд на такси в гостиницу «City Palace», как говорят, одну из лучших в Ташкенте, если не самую лучшую. В самом центре города. Позже, гуляя по ночам (поскольку днём из-за солнышка невозможно высунуть на улицу носа), я установил, что совсем неподалёку располагается Национальная библиотека имени Алишера Навои, Площадь Независимости, Сенат Республики Узбекистан и прочие достопримечательности. Особенно поразил мемориал участникам Второй мировой войны, созданный в конце девяностых, если не ошибаюсь, годов: узбекам, русским, евреям, украинцам и людям других национальностей, сражавшимся с фашизмом, национал-социализмом и другими несносными любому здравомыслящему человеку «измами»... На мой взгляд, это говорит о правильной памяти узбекского народа: история не переписывается, как, скажем, у нас, акценты расставлены чётко и совершенно определены.

Несмотря на то что я не спал более суток, сидеть в гостинице не хотелось. Ведущий специалист фонда «Ижод» при Союзе писателей Узбекистана Аскар, видя мои метания по коридору гостиницы, предложил небольшую прогулку. Меня немедленно отвели на экскурсию в музей Амира Темура и всей династии Темуридов. Место, как минимум, уникальнейшее: потрясающее количество экспонатов, великолепный гид... Вскоре от обилия информации у меня стала трещать голова, а желания уйти так и не возникало. Впрочем, видя мою полную дезориентацию в пространстве и времени, коллеги – историк Хайрулла, техник Ислам и уже упоминавшийся Тахиржон – едва ли не под руки вытащили меня на улицу и повезли на ужин в какое-то милое местечко, где чудесная национальная кухня. На последнем я настаивал особенно. Ребята удивлялись, как чистейший европеец ложками потребляет бараний жир, притом ничуть не морщась... Да, мои генетические коды лежат на романтическом Востоке, это бесспорно!

Что добавить к написанному? Как вернуться в гостиницу – не помню... Дорогие мои Тахиржон и Хайрулла, несказанный вам РАХМАТ за потраченное на меня время, средства и внимание!

В гостинице Аскар вручил мне комплект с записными книжками, авторучками и программой предстоящей конференции. Поднявшись в номер, я обнаружил среди вещей бэйдж на имя Александра Ливерганта, видимо, организаторы перепутали – таким образом его комплект оказался у меня. А мне было приятно вдвойне: во-первых, Александр Яковлевич был одним из первых людей во Вселенной, отозвавшимся о моём переводе литовца К. Донелайтиса; во-вторых, мне было радостно, что он также будет присутствовать на конференции. Я вернул вещи Аскару, получив взамен причитающийся мне комплект – на сей раз с собственными позывными...

А перед сном раз десять проехался в гостиничном лифте, знакомясь с неопишуемой иллюминацией ночного Ташкента...

5 августа, воскресенье

Я проспал около четырёх часов – до внезапного воскресения: в апартаментах надрылся телефонный звонок. Аскар приглашал меня на завтрак. Мы посидели в ресторане, после чего мой друг предложил мне осмотреть старинный Алайский базар. Я ответил немедленным согласием – и мы двинулись в путь. Кстати, «двинулись в путь» – это, скорее, для красного словца: базар находился от гостиницы минутах в пяти ходьбы. Несмотря на полную реконструкцию, строение ничуть не утратило величия, а прежнюю его красоту мне довелось увидеть несколько дней спустя в Национальной библиотеке имени Алишера Навои, перелистывая знаменитый «Туркестанский альбом»: подборку около 1 200 фотоснимков из жизни и быта Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана почти за две сотни лет! Жадно разглядывая каждый из них, я осознавал: *genius loci*¹ не покинул страну с приходом современности, он остался здесь. И будет пребывать всегда, поскольку непреходящи строки Навои, Увайси, Чулпана и других выдающихся поэтов, которые давно принадлежат не только Узбекистану, они – достояние всей человеческой цивилизации. И неважно, к каким постройкам прикасалась моя рука – к старинным ли, к современным – я слышал эти строки в архитектуре. В древних деревьях и молодых побегах. В тысячелетних камнях и раскалённом асфальте дорог. Потому, что такая уж у него особенность – у него, у *genius loci*, – БЫТЬ ВЕЗДЕ, ВО ВСЁМ, ВСЕГДА...

Как и в водах Анхора – реки в центре Ташкента, которую я обнаружил после часа блуждания по городу. Увидев её, я окаменел на неопределённое время: мне никогда ещё не доводилось видеть зелёной воды! У нас, на Балтике, она синяя, так сказать, до посинения, а здесь, в Узбекистане... Это экзистенциальное переживание, поистине граничащее с трансцендентным, я попробовал оформить в следующих строках, хотя уже достаточное количество лет не писал стихотворений:

*асфальтовые реки
Ташкента
плаваются в
венах
о зеленовласый Анхор
украшение
грёз моих
никогда и никто
не освежал меня так
как ты
спеленатый
локонами любимой
чувствую
что дважды два уже
не равно четырём
а лоно твоё –
центр Вселенной*

Значит, дух места коснулся меня – и я расслышал его, и ответил ему... Правда, оставался вопрос: не окажется ли Анхор мужского пола? Не хотелось бы выглядеть неподобающим образом перед узбекскими коллегами после таких лирических признаний...

Промедитировав пару часов (если не лгал мобильник), я вернулся в исходное состояние – и кое-как, покачиваясь от пережитого, поплёлся в гостиницу.

¹ Дух места (лат.) (прим. авт.)

Оказалось, что я невольно пришёл к ужину, а главное – прибыло ещё двое гостей: токиец Хисао Коматсу и Темур Кусуглу из США. Добрейший Аскар немедленно определил меня к ним за стол – и мы чудненько провели время, общаясь по-английски. В разговоре выяснилось, что Тимур-ака не только не путает Литвы с Латвией (а латышом меня называли как минимум восемнадцать раз в сутки!), но и четырежды бывал в Литве, изучая язык и религиозные обряды наших караимов¹.

Когда мои новые друзья отправились по своим апартаментам, в ресторане появились новые люди: таджикский Народный поэт (председатель Союза писателей Таджикистана) Низом Косим и коллега Абдилажан Акматалиев – член Президиума Академии Наук Кыргызстана, специалист по литературе XX века. Мои новые знакомые знали Литву даже лучше предыдущих собеседников: Абдилажан знал литовскую литературу (как и полагается научному работнику), а коллега Низом даже цитировал на память (в русском переводе, конечно) стихи Эдуардаса Межелайтиса и других литовских поэтов. Мне хотелось провалиться от стыда сквозь землю, проклиная собственное невежество: кроме известнейших имён творцов кыргызской и таджикской литературы я не мог назвать никого из современников! Конечно, это проблема взаимоотношений писательских – и не только! – организаций наших стран, отсутствие специалистов и переводчиков... ну и расстояние, естественно. Мы пели песни (кстати, Абдилажан пел песню на стихи сидящего рядом друга Низома!) – и разошлись практически утром...

Ещё деталь: когда я направлялся «в номера», ко мне подошёл друг Аскар и показал со своего андроида парочку статей с моими интервью из ташкентского аэропорта (как первого гостя), уже попавшими в национальную прессу. Что тут сказать: узбекская журналистика ничуть не уступает в оперативности европейской! Элегантна, эффективна... и эффективна!

6 августа, понедельник

И вновь – пробуждение от телефонного писка: Аскар сказал в трубку, что у меня есть пять минут, чтобы спуститься в холл гостиницы. В армии я никогда не служил (так как просидел отведенное для этого время в католическом монастыре), однако на собственной шкуре прочувствовал, что значит «одеться, пока горит спичка». Мы с Аскаром сели в машину – и вскоре были в головном офисе Союза писателей Узбекистана. Назвать это помещение «зданием» – значит оскорбить возводивших его архитекторов: это самый настоящий дворец! Двухэтажное строение с конференц-залами, библиотеками, кабинетами; с расходящимися от него аллеями, с памятниками знаменитым писателям и поэтам страны; с находящимся неподалеку строящимся домом писателей и переводчиков (по аналогии с Домом писателей и переводчиков у нас, в Ниде, или в Швеции – в Висби, или в Вентспилсе [Латвия]). Мне пояснили, что подобную красоту и роскошь инициировал непосредственно Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, равно как и проведение настоящей Международной конференции по вопросам популяризации классической и современной узбекской литературы. Действительно, размах мероприятий поражает: нас принимали, подчеркну, НА ПРЕЗИДЕНТСКОМ УРОВНЕ! Насколько мне известно, в Балтийских странах таких попыток – организации подобных конференций – со стороны Правительства даже не предпринималось... На уровне стран Балтии – было, но вот в таком широком формате... уж простите!

¹ Уникальная (к сожалению, исчезающая) этническая группа, появившаяся в Литве в конце XIV столетия по приглашению Великого Князя Литовского Витаутаса (1350–1430 гг.). Его личная гвардия; язык их принадлежит к тюркской группе, вероисповедание – близкое к иудизму. В данное время численность караимов в Литве около двух-трёх сотен человек (прим. авт.)

Во время осмотра здания Союза писателей Узбекистана я почти на каждом шагу встречался с улыбками, что было странно: люди мне вообще редко улыбаются, да и в Литве это не особо принято... К тому же со всех сторон меня окружали ДРУЗЬЯ: и старые, и новые. Я встретил Александра Ливерганта, доложив ему, что позавчера, согласно бэйджу, замешал его около минуты; встретил замечательную Вику Чембарцеву из Молдовы, с которой не виделся более двух лет; великолепную Армине Мартиросян из Армении... Я, стоя на узбекской земле, приветствовал граждан многих государств, а они – приветствовали меня. И это – благодаря стараниям Правительства Республики, благодаря усилиям инициативных узбекских писателей. Уверен, забегая вперёд, что подобная встреча не напрасна. Мы БУДЕМ ДРУЖИТЬСЯ. Мы БУДЕМ ТРУДИТЬСЯ ВМЕСТЕ. Иначе – невозможно! Да и незачем...

Знакомства были обильными: от количества имён, фамилий, стран голова просто пухла. Впрочем, я не особенно запаривался по сему поводу: верил в собственную память... И она не подвела ни разу, за что ей отдельный РАХМАТ! Кстати, только что похвалил её, однако... Следует быть справедливым: вместо МАРХАМАТ она в течение пары дней услужливо подбрасывала мне МАТРИАРХАТ! Хвала Высшим Силам, меня понимали и прощали... МАРХАМАТ – на мой слух, – одно из красивейших слов в узбекском языке. Позже, во время конференции, я сознательно не слушал перевода с узбекского; это слово я мгновенно выделял из речи говорящих, оно стало для меня настоящим фонетическим откровением. Оно – полифонично, оно – многогранно...

Обедать я пристроился к Элен Мела – профессору Сорбонны, преподающей русскую литературу и тренирующей новое поколение переводчиков, и Барно Ариповой – преподавателю кафедры Центральной Азии Университета имени Гумбольдта в Берлине; насколько я понял, Барно занималась тем же самым, что и коллега Элен. Сперва я опасался, получится ли продуктивная беседа, поскольку мои новые друзья – профессиональные лингвисты, а философом на конференции был только я. Однако страхи мои немедленно рассеялись: Барно и Элен оказались удивительно приятными собеседницами. Настолько приятными, что я пристроился к ним и на вечернюю трапезу...

После ужина вышел на улицу перекурить, там меня ждала совершенно комичная ситуация. Подбегает ко мне парень, возможно, слегка моложе меня, протягивает руку, улыбается: «Вы – журналист?» – спрашивает на ломаном английском. «Журналист», – отвечаю. Я уже привык за несколько дней, что Аскар или Тахиржон частенько посылают ко мне своих друзей, чтобы предложить какую-нибудь прогулку... Он попросил сигарету, мы закурили. «Вы Серж?» – продолжает он. «Некоторые меня так называют», – отвечаю, вспоминая, как совсем недавно именно так обращалась ко мне Элен. Болтаем дальше. Вижу, человеку тяжело справиться с английским, начинаю говорить по-русски. У него – глаза на лоб: «Так вы и по-русски понимаете?!» «Довольно хорошо, – говорю, – русский – мой третий язык». Далее он говорит о том, что завтра мы посетим Сельскохозяйственный институт, а потом мне возьмут билет в Москву... «Позвольте, – говорю, – при чём тут Москва? Да и Сельскохозяйственный институт?.. Я прибыл в Ташкент два дня тому назад и ранее чем через пять дней покидать его не собираюсь!» Он (от удивления склонив голову набок): «Не понял... Вы Серж?» Я утвердительно киваю. «Журналист?» Тот же знак. «Из Франции?» При этих его словах глаза на лоб лезут уже у меня: «Увы, месье! Я литовец. Приехал по приглашению на конференцию по вопросам популяризации классической и современной узбекской литературы» Парень хватается за голову: «Простите, я ошибся! Думал, что вы – это не вы... Мне дали описание похожего на вас человека. А в холле я слышал, как вы говорите с какой-то мадам

по-французски...» Верно, я ведь провожал Элен к лифту! Мы пожали друг другу руки, а после ещё одной сигареты я увидел его за столом с патлатым французом; они, будто сговорившись, одновременно глянули на меня и улыбнулись.

Спокойной тебе ночи, Серж! Мне – тоже...

7 августа, вторник

Итак, стартовал первый день конференции. После завтрака нас отвезли в университет имени Алишера Навои – и тут началась подлинная суматоха! До начала мероприятия оставалось сорок минут, а журналисты ухитрились взять у меня интервью девять раз, что, признаться, явный перебор даже для меня. Впрочем, многие коллеги пострадали гораздо больше... А потом я встретил доктора наук Саодат Камилову – моего милого друга, с которой не виделся почти пять лет, аж с самого ереванского Форума 2013 года – я бегал за ней хвостом, чтобы не потеряться в массе народа. А когда наконец нас всех рассадили в конференц-зале и стало относительно тихо, прозвучало приветствие Президента Республики Узбекистан. Вёл мероприятие председатель Союза писателей Узбекистана Сироджиддин Саййид (а кому же ещё его вести?!), который сердечно приветствовал нас; с приветственным словом поочерёдно выступили председатели писательских Союзов Azerbaijan, Казахстана, Таджикистана... Нам был показан великолепный короткометражный фильм об истории узбекской литературы и деятельности Союза писателей в наше время, и, если бы нам не подарили по копии этой картины после конференции, я обязательно попросил бы её себе в личный архив. Честно, не постеснялся бы... Понимая, что уважаемый Сироджиддин Саййид бесконечно занят, я старался не тревожить его по мелочам, однако он сам, так или иначе проходя мимо, неизменно отыскивал меня взглядом и любезно интересовался: «Как настроение, Сергей? Всё ли хорошо?» Тогда-то мне и удавалось перебраться с ним словом-другим... Без лукавства хочу отметить, что эти два вопроса были на устах у ВСЕХ наших хозяев – администраторов и организаторов. Но отнюдь, надо полагать, не потому, что они администраторы и организаторы. Двумя днями позже, когда мы с Элен отдыхали возле гостиничного бассейна, я предположил, что причиной подобного внимания являются столетиями накопленные, впитанные с материнским молоком незбываемые законы подлинно восточного гостеприимства. Мы, на Западе, совершенно утратили чувство братства и соседства – и, как следствие, получили взамен прогрессирующее отчуждение: ведь природа человеческая, как и «Метафизика» великолепного Аристотеля, не терпит пустоты... да и Третьего закона Ньютона никто отменить не в силах. А Восток до сих пор стоит на крови, братстве, на добрососедстве, потому и дела обстоят совершенно иначе. Вспоминаю один из хадисов¹, когда Пророк Мухаммад сказал: «Тремя благостями может Всевышний наградить человека: дать ему доброго коня, добрую жену и доброго соседа». А разве это не так?!

Словом, после открытия конференции началась работа по секциям – выступления с докладами. Как обычно, мне досталось первое выступление. И, как обычно, я выкрутился, хотя, как известно, первому всегда тяжелее: сократил доклад с четверти часа до двух минут. Заслужил бурные аплодисменты и диплом АБСОЛЮТНОГО ПЕРВЕНСТВА, по словам нашего модератора, за самый краткий доклад, диплом и вручен был мне после мероприятия...

Затем обед в ресторане «Тадж Махал», продолжавшийся более двух с половиной часов! Я успел обратить внимание (поистине, трудно было бы этого

¹ Предание или пример (араб.), основанный на личном поведении или высказывании Пророка Ислама (Салаллаху Алейхи Увассаллям!) (прим. авт.)

не сделать!), что обед и ужин на Востоке нереально затянуты... Мой обед дома НИКОГДА не превышает десяти минут... Ну, максимум, четверти часа. А в Узбекистане – это целый ритуал. Спешить никак нельзя. Потому и старался изо всех сил – уж простите невольный оксюморон! – не спешить...

Итак, мы вернулись в университет, где продолжили слушание докладов. Вечером нас вновь везли в ресторан: ужинать. Подобной нагрузки на организм я не выдержал – сел за стол исключительно для того, чтобы послушать национальную музыку. Под ташкентским небом зазвучали народные инструменты, мужские и женские голоса. Вокалы высшего, так сказать, калибра, неудивительно, ведь каждый выступавший(-ая) обладал(-а) титулом как минимум Народного или Заслуженного исполнителя Республики Узбекистан! Чем ещё раз подтверждался факт: принимали нас на президентском уровне. Я устроился за столом с россиянами Александром Ливергантом и Юрием Козловым, вышеупомянутыми Викой и Армине; непосредственно со мной расположились Хендрик Боешотен из Нидерландов, немец Карл Райхль и Кристофер Форт из США. Время от времени мы с ними поочерёдно вскрикивали «браво».

А потом... У меня едва сердце не выпрыгнуло: ко мне со спины внезапно подкрался Бах Ахмедов – замечательный узбекский поэт, пишущий на русском языке, один из моих наиболее ценимых мною поэтов современности! С ним я тоже не виделся тысячу... ну, как минимум, пять лет точно! И мы с ним – в компании Саодат и Вики – сбежали с банкета, чтобы хоть чуть-чуть посидеть малой компанией.

Вечер пролетел незаметно, как пролетает сама жизнь. Тогда-то, после созерцательной, медитативной беседы и дружеских посиделок на берегу Анхора за чашкой зелёного чая я громогласно заявил, что хотел бы умереть в Ташкенте. И повторял это каждый следующий день и неоднократно. Почему? Да потому, что я был во множестве точек нашей планеты, но только здесь столь явно услышал глас *genius loci*... И не просите меня комментировать сказанное, даже пытаться не стану. Это – мой внутренний, непередаваемый опыт. Если скажу – слова мои исказятся сами по себе в момент их передачи... Как говорят итальянцы, «Traduttore – traditore»¹. И проблема актуальна не только для нашей конференции и дальнейшей работы. Такие вот дела... Фибры души зачастую невозможно передать словами... без искажения смысла...

8 августа, среда

Согласно программе сегодня мы должны были посетить Самарканд. И посетили-таки! Воспользовавшись услугами скоростных поездов – во Франции такие средства передвижения называют TGV²; я к ним очень привык, потому буду называть их французской аббревиатурой. Во Франции они развивают скорость более 300 км/ч; здесь, в Узбекистане, скорость их доходит до 250 км/ч. Более высокой скорости я не заметил, хотя довольно часто глядел на табло параметров движения состава. Конечно, в Литве таким зверюгам делать нечего: при размерах государства (огрубим до нуля) 300х400 км им даже разогнаться будет нелегко; а вот в Узбекистане – они просто необходимы. Весь путь к древней столице Узбекистана занял то ли два, то ли два с половиной часа. А виды, открывающиеся путникам из окна, способны были покорить самую неземную натуру.

К слову сказать, совершенно случайно узнал, что среди городов-побратимов Самарканда числится и латышский курорт Юрмала; а нам слабо, что ли, сделать

¹ «Перевод – предаёт», «переводчик – предатель» (ит.) (прим. авт.)

² TGV – Train a grande vitesse (фр.), т. е. высокоскоростные поезда (прим. авт.)

побратимом старинного города, скажем, Палангу?! А ещё лучше – мою Клайпеду! Дарю идею любому дальновидному литовскому политику... Равно и авторские права на неё.

На вокзале нас встречали музыкой, хлебом и самаркандскими сладостями. Потом усадили в «Мерседесы» и автобусы и повезли по древней столице. Кстати, перед нашим кортежем неизменно двигался милицейский автомобиль с включенными сигнальными лампами (!), правда, без sireны. Чтобы мы ехали без задержек, милиция перекрывала движение, стоило нам проехать, как движение транспорта возобновлялось. Налицо дополнительный факт того, что уровень нашего приёма был чрезвычайно высок...

Если честно, то писать о Самарканде тяжело... сейчас вновь спрячусь за «непередаваемым опытом»... Уже не говоря о том, сколько великих поэтов и писателей разных народов воспевали эту жемчужину в пустыне, сколько величайших учёных и государственных деятелей ходили по его улицам! Не в обиду самому себе будет сказано, но пока наши прашуры-северяне сидели в неумело вырытых земляных норах, здесь процветала цивилизация... и она ПОРАЖАЕТ человечество до сих пор!

Начало нашей самаркандской программы – посещение места упокоения Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова. Меня курировал Рустам (прости, брат, твою фамилию тоже не помню!), рассказывал и показывал – где встать, где пройти. Сели на специальные лавочки, прослушали, насколько я понял, поминальную молитву...

Не помню всех мест, которые мы посетили; в памяти остались комплекс Регистан, мавзолей Амира Темура и, конечно, известная всему миру обсерватория Улугбека, фотографию которой я буквально выел глазами на уроке истории в пятом или шестом классе, мечтая хоть одним глазком увидеть это чудо... Вот и сбылась мечта.

Назвать Регистан удивительным сооружением – значит, ничего не сказать вообще. Место настолько знаменитое, что давно перекочевало из реальности в пространство компьютерных игр! Непостижимым образом влияет на изучающего его глазами, притягивает, захватывает и растворяет в себе. Для примера – история, которой я стал очевидцем.

Случилось так, что я поначалу разглядывал комплекс в компании Александра Ливерганта, которому хвастался давней победой над собственным фетишизмом: раньше я безбожно растаскивал на сувениры камешки из средневековых замков Франции, Германии да Италии, но при виде Регистана я моментально забыл о некогда одержанной над собой победе. Если б Александра не было рядом, я не сдержался бы и взял на память что-нибудь... Кое-как мне удалось побороть внезапное и довольно стойкое искушение; Александр пошёл, вроде, за водичкой, а я пристроился к Вике. Она ходила и фотографировала всё, что попадалось на глаза... Случилось так, что меня догнали Хендрик и Карл; Вика шла метрах в десяти от нас, наша же троица, негромко беседуя, бездумно следовала за ней. В одном из строений девушка внезапно замерла и стала вращаться вокруг своей оси! Поднимала руки над головой, опускала их, а вращение не прекращалось. Мы с коллегами приблизились к ней на расстояние метра; я в шутку хотел посоветовать ей немедленно вступить в тарикат Мевлеви,¹ но когда увидел её глаза, понял, что лучше промолчать. И даже отойти от неё подальше. Глаза моего друга были СОМКНУТЫ! Движения её были столь правильными, столь точными; а ну-ка, попробуйте покружиться вокруг оси с закрытыми глазами! Уверен, ни

¹ Суфийская зикр (практика поминания Всевышнего), основу которого составляет танец (кружение вокруг собственной оси). Сам тарикат (или путь) основан великим поэтом Руми (XIII век) (прим. авт.)

одного правильного круга вам описать не удастся – как минимум, зашатаетесь... Вика сама после рассказала мне, что её поглотил Регистан. Почему же, будучи свидетелем её необъяснимого танца, я должен подвергать увиденное сомнению?!

В мавзолее Амира Темура, видимо, случилось ещё одно чудо, на этот раз с Армине. Была такая жара, что даже кондиционеры, казалось, не спасали посетителей древнего захоронения. Я мысленно поклонился усопшим и одним из первых рванул к автобусу. Вскоре стали появляться и мои коллеги. Собрались все, кроме Армине. Ждём её минуту, ждём другую... Сопровождающие забеспокоились; я вряд ли понял, о чём они говорили меж собой, но перевёл себе, что на её поиски надо задействовать четыре вертолёт. «Зачем, – говорю, – четыре вертолёт?» Я сам, дескать, стою четырёх вертолётов... И, не дождавшись ответа, понёсся в сторону мавзолея. Пробежав с полсотни метров, вижу: плывёт наша красава, да так не спеша... Оказалось, тоже замедитировалась... Вот вам и Восток, и дух места!

Вернулись в Ташкент поздно. Многие спали ещё в TGV; я же устроился рядом с Тимуром-акой и Хендриком. Говорили обо всём, наверное, пока моих спутников тоже не сморило. А завтра меня ждал последний день в Узбекистане. Поэтому гулял по городу до четырёх утра...

9 августа, четверг

Проснулся часов в десять... Конференция – по крайней мере, её официальная часть – закончилась; мы были предоставлены самим себе. Конечно, Аскар и другие ребята предлагали осмотреть нам некоторые места, но Вика пригласила меня на свой творческий вечер, почитать её стихотворения на литовском языке; естественно, мне не хотелось пропускать такого случая. Я хотел немного погулять по городу, а потом поехать в музей, но Бах Ахмедов вызвался доставить нас с Элен на своём авто прямо на место.

То ли на меня так повлияла поездка в Самарканд, то ли я получил лёгкий солнечный удар, однако я внезапно поймал себя на том, что не помню мотива песни Райхон, которую мурлыкал себе под нос почти постоянно. Время шло, а память никак не возвращалась. Для восстановления оной мне явно требовался стресс. Прогуливаясь возле Национальной библиотеки, я поздоровался с милиционером, охраняющим вверенный ему участок, и без лишних слов попросил его четыре раза стукнуть меня палкой. Парень улыбнулся (настрой его был явно философским) и спросил, почему именно четыре раза? Почему не три, не пять? Я ответил, что, полагаю, четырёх хватит. Он рассмеялся – и я мгновенно вспомнил мелодию...

Спустя час или два Бах отвёз нас с Элен в Литературный музей имени Сергея Есенина. В зал я вошёл лишь дважды: когда приветствовал Вику и собравшихся, и когда Рисолат Хайдарова попросила меня пригласить всех участников прошедшей конференции на ужин. Дышать в помещении было невозможно, несмотря на вентиляторы и веера в руках дам... Я всё мероприятие простоял в дверях.

Потом был ужин в ресторане «Аль-Азиз», последний мой ужин на узбекской земле. То ли я расчувствовался от осознания этого, то ли на меня повлияли звуки суфийской флейты, то ли жара, сказать не могу... Однако, подобно Вике или Армине, я тоже стал «проваливаться». Спас меня от «обморока» коллега Абдуллох Руйин из Афганистана: я заговорил с ним на сто раз ломаном арабском, благодаря чему и остался в нашем измерении...

10 августа, пятница

Итак, последний день в Ташкенте... В неопределённом состоянии я спустился в ресторан, где встретил Низома Косима, Хендрика Боешотена и Улыкбека Есдаулета, к которому и подсел на завтрак. Разговорились. Я вспомнил, что

у меня есть замечательный старший друг, великолепный писатель русского Запада, романист из Калининграда Вячеслав Михайлович Карпенко, что он вроде бы жил много лет в Казахстане... А коллега Улыкбек улыбается: «Конечно Слава – наш! Передавайте ему привет!» Воистину, сколь же тесен мир!

Сходил в последний раз Национальную библиотеку. Охранники даже паспорта не потребовали, только улыбаются: «Да вы сюда, господин иностранец, ходите каждый день! Мы вас запомнили!» Примелькался я, значит, перифразируя слова известной песни Ю. Антонова, «Под крышей дома Навои...»

Простился с коллегами из библиотеки, вернулся в гостиницу. Прямо в холле на меня налетает Вика: «Где тебя носит, а? Сейчас же едем обедать с сотрудниками еженедельника «Kitob Dunyosi», они нас пригласили ещё вчера...» Верно! Я в печати от расставания с Ташкентом совсем о том позабыл...

Последний обед в Ташкенте я разделил с Викой, Элен и нашими новыми друзьями: красавицей (а по совместительству – поэтом и переводчиком) Гузаль Бегим и редактором литературного республиканского еженедельника «Kitob Dunyosi», поэтом, прозаиком и драматургом Кучкором Норкobilом. Говорили много и, надеюсь на это, перспективно. Популяризация литературы как довольно значимой части культуры необходима; в этом может усомниться разве что последний недоумок. Я вспомнил, что Ташкентская конференция проходила под девизом Чулпана: «Пока жива литература – живет нация!» К слову я процитировал и нашего замечательного прозаика, моего давнего друга, несколько лет назад покинувшего лучший из миров, Римантаса Черняускаса, некогда писавшего: «Да будет проклят народ, который не чтит своих поэтов!» Возможно, звучит жёстче, но сути не меняет. И великий узбек, и находившийся от него за многие тысячи километров литовец высказали независимо друг от друга идентичную мысль... И почему я этому не удивлён?!

А потом за мной заехал Тахиржон – и отвёз меня в аэропорт. Кроме саквояжа, со мной было четыре баула: подарки, книги, периодика, научные издания. По пути к самолёту у меня неоднократно наворачивались слёзы. Наверное, поэтому я потерял на собственном кресле телефон, пачку узбекских сигарет и зажигалку... Первого было совершенно не жаль, чего нельзя было сказать об остальном. Впрочем, обнаружил пропажу я только в Риге: пока самолёт преодолевал тысячи километров, я слушал Райхон – ту самую песню «Излайсан»...

В Латвии, а после – и в Литве, – моросил дождь; температура была привычной – шестнадцать по Цельсию... А всё случившееся за последнюю неделю казалось волшебным сновидением. Двое суток я не мог распаковать вещи, просто смотрел на привезённые книги. А потом стали приходить тёплые письма от моих узбекских – и не только! – друзей... Они и были доказательством того, что Узбекистан мне не приснился. Что Узбекистан – прекрасное, сильное, богатое государство, населённое прекрасными людьми, одна из культурных колыбелей человеческой цивилизации, все-таки существует... За ним не надо лететь на Марс. Мы – дети одной Земли, и Узбекистан – рядом. Во всяком случае, после очного с ним знакомства, он стал мне гораздо ближе, чем собственное сердце...

ПОЛОНЕЗ В ТУРКЕСТАНСКОМ ХАЛАТЕ

(главы из новой повести)

АЛЕКСЕЙ УСТИМЕНКО

*Пока артистки наряжаются за занавесом
и готовят все для представления,
собрание не начинается.*

*Затем раздается звонок, как бы извещающий:
«Отсутствующие, явитесь, разошедшиеся, соберитесь:
внимайте,
мы покажем представление».*

(Из рассказа о путешествии Абулькасим-бия в Россию.
Ахмад-махдум [Дониш] [1827/1829–1897])

КНИЖНАЯ ЛАВКА И «LES FLEURS ANIMEES»

Мягко скрипнув хорошо выделанной кожей, выбранная им книга раскрылась теперь по-европейски.

Ее можно было и не читать. Ее можно было листать глазами, принявшись расширяться от восторга ноздрями к запаху кожи и бумаги, к сладости черной краски на белоснежных страницах. А можно было листать и иначе: одними подушечками пальцев перебегая от одного золотого тиснения к другому, как по лицу любимой женщины. От мягкого кончика уха по жестким завиткам волос через тонко накрашенные брови по горбинке носа ко вспухшим губам...

– Я же говорил... – произнес ничего до этого не говоривший приказчик. – Человека, умеющего держать в руках манускрипт или неторопливо находить нужную книгу, я всегда отличаю от пустых людей.

Не согревшиеся до сих пор носы, пошмыгивая, по-прежнему продолжали читать любопытные для себя тексты. Однако произнесенные слова, похоже, отчего-то нельзя было к ним отнести.

Между тем плавное хождение Ахмада продолжалось. Пальцами от корешка к корешку. Всею ладонью по мраморным обложкам, притесненным друг ко дружке. Узкими знающими глазами за отпотевшими стеклышками тяжелых очков по всем стеллажам общим разом. И даже своим туркестанским

Алексей УСТИМЕНКО. Родился в Новосибирске в 1948 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал корреспондентом, главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Автор многочисленных прозаических сборников, документальной биографии «Владимир – митрополит Среднеазиатский», романа «Странствующие в золотом мире». Член СП Узбекистана.

халатом, с благочестивой важностью проскальзывающим сквозь параллельные коричнево-черные стеллажи, не задевая их, чтоб не беспокоить.

Выслеживая бумажную добычу, могущую его напитать бесполезною дальше жизнью, он отчасти даже как будто тайлся в этой своей плавной ищущей тишине, дабы ненароком не вспугнуть нечто особенно живое, стойкою сеттера, наконец обмерев перед одним из столов с разноцветными альбомами.

Отмахнул ничего не значащую обложку. Переложил, переворачивая один за другим, раскрашенные листы справа налево.

Переливающиеся перьями птицы щебетали, радуясь неземному сотворению. Перламутровые цветы оплетали изумрудными листьями небесную, в земной траве отраженную синь. Гибкие звери, прыжком бросающиеся на добычу, и обреченно становясь одновременной же добычей иных, жили не в ужасе чужой и собственной смерти, но в счастье честной борьбы, чтобы съесть или быть съеденными.

Они походили на людей, но, однако, не переполнялись ни большою злостью, ни мелкою мстостью – смертью за смерть, обидой за обиду. Звери виделись в радуге тонких рисунков совсем почти что по-человечески. Человек же, втиснутый в их образ, становился более животным, чем он есть: верхом создания.

Перелистывая, следовало разобраться – в чем здесь ошибка?

Вытянув руки перед собой, Ахмад проследовал мимо всех со своею добычей, похоже, еще трепетавшей после его прикосновения к ней. Положил на конторку рядом со счетами и вопросительно посмотрел на Казимбека¹. Приказчик, опередив вопрос, что-то тихо сказал драгоману. Драгоман покраснел:

– Ему неудобно, но он говорит, что это очень-очень дорогие альбомы, Ручная раскраска. Называются: «*Les animaux peints par euxmemes*»² и «*Les Fleurs animees*»³. У них царская цена...

Ахмад Дониш молча кивнул и медленно-медленно сначала распахнул первый халат, сказкой для глаз обнаружив под ним еще и второй, не парадный, но все же торжественный – белопарчевый.

Развязав на поясе шелковый бельбаг – платок, перепоясывающий снежно-взблескивающую парчу, – он разложил его вдоль всей конторки и принялся разворачивать, похоже, еще к тому же и тяжелую, эту трубчатую колбасу.

Чиновничек, перестав мучить книгу, уставился на необычную, являющуюся общему взору, картину. Бухарские таньга и динары, русские рубли в бумажках и монетах из золота, серебра и меди вытянулись чешуйчатой змеиною лентой вдоль развернутого платка.

Выпав из его рук, так и не засунутая книга хлопнулась об пол. Отогревшиеся носы, резким звуком пробудившиеся от чтения, обернулись в нужную сторону, чтобы убедиться – происходившее перед ними наяву не интереснее ли, только что вычитанного, сползшего со страниц?

Оборачивая альбомы, приказчик то бледнел, то краснел. Его жилистые руки суетились до дрожи. Бечевка, обвязывающая купленное сокровище, дергалась в перенапряжении и рвалась. Пришлось уложить ее вдвое.

– О чем это он? – поинтересовался Ахмад у отсчитывающего нужные деньги Казимбека.

– Мучается, что ему попадет от хозяина лавки. Тот очень любит альбомы. И, не рассчитывая, что их кто-нибудь купит, держал для своего удовольствия, рассматривая всякий раз после церковного причастия...

¹ Абидинов Казимбек – переводчик (драгоман) у посланников Бухары. Был им и во время поездки в Петербург в 1869 / 1870 гг.

² Гранвиль. «*Les animaux peints par euxmemes*» («Животные, себя живописующие»), 1842.

³ Редуте. «*Les Fleurs animees*» («Цветы одухотворенные»), 1846. Изображения цветов. Листы отдельные, гравированные в красках.

«Странные люди», – думал Ахмадий Дониш, под прощальный звук брякнувшего колокольчика выходя на заметно подмерзшую улицу.

«Странные люди. Хорошие люди».

Ахмаду нравился этот неторопливо дышащий город с его торопливо бегущими – то обгоняя, то скользя навстречу – редкими сейчас деловыми людьми. С довершающими дневную службу чиновниками да с какими-то, будто кем-то вспугнутыми, толсто поддетыми разноцветными салопницами. Тоже – точно буквицы для витрины. А еще, высоко вздернув носы, прошагивали мимо разные артельные люди: обычно во всегда одинаково обмятых общим для всех небрежением картузах. А то и купцы, совсем не любящие сворачивать в сторону, кого-либо пропуская мимо себя. Такую их важность требовалось обходить.

Удивительно, но они, – конечно, хорошие обычные люди, – однако, не обращали на двух человек, перепрыгивающих через те же самые лужи, что и они, никакого откровенного внимания. Полосатый туркестанский халат то ли оказывался привычен в столичном царственно-торговом городе Санкт-Петербурге – Мекке для всех и вся, – то ли, наоборот, пугал непохожестью, настораживал и на всякий случай заставлял отводить глаза.

Впрочем, не всех. Беловолосый мальчишка, мгновенно прицепившийся к каждой ровно следующей мимо них карете, к каждому возку, а то и просто изо всех сил бегущий следом, когда не удавалось пристроиться, обгонял их и спрыгивал на мостовую как раз перед идущими, едва не забрызгивая. Останавливался, обмирал восторженно-недоуменно и глядел на них, не отворачиваясь, пока они не проходили мимо. Затем опять прицеплялся, обгонял, останавливался, чтобы еще посмотреть.

Драгоман Казимбек, отвечающий за внешнее спокойствие посольских людей, дернулся было угрожающе показать кулак. Но Дониш перехватил его руку у рукава, будто тот музейный старик в сюртуке. А сделав так, еще и вежливо поклонился белобрысому юнцу. Мальчишка же, увидев подобное действие, даже не подозревавший, что оно может случиться с ним, совсем замер остолбенело и больше не догонял.

«Хорошие люди», – продолжал думать Ахмад.

Зналось бы ему, что он тоже думал о том же, о чем сегодня размышлял и сам Абдукадыр-дадхо, но – по-другому...

Хорошие люди промелькивали, прошмыгивали мимо него и, может быть, этим лишали Ахмада возможности взглядеться, чтобы представить какого-нибудь из них, пришедшего недавно, только-только, в Ташкент, в Самарканд... Отчасти и в Бухару. И стреляющих, стреляющих, стреляющих...

«Черное ружье» в руках правоверного мусульманина приобретает душе-спасительное назначение: «Пусть стрелок обратится в сторону цели и выстрелит один раз пулей. Попадет или не попадет пуля в цель – это не важно; стрелок же в момент выстрела соединяется с Богом».

Но это у нас, у мусульман... Неужели же у пришедших к нам русских все по-другому? Все иначе?

Аллах велик, Он и славен! – несомненно же ведает, что и у них, у стреляющих русских, тоже должна существовать некая собственная «Рисалля»¹. И в ней должно же быть сказано нечто похожее, общее, поясняющее, разъясняющее, объединяющее.

На вопрос «Что составляет правую сторону ружья?» – стрелок отвечает: «Правая сторона – это хороший нрав стрелка».

«А левую?» – «Открытие света».

¹ См.: Н. Корабишян. «Наставление («Рисалля») при стрельбе из ружья». «Туркестанский охотник». Орган Совета Туркестанского союза охотников. № 1, 1923 г. Ташкент. Типография ГПУ Туркеспублики. Туркглавит № 15. Перевод с узбекского.

Быть может, дело в том, что существуй для всех общая «Рисалля», первую половину такой вот фразы одинаково понимали бы все. А вторую?

В чем этот «свет»? Что подразумевается под «его открыванием»?

Не тот ли это невидимый свет, который закладывается в человека при его рождении?

Все становится ясным в то мгновение, когда раскрывшееся тело одного человека являет в мир тело другого. Оно же, другое, не может входить в сложный для себя мир лишь пустой человеческой оболочкой. Но и, чтобы сразу быть наполненным знаниями или же опытом, оно также не имеет еще необходимости, поскольку обретение всего этого означает одно – неизбежную смерть от постигнутой жизни. Потому-то вносится во всякого новорожденного только одно – свет, называемый русскими душою.

Воссияй тот свет от соприкосновения с миром, сотворенным Аллахом, образуется истинный человек. Не загаснет от необходимого соприкосновения с мерзостями ее – спасется человек. А спасется сам – и другим путь протопчет. С молитвою о сохранении света души.

«Если стрелок не будет знать этого наставления, или, переписав его, не будет хранить при себе, или не будет каждую пятницу просить кого-нибудь читать себе вслух это наставление, а сам не будет внимательно слушать, то его постигнет наказание: что бы он ни съел из мяса застреленных из ружья птиц или зверей – все это будет для него поганее свиного мяса. И в день Страшного суда лицо такого человека будет черным, ангелы проклянут такого человека в день Страшного суда и ввергнут его в ад, называемый геенной, потому что из этого мира в тот он перейдет без веры».

«Черное» ли ружье, иное ли какое, а стреляет...

Если же предположить, что всё ими, стреляющими и в людей, делается с подобною же молитвой, если допустить, что у каждого воина из войска белого русского царя в правилах воинской жизни существует своя «Рисалля», то получается нечто странное, объясняемое лишь только тем, что чужая, русская, «Рисалля» хуже их собственной, мусульманской. Только так и получается.

Стреляют много. Сыплют порох на полку – или у русских ружья устроены иначе? Вздвоят курок, и...

Со своей верою в душе, со своим светом.

Но что, если и здесь не так? Ведь все видит великий Аллах, Милостивый ко всем на этом свете – ар-Рахман¹, – имеющий обо всем же и попечение. Выстрелов-то, возможно, что и больше, чем верующих людей. И никакими молитвами, тем более – никакими назиданиями их не остановить. Стреляют, чтобы охранить себя от чужого. Стреляют, чтобы не подпустить чужое близко к себе.

Стреляя, движутся то на Восток, то на Запад, чтобы отодвинуть от себя как можно дальше всё, мешающее им понимать мир иначе, чем понимают они.

Молитвами не остановить?

Тогда выходит одно... Надо сделать чужое своим. А себя – понимающим чужое.

То есть надо лучшее из чужой жизни ввести в свою жизнь, заменив худшее из своего. Давно плохое – на лучшее, из обретенного у других, у тех же русских. Им же преподнести свое собственное, чтобы оно перестало видаться ими чужим.

Тонкий стебелек в будущем толстого дерева следует поливать. Начав тоненькой водяной ниточкой из кумгана. Продолжив, когда живое в новую землю вкоренится, многими кожаными ведрами и бурдюками. Так на так. На равных.

¹ Одно из девятиста девяти Его имен.

Не иначе. Тогда и в кунсткамере Санкт-Петербурга от Бухары и Самарканда многое прибудет. Не останутся комнаты с их именем в пустоте. Тогда и в Самарканд, в Бухару свезено будет и отсюда, от России, то нужное, что того стоит...

Кто первый испросит?

– Если господину посланнику будет угодно, я хотел бы сказать о важном...

Казимбек, не сбавляя шага, на ходу поклонился.

– Да, – ответствовал, пока не прислушиваясь, Ахмад Дониш.

– Приезжал сюда посол из Кашгара...

– Да? – сразу насторожившись, повторил Ахмад.

Раскатившись по мокрым, парующим теплою влагой торцам, вдруг вылетела из-за угла доходного дома карета посланника Абдукадыра-дадхо.

Ахмад дернулся телом – нужно было успеть выхватить из-под взвизгнувших железом колес раскатившейся поперек дороги кареты все так же остолбенело торчащего мальчишку. Да тот и сам успел увернуться.

Возница, едва ли не воздвигнув коней на дыбки, брызгая грязью, остановился, чуть обогнав.

Пушистый хвост померанцевого лисьего цвета вывесился из-за раскрытой дверцы. Улыбающийся первый посланник, распахнув ее, поманил беседующих.

«Испугался, что ему не станет известно, о чем мы тут говорили», – поморщился Ахмад и остановился.

– Итак?

Казимбек понимающе тоже попридержал свой шаг:

– Посол из Кашгара написал в восхваление Петербурга несколько бейтов¹. Я их перевел и представил царю, и тот был очень доволен.

Мальчишка вертел головой то туда, то сюда, не понимая, что приключилось...

– Вот бы и вам, бухарцам...

– Да?.. – повторив самого себя, произнес Ахмад. – Думаю, господину драгоману лучше всего сейчас подойти к господину дадхо. Зовет... Успокойте первого посланника своим присутствием. И скажите, что я еще немного буду гулять. Редкая в Петербурге погода. Надо привыкнуть и к такой.

Драгоман Казимбек поклонился.

– Буду думать, – глядя на его открывшийся затылок, добавил Ахмад.

Абдукадыр-дадхо, не понимая, о чем это там они, все-таки успокоился.

Карета слегка скрипнула примерзшими к дороге колесами. Вырвавшийся из переулка соленый ветерок неожиданно дохнул мокрым морозцем.

Мальчишка завертел головой еще быстрее: остаться приглядывать за большеголовым? А-а-а... Бог с ним!.. Нового ничего к нему не прибавится. И он помчался вослед экипажу Абдукадыра-дадхо. Куда это они, которых больше?

Подвешенные на вдвое перекрученной бечевке альбомы, раскачиваясь в помахивающей руке Ахмада, неторопливо текли мимо подмерзающего к вечеру города. В них сейчас жило непривычное прежде, неизвестное беспокойство: и кто их купил, и куда несут, и прижиться ли им там, в неизведанной пока библиотеке?..

САМ СЕБЕ ГОЛОВУ ОТРУБИЛ²

С альбомами следовало поступить разумно, выбрав только один из двух случаев. Либо представить их как давным-давно путешествующих в багаже Ахмада. Либо попросту упрятать в какой-нибудь хурджун до возвращения в Бухару и не

¹ Бейт – двустишие, элементарная единица восточного стиха, состоящая из двух односторонних полустиший – мисраф.

² Основа главы – переработка документальных записей Ахмада Дониша из книги путешествий «Навомир ул-вакое» («Редкостные события»). Перевод с таджикского М. Османова и Л. Демидчик.

обнаруживать перед глазами Абдукадыра-дадхо¹. Нет, вовсе не потому, что фирман эмира Музаффера делал его главным посольским дипломатом, куплено же было без разрешения. Тот сам понимал свою малую дипломатическую значимость в сравнении с опытной значимостью Дониша, в третий раз оказавшегося в Петербурге. Не зря же еще в дороге, слегка покурив опиума, дадхо благодушно заметил Ахмаду: «Настоящий посол здесь ты. А я – твой слуга, и мои люди – твои люди. Во время поездки ты можешь разрешать и запрещать все, что считаешь нужным...»

Вот то-то и оно, что во время поездки.

Приветствия Бухары при удачном возвращении и золотая милость эмира все падет в руки Абдукадыра-дадхо. При позорном же исчезновении из русской столицы, случись такое, он – всего лишь в черной тени от Дониша, допустившего русское неуважение к Музаффару.

Нет, Ахмадий волен в своих поступках ничуть не менее, чем в дипломатических же поступках – какой приятный переключ слов! Дело в деньгах, утаиваемых Ахмадом от взглядов, желаний и рук Абдукадыра-дадхо.

Поставив его над Ахмадом, Музаффар догадывался о неравнозначности этих двух человек. Но, подумав, решил не допускать перевешивания посольских весов чашей мудрости Ахмада Дониша, выровняв ее чашей формально отвечающего за всех Абдукадыра-дадхо. По сути, глаз своих и ушей своих на долгом и политически неопределенном пути.

Не умеющий работать – незаменим для властителя.

Во-первых, потому, что не умеющих больше, особенно крутящихся возле власти. Всегда существует возможность выбора – вдруг лучшего! – кого-то кем-то заменить. Во-вторых, легко заменив предыдущего по той же самой причине их множественности, легко продолжить жить с последующим, не ожидая изменений. Не умеющие работать одинаковы...

Умеющий занят делом, а потому легко не заметит тебя – власть имеющего.

Для кого тогда твоя власть?

Вот так и уравновесил всех эмир Музаффар, предупредив обиду Абдукадыра-дадхо и назначив тому жалованье в двадцать тысяч таньга. Ахмаду же дал всего десять.

Знал эмир Музаффар, живущий среди людей, еще и другое: не умеющие ничего умеют главное – утверждаться за счет не только казны эмира, то есть государственной, но и всякой другой, по обстоятельствам подвернувшейся. А значит, они – все-таки власть. И власть благоденствующая и благодетельствующая. Ведь они вольны одаривать тех, кто внизу, кто под ними. Иной возможности зарабатывать важность в глазах подчиняющихся, то есть доказывать, что и они, не умеющие, все-таки что-то значат, у них нет.

Однако эмир Музаффар, пожалуй, не ожидал, что врученные им Абдукадыру-дадхо – даже с запасом на поддержку самого себя – немалые деньги начнут исчезать направо и налево уже в пути по дороге на Оренбург. Длинная дорога съедала деньги не своею длиной. Она легко пережевывала их постоянной торговой нерасчетливостью дадхо, представительскими пирами для ничего не значащих людей. Или просто – ни с того, ни с сего – поощряющим случайных проводников и попутчиков бездумным действием.

К Оренбургу почти ни один посольский бельбаг уже не требовал, чтобы его снимали с пояса, развязывая для заглядывания вовнутрь. Все они исхудали от опустошенности.

¹ Дадхо – носитель одного из высших – в восходящем порядке – чинов (девятого) в Бухарском ханстве.

В городе проживали тихо, не скликая к себе теперь даже очень нужных для дальнейшего ни губернаторских людей, ни помогающих в пограничных бумагах чиновников. Пыры не собирались.

Но велик Аллах, Вознаграждающий больше заслуженного – аш-Шакур¹! Встречной удачей привел в караван-сарай бухарских купцов, добычливо возвращающихся из Москвы. К ним и пришли... С первым поклоном сам важный Абдукадыр-дадхо, пошелестевший перед бухарцами фирманом грозного Музаф-фара. Вняли и слегка поделились некоторыми суммами: при случае, возможно, что и вернутся. Вторым поклонением перед ними смирил себя и Ахмад-махдум Калла. Поделились и еще некоторой суммой взамен на заемные, печатью Ахмада подтвержденные столбцы. Главным его убеждением стало неотразимое напоминание о кочевых набегах среди Каракумов неизбежных барантачей: деньги всегда отнимут, в бумагах же, да еще при печати, неведомо какой для отнимающих толк... Третьим же – тайно сохраненным от Абдукадыра-дадхо – стало собственное его, Ахмада Дониша, объяснение с купцами, неожиданно получившее совсем необъяснимую поддержку. Сказывал им просто, без ожидания: узнаю у русских полезное, о том для Бухары и напишу. Священная Бухара, Бухоро-и-Шериф, от сторонних знаний никогда не отказывалась: даже и отрицая, следовало знать, что отрицаешь. Купцы покивали: в Москве и Санкт-Петербурге много полезного. Ладощкою не прикроешь. И всем последующим за ними иным торговцам книга пойдет в назидание. Чтобы знали, куда едут, а не втягивались бы в пустоту. Дали много больше прежде просимого. Хоть в третьем-то этом случае, как будто бы даже и не под залог, а под еще не написанное... Чем объясняется в мире такое?..

Сегодня как раз из этих, из оренбургских монет, придется расплачиваться: торжественно приглашены в «Собрание».

Абдукадыр-дадхо тотчас озаботился выбором дорогого блестящего халата. Ахмад же – предварительными расспросами.

Вчерашним вечером, помакав деревянный калам с железным пером в стеклянную скляницу с медною крышечкой, записал на бумаге кое-как узнанное: «Устроено это Собрание вот для чего. В этой стране нет покрывал, и знатные мужчины, и дамы, девушки и юноши влюбляются друг в друга. Но привести домой возлюбленную нельзя, потому что по их закону мужчина не может взять больше одной жены, а женщина не может выйти замуж, пока не умрет муж, а развод никоим образом невозможен. Поэтому любовные отношения, которые возникают между ними, являются преступными и запретными. Происхождение здесь ведется от женщины, а не от мужчины. Так, если муж отсутствует десять лет, то каждый ребенок, откуда бы он у жены ни появился, носит имя отсутствующего мужа...

В определенный час все выходят из Собрания. При выходе платят от пяти русских таньга, которые равны двадцати пяти нашим таньга, не считая платы за съеденное и выпитое...»

Однако ж, увиденное на то, что услышано, не походило вовсе. Во всяком молчании больше правды, чем в шумном поддакивании или в отрицающей болтовне.

Желтовато-белый выскальзывающий из-под ног лестничный мрамор не приводил идущих в круглую залу, но возносил их к светлому чуду ярко сияющей небесной юрты, производя это как-то бесшумно, хотя вокруг и смеялись, и говорили многие громкие земные люди. Абдукадыру-дадхо, вышагивающему первым, мнилось, что не мрамор, дышавший отблесками свечей, оказывался вокруг. Но, что совсем рядом – ладонь протяни – образовался видимый одному только

¹ Одно из девяноста девяти Его имен.

ему священный конь Бурак, некогда единым скачком домчавший пророка Мухаммада – мир Ему! – до прекрасного Рая, а теперь вот послуживающий и здесь.

То есть до странности, в Санкт-Петербурге случилось с дадхо событие, по Корану именуемое мирадж.

Уже словно не Абдукадыр-дадхо, а – откуда смелость взялась? – некто, не осязаемый телесно, некто совсем другой тенью пророка Мухаммада неожиданно для самого себя вознесся до живой небесной красоты. Не Мухаммада, но сейчас живого его, Абдукадыра, невидимо сопровождающий архангел Гавриил перенес из мечети неприкосновенной – «Масджид ал-Харрам» – в мечеть отдаленнейшую – «Масджид ал-Акса». Из славной Мекки в славный Иерусалим. Это к нему здесь сейчас словно бы подвели горячим ноздревым дыханием дышавшего, неопишуемого по красоте священного коня Бурака, на коего Абдукадыр-дадхо никогда, даже и в опиумном помышлении, не посмел бы сесть. Бурак взглядывал на него подкрашенными женскими глазами своей головы, слегка вздыхал шевелением лебяжьих крыльев, передергивал мышцами под лоснящейся кожей лошадиного крупы. Он призывал к себе, чтобы подняться туда, в зеленое поднебесье, в чертоги Аллаха: ан-Нур – Лучезарного, аль-Вадуд – Любящего, аль-Муджиб – Принимающего молитвы и аль-Хади – Направляющего к свету истины того, кому этого пожелает.¹ Кто бы осмелился, если, конечно, он не пророк Мухаммад, взглянуть на Бурака глазами наездника? И Абдукадыр-дадхо не осмеливался. Он лишь слегка ухватился за белоснежную гриву, копытами нетерпеливо постукивающего коня.

Белоснежную... Но не от седины, но от тонкости волосяного шелка.

Ухватился и тенью Великого бы вознесен на все шесть небес попеременно. На каждом его встречали невесомые ангелы и один пророк, управляющий неземными измерениями по определенным ему Божественным законам. Абдукадыр-дадхо кланялся ангелам, подобно же пророку Мухаммаду, ведомому Гавриилом. Ангелы отвечали, пророки благословляли на все более и более высокое вознесение... Так тогда было, так чудилось и сейчас.

Вот уже близко, совсем-совсем близко непередаваемым светом сияющее древо, не имеющее названия. Оно, как бы под ветерком, никем, однако, не осязаемым, трепетно шевелило разноцветными листьями. Их нельзя было ни сорвать, ни погладить, ими возможно было только лишь жить, наслаждаясь пониманием, что если руками раздвинуть их крону, то за нею откроется все заключающий путь уже и на небо седьмое, куда и пророк Мухаммад не осмелился донестись священным конем Бураком с лицом женщины, телом лошади, крыльями невиданной птицы. За разноцветной листвой обреталось само местожительство Всемогушего Бога... И перед ним останавливали таких не безгрешных, как вот он – Абдукадыр-дадхо...

Наслаждение красотой не бывает продолжено до бесконечности. Оно останавливается там, где его останавливает сам человек, имеющий обязательные пределы собственного ее, красоты, понимания. Бесконечность красоты страшна для него, как всякая всепоглощающая бесконечность.

Совсем рядом шумно вздохнул переполненный только земным восхищением, весьма не похожий ни на ангела, ни на путеводительствующего архангела Гавриила Ахмад-махдум Калла, известный теперь и здесь, – Ахмадий Дониш. Этот видел все по-земному, не без восторга, тем более поднебесного, но все же с наслаждением от живого, плотского и телесного.

Нежные красавицы, стройные и солнцеподобные, прогуливались вокруг залы плавно и грациозно, каждая, как еще никем не испуганная газель. Легкие до

¹ Еще несколько из девяноста девяти Его имен.

невозможности их одежды – не китайского, ему знакомого, но какого-то иного шелка – были столь тонки, что сквозь них, как через родниковую воду, просвечивало купающееся в нем близкое тело. Каждое такой изящности и красоты, что ни одно из них не смогло бы заслонить собой другое, тому же подобное...

– Если господин посланник тоже изволит сочинить несколько бейтов, – пробудив не ото сна, а от близкой реальности, шепнул Донишу на ухо неожиданно, не ко времени образовавшийся вблизи Казимбек, – то этим он принесет большую пользу своей миссии...

Дониш недовольно шевельнул плечом, чтобы все-таки не просыпаться, а как бы просто отогнать муху.

От женщин пахло розовым маслом и пьянящим запахом мягко тлеющего камня ладана, иногда привозимого в Бухару из Иерусалима и превзошедшего своим почти невидимым дымом самые сладкие запахи подожженных ароматных палочек из близкой страны Хинд, или – и того больше – амбры и мускуса, а им отдавала предпочтение даже сама Айша, жена пророка.

Рассказывают, и тому свидетельствовал сам прилежнотупый Абу Осман ан-Нахди, что посланник Аллаха – мир Ему! – благовествовал: если кому-нибудь из вас дают ароматические вещества, то не отказывайтесь. Поистине, они происходят из Райских куш.

Некоторых из женщин облекали тонкие черные платья и обхватывающие разноцветные накидки из вспененных узорами кружев. Ничего не скрывающих, а только лишь еще более прежнего добавляющих нескромной прозрачности, привлекающей, даже и стремящийся так-таки ничего не увидеть, из всех сил сопротивляющийся все-таки увиденному чужой взгляд. Из-за подобной тонкости тканей стрела взгляда пронзала всех женщин от спины первой и до груди сотой, нигде не задерживаясь, будто Всевышний – слава Ему! – сотворил их тела из чистой воды или прозрачного стекла.

Когда лестница твоего восхождения обрывается, ты оказываешься среди тех, кто взшел по ней раньше тебя. То есть таких же, как ты сам. То есть таких, от которых ты, в общем-то, уходил.

Нежные пери стали осторожно опускаться на землю, сдержанно помахивая светлыми крыльями, вертя небольшими головками, обукрашенными искусственными цветами, будто выбирая то место в зале, куда было бы возможно опуститься, последним легким хлопком свернув распростертую красоту.

Уже отлетавшие прежде неторопливо ходили по обводящей ковровой тропе. Проложенная позади неплотных колонн, она отделяла пространство, созданное для кругового хождения, от бархатных кресел, рядами стоящих посередине и сдвинувшихся так плотно, как, бывает, сдвигаются люди в мечетях, собравшиеся на пятничную молитву.

Разноцветные платки, шали, перья павлинов, искусственные цветы в черных волосах, веера, вспархивающими бабочками трепещущие в руках... Все это, слегка пересыпанное серебряными крестами и звездами мужчин, мерцающих многочисленными отличительными знаками, муаровым отливом диагонально их перечеркивающих шелковых широких лент и золотом скрученных нитей густо наверхенных эполет – все это двигалось друг за другом. Шевелилось и шло, всколыхивая свечи по стенам, вздрагивающие огоньками, и поэтому сильнее прежнего начинающие потрескивать после всякого их всколыхивания прочеркнутым мимо воздухом платья, плотностью фрака, колючестью мундира или обеспокоенностью сюртука.

Так водят по кругу лошадей на поводу, чтобы не застоялись.

Попробовав не сбить это общее движение, посланники, осторожно оставив лестницу, вступили в ряды текущих мимо. Но с первого раза приноровиться не удалось. Даже вдруг показалось – от них все замедлилось. Всё – всем своим блеском, своим розовым запахом, всем множеством глаз удивленной толпы, уставилось на них с веселым пока еще недоумением: происходит ли это наяву, или эти чудеса, явившиеся в жилище фей, созданы воображением? Как могли попасть явно сторонние эти демоны в общество ангелов? Как очутились дивы рядом с пери?

Лучше бы уж просто смеялись над странной чужой одеждой и растерянным их видом, чем непонимающе удивляться.

У Абдукадыра-дадхо, между тем, ловчей получилось приспособиться к выгулу. Очевидно потому, что и наездником он всегда был получше. Не то что Ахмад, большую часть времени сидящий со скрещенными под собою ногами перед низеньким столиком с рукописями.

Сейчас в променадном круговом хождении коренником шел Казимбек.

В отражениях минувемых ими зеркальных дверей он и Абдукадыр были видны во весь рост полностью. Отражение же Ахмада-махдума оказывалось урезанным: столь высокая, толстонамотанная многозначительная его чалма не вмещалась в узкие серебряные стекла и исчезала на уровне затейливой позолоченной резьбы всех зеркал, мимо которых она проплывала.

Периликие удивлялись.

Посланные бухарцы, объяснительно оробевшие, понесенные живым кругом, совсем почти потеряли понимание – куда им теперь ступить.

Идущая перед Ахмадом женщина на мгновение замерла, чтобы оглянуть себя в серебре зеркала. Пораженный нежной спиной, запрещенно открывшейся перед самыми глазами, Ахмад чуть не уткнулся в нее. Придвинувшееся близко тепло не смогло остановить его, хотя и обмершего, но все-таки ещедвигающегося за ним. Но тонкая, показавшаяся ему хрустальной ручка, отстраняя, коснулась его задохнувшейся груди.

«Эй вы, чудища в облике людей, вы, дикари, идите осторожнее, ведь я выступаю как горделивая пава. Не затопчите и не запачкайте своими неуклюжими ногами мой тонкий подол, что волочится по полу, как павлиний хвост»¹, – вот о чем неслышно сказал ему этот жест.

Вздрогнув, едва успев извинительно поклониться, Ахмад отступил назад, но тут уже в спину ткнулся кулачок другой воздушной красавицы:

«Эй, невежи, стойте... Осторожней! Ведь моя серебряная грудь нежна, как лепесток розы. Смотрите, не пораньте ее шипами своей неуклюжести...»²

Могло даже показаться, что именно ими, посольскими, сейчас была сбита равномерная поступь всех остальных. Однако просто приблизилось другое.

Прогуливающиеся устремились к бархатным креслам.

И Казимбек, угадав необходимость дальнейших действий, стал направлять посланников к отведенным им почетным местам где-то в первых рядах. Почти что совсем напротив невеликого полукруглого возвышения, плоско поднимавшегося над полом всего на два ваджаба³, на котором стоял русский самтур⁴, ловко вделанный в волнообразно обрезанный и черным блеском наполированный стол. Ножки стола надувались, впрочем, вряд ли зависимой от них, музыкальной важностью.

¹ Ахмад Дониш. «Наводир-ул-вакое».

² Там же.

³ Ваджаб – мера длины, равная расстоянию между большим пальцем и мизинцем в раздвинутом до предела положении.

⁴ Самтур – персидский (восточный) музыкальный инструмент. Род цимбал. В данном случае имеется в виду фортепиано (рояль).

Но, сделав новый некоторый переполюх, посольские заупрямились, отказавшись оказываться напротив самтура, – спиною ко всем остальным людям, говорящим, покашливающим, посмеивающимся... Опять не над ними ли?

Непривычно было иметь заспинное шевеление. Пастух очень редко ходит впереди доверенной ему и беспокоящей отары. Надобно и приглядывать, и отбившихся подгонять. Надобно то есть глядеть как можно более привычно. Ведь и собрание дивана¹ во дворце эмира Музаффары рассаживалось вдоль стен, пусть полукругом, пусть – кто вблизи, кто поодаль, но все – по благоволению, благословению и справедливости. Лицами друг ко другу. Никто обманно не подойдет со спины, не кивнет несогласно головою в чалме так, что ты не увидишь. Все перед тобой. Ты – перед всеми. Осмелишься ли остаться один, когда все сжились с эмиром в одном одинаковом кивке?... Только если захочешь быть выброшенным из кормящего тебя дворца в несytую, необшую, уличную жизнь...

Идущий впереди отары рискует остаться один, не увидев, что за ним давным-давно никого нет. Волкам привольней заирать твоих овец за твоею спиной. Да и самим овцам спокойнее без твоего пригляда, смотрящего только вперед: живи, как знаешь. Хоть и волку на зуб.

Хочешь все и всех видеть – вышагивай сзади. Не почетно, зато оберегающе.

Теперь они шествовали в обратную ото всех сторону. Поводырь – высокостройный Казимбек, остро пахнувший кельнской водой и колючим запахом нагретого ошелочеченного сукна. Следом – что-то решающий про себя Ахмад Дониш, поблескивая серебром парчовой чалмы, уверенной небольшой колпачком. И – неторопливее всех, последним, понимая, что уже и здесь узнаваем, сам первый посланник Абдукадыр-дадхо. Его по-европейски непокрытая голова темнела жесткостью подросших волос, первых после обычного прежде голого обриту.

К совсем задним рядам, возле обрамляющих полукругом колонн, приподвинули два отдельных бархатных кресла.

Опустились на бархат с большой усталостью. Не от переутомления тел, долго двигающихся впустую, но от внутреннего в душе напряжения, туго натянутого, как новые струны на старом дутаре.

За колонным же мрамором уже были настенные свечи, переставшие теперь подергиваться от людского движения и ровно греющие тонким теплом близкие затылки и шеи. Затылку Ахмада было жарче, чем другим: чалма добавляла своего, непродуваемо душного влажного тепла.

Изумрудно-белое шелковое платье взшло на возвышение перед самтуром. Длинные пальцы рук, выпорхнувшие из рукавов, вдруг быстро-быстро застучали своими живыми молоточками по черно-белым клавишам. Застучали с такой подвижною ловкостью, что глазу стало невозможно за ними уследить; Ахмад понял: еще и из-за этой, делаемой сейчас музыки все, наверное, сюда и пришли.

Музыка им не расслышивалась, хотя звук ее выстукивался в разнообразной громкости. Так барабанят капли дождя по натянутой ткани походного шатра во время любого долгого перехода. Ему стало тоскливо и... хорошо. В памяти он расслышал нежное пение ная², тянувшего свою непрерывно плачущую мелодию шашмакома³. Из нескольких – как едино-одну.

Вспыхнули звезды, живущие где-то даже и не на черном небе, а высоко над ним. Звук ная жил в ночном пространстве степи грустною жизнью общего существования, пробегающего мимо.

¹ Диван – совет, канцелярия эмира, где собирались на совещания высокопоставленные лица.

² Ная – восточная свирель.

³ Шашмаком – классическая система таджикских и узбекских ладов. Начало сложения «Шашмакома» относится к IX–XIII вв. В системе «Шашмакома» различают три цикла: бухарский, хорезмийский и ферганско-ташкентский.

Переступающие с ноги на ногу верблюды подзвякивали своими колокольчиковыми побрякиваниями песне ночного нае, не разрушая ее.

Ловкие пальцы, ласкающие самтур, продолжали летать туда-сюда, не давая памяти особенно сосредоточиться.

Как бы он мог описать играющую, да и всех остальных многих женщин, если бы пришлось? Ну, примерно вот так: «...одежда женщин этой страны до талии узка, а от талии до пола настолько широка, что если женщина входит в комнату, то подол остается еще в коридоре. Под поясом из шелковой ленты у них другой пояс, скрепленный из изогнутых полумесяцем тонких и эластичных костяных пластинок, которые не ломаются, когда женщина садится или встает. Этот пояс они затягивают очень туго, поэтому пластинки приподнимаются вокруг талии и поддерживают шелковые ткани платья. Со стороны женщина похожа на золотую, украшенную жемчугом башенку, поставленную на вершину удлинённого круглого купола. А сверху на голову, плечи и талию они накидывают черные, красные и голубые кружева, а у висков прикрепляют букетики искусственных цветов, будто только что сорванных с цветника. Росую для них служат духи и розовая вода...»

Драгоман Казимбек, став позади, наклонился над спинками кресел и, почти шекотнув гладко блестящими тонкими усами, опять шепотнул прежде:

– Надобно, конечно же, надобно написать. Ведь, кроме прежде сказанного, прелесть стиха сгладит вашу восточную неуклюжесть...

«...К ушам они подвешивают продолговатые сверкающие серьги из алмазов, хрусталя, жемчуга и золота величиной с зернышко финика. Ночью в пламени свечей они сияют, как удлинённые огненные капли. Или – как ясный месяц. А кожа за ухом до того чиста и прозрачна, что видно, как под нею пульсирует кровь. И сверкание серьги, сочетаясь с прозрачностью ушной мочки, напоминает поставленную против зеркала свечу. От такой красоты и великолепия рассудок покидает голову, когда они встанут, и сердце замирает в груди, когда они садятся».

Теперь музыка стала легче. Скорее всего, потому что сделалась приглушенной, заметно отодвинув саму себя в некоторую тишину и оставив освобожденное место для подстроившегося под нее еще и человеческого голоса. Теперь еще розово-белый шелк взошедшей перед самтуром другой женщины заставил сначала застыть, а потом, после ее нежного пения, и затрепетать зал, вызвавший поощрительными хлопками рук, здесь называемых аплодисментами, нервное вздрагивание всех свечей по стенам. И еще в двух золотых подсвечниках, огнем охраняющих возвышение. Музыка понималась через голос, напоминающий неожиданной одинаковостью протяжную нежность ная...

Длинноногие аисты, не заглушая поющую и все же шумно хлопая крыльями, опускались между глиняными башенками аккуратного минарета Чор-Минор, вкладывая на его зеленую и голубую глазурь веточки большого гнезда.

Колеса невесты куда тянувшейся арбы разрезали горячую, обжигающую ноги ленивого коня ватную пыль, разваливая ее на две стороны...

Под стеклянной водой водоема Ляби-хауз шевелились, вздыхая и покачиваясь, почерневшие прошлогодние листья узловатых карагачей.

– Вы изволите оставаться? Или, если оставляете нас, быть может, разрешите мне остаться, чтобы дотанцевать? – уточняя фразу повторением ее во второй раз, спросил Казимбек.

Абдукадыр-дадхо, делая вид удовольствия и показывая им, что прекрасно понял всю красоту для него непонятного русского пения, потянулся по-кошачьи, прижмурил глаза и закивал:

– Да-да, оставайтесь. Мы довольны представлением. Наше удовольствие велико. Мы не преминем рассказать о нем его величеству эмиру Бухары.

Одинокие хлопки затихающих аплодисментов завершали концерт в петербургском Собрании.

Свечи дергались все сильнее и сильнее...

Вскинувшийся навстречу ветер швырнул за спину Абдукадыра-дадхо тяжелый лисий хвост, сделавшийся из оранжевого серым. Мгновенно выстудил возвращенную на место серебряную чалму Дониша. Холодом засвистел в широкие рукава наброшенных поверху зимних халатов.

– Знаю, – сказал дадхо, когда они уселись в карету, собираясь возвращаться, – там вы думали о женщинах...

– Знаю, – степенно отвечал махдум, – господин тоже думал о них.

Так сказали. И оба, взглянув друг на друга, рассмеялись.

– Да, и я тоже... – посерьезнел вдруг Абдукадыр-дадхо. – Но я думал не так, как обычно думают о женщинах. Я думал по-другому. Вроде будто за них. Старался, чтобы думалось так, как им самим думается здесь. И живется....

– Вольно? Без ограждающего их честь и чистоту закона шарията?

– Нет, не без него... Ведь у них есть какой-то свой, мне не понятный. Почему они не боятся, что на них смотрят? Почему они даже хотят, чтоб на них смотрели?

– Может Аллах – велик Он и славен! – создал этих, чтобы как раз на них и смотрели? – вслух подумал Ахмад.

– Нет. Не знаю... Разве Творец, Придающий всему форму – аль-Мусаввир¹, не усложнил бы себе работу, создавая везде разных женщин? Здесь – тех, на которых смотреть можно. В Бухаре – тех, на которых смотреть нельзя?

– Аллах создавал одинаковых женщин. Везде одинаковых, – серьезно сказал Ахмад. – Размеры у них разные, а состоят из одного и того же тела. Это человек их придумал разными. Если бы человек не придумал такого для них правила, много нехорошего бы случилось. Путаница бы произошла. Однако красоту наших восточных женщин следует прятать, чтобы не искушать никого из нас, правоверных. Смуглота, чернота глаз, мягкость тела и гладкость кожи, соперничающая с чистотой отполированной слоновой кости... У наших женщин красоты, оторванной от украшений, все-таки больше, чем надлежит выдерживать человеку. Оттого нет-нет, да и упрятывают ее под чачван²...

– Нет правды в ваших словах, таксыр³... Или есть, но немного. По ним выходит – в Петербурге нет никакой красоты? Потому и стараются приоткрыть себя как можно больше? То есть, чтобы побольше необходимого показать?..

– Аллах Всезнающий – Аль-'Алим⁴! – один ведает смыслы во всем.

– Ну а если решиться показать здесь уже и нашу красоту?

– Показать такими, какими прохаживались эти женщины здесь и сегодня?

– Ну не совсем, а чтобы просто обычными – среди важных людей. Не видя нас рядом с собою, эти продолжают думать, что мы дикари, что каждая из наших женщин – несчастный узник в зиндане⁵. А темницы как раз и нет. И они вольны... Как горлинки. Куда захотят, туда и садятся. Куда надумают, туда и летят. Они вольны исполнять волю своего господина. И если он скажет им

¹ Одно из девятидесяти имен Его.

² Чачван – сетка из конских волос паранджи, закрывающая лицо женщины.

³ Таксыр – господин. Буквальное значение слова – «ошибка», «вина». При обращении к почтенным людям говорили: «Таксирам шавад!» (Примерно: «Да будет моей виною смелость обращения к вам...»). Вежливое и почтительное обращение к знатному лицу.

⁴ Одно из девятидесяти имен Его.

⁵ Зиндан – темница. В Бухаре – еще и глубокая сырая яма, клоповник.

быть здесь, в Петербурге, похожими на этих женщин... Нет, не вольностью обращения, не голыми спинами – это запрещает «Хидоя»¹, – но собственным своим присутствием среди чужих, то...

– ...они сочтут, что вы убили их, господин посланник. Или, что уж совсем точно, – разлюбили, если словно их продаете, подставив под взгляды всех глаз.

Первый санный путь, приморозив к себе клочки сена, утерянные в пути и промерзшие до каменной крепости золотые конские яблоки, просыпанные вдоль колеи, нетревожно посверкивал серо-голубым накатанным настом. Полосьям теперь предстояло скрипеть уже не по ледяной черноте булыжников, но по первому, еще лишь слегка прожеглевшему насту.

– Труднее всего их будет вывести из посольства – от домов такие каменные холода! И уж совсем невозможно будет приказать, чтобы прошлись по улице... Чтобы просто прошлись.

Ахмад молчал.

– И мы, и они должны быть такими, как все. Как все здесь. Иначе с нами не начнут говорить... Это в Бухаре пусть их желтыми младенцами пугают. Из кунсткаморы. А здесь...

Ахмад все молчал. Он не думал, что Абдукадыр-дадхо был до конца прав. Он думал, что их, то есть посланников, должны уважать еще и за то, что они не похожи, что они все-таки другие. Что люди вообще не одинаковые. Но как же тогда его собственные, только что им же произнесенные слова про то, что женщины различны только лишь в начертании собственных тел, а в остальном одинаковы.

Ахмадий думал...

– Нет, мы обязательно должны научиться жить здесь, как живут они, – хлопнул двумя руками по своим коленям Абдукадыр-дадхо. Хлопнул утверждающе. Потом взглянул на Ахмада и произнес:

– И вы, уважаемый Ахмад-махдум, тоже подтвердили мой политический выбор: все-таки сняли с себя свою драгоценную чалму. Голова не замерзла?

– Она не замерзла. Ее после этого события просто уже не случилось. Сняв чалму, я собственными руками отрубил себе голову...

ПОКЛОН ПОКЛОНАМ, ИЛИ ВЗВИХРЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Стояли они на важном месте. Видимые отовсюду, радужно поблескивали шелками лент, орденскими эмальями крестов и звезд, золотым разнообразием эполет, серебром галунов и всякою мелкою канителью².

Густо присыпанные зелеными, синими и алыми драгоценными камушками ордена и кресты металы по бальному залу яркие искры, похожие на те, что прячутся в хрустале, и радужными бабочками запархивают на узоры высокого потолка.

Бухарские посланники посверкивали, не отставая, – солнечно и богато. Зеленый шелк халата Абдукадыра-дадхо не терялся среди яркости, но себя хорошо обозначивал. И красно-зеленый в широкую полосу у Ахмада Дониша довершал явленное великолепие общего цветника, составленного из пятидесяти иностранных свит. И широкие – в целую ладонь – кожаные пояса с серебряными пряжками в человечье лицо по окружности, изысканно начечанные,

¹ «Хидоя фи фуруль ал-фияс» («Комментарий мусульманского права») – произведение познавательно-правового и исторического характера, написанное в XII веке знаменитым правоведом (факихом) Маверраннахра – Бурхануддином Маргинани.

² Канитель (фр.) – «золотая, серебряная или мишура трубочатая витушка», вытянутая, плюшенная и навитая из самой тонкой нити.

усеянные огненно вспыхивающими ограненными камнями и лениво поблескивающими малыми камушками, также запускали в пространство гудящего зала гроздь бесшумных радужных бабочек.

Дониш, не смущаясь очками, едва ли не запрещенными при царском дворе, шурясь и напрягая складками кожи всю высоту лба, утаиваемого под зеленой шелковой же чалмой, всматривался, вслушивался, запоминал, не в силах запомнить.

До игранья музыки в совершенно особом ожидании стояли государь и императрица, цесаревич и цесаревны.

Иные августейшие лица толпились отдельно.

Десять Великих князей. Четыре Великих княгини.

Кронпринцы: прусский – Фридрих-Вильгельм и датский – Христиан-Фредерик. Кронпринцесса прусская – Виктория. Принц Валлийский и принцесса Валлийская. Принцесса М. Баденская. Три принца Ольденбургских и принцесса Ольденбургская. Принц Артур Великобританский и принц Александр Гессенский. Отдельно же еще и герцог Кобургский – Эрнест II.

«Какое немалое количество великомудрых людей должно небеспокойно состоять под охраняющими крыльями столь богатых и высокородных людей, если они вот так, многозначимо представляют здесь себя и свои всем, верно, известные европейские дворы... Да ведь и сами могут быть таковы, вот как он – Дониш, то есть – Знающими.

Хотя и обделенный известностью, титулами и маломальским богатством, но и он, напрягающий морщины размышляющего лба, все же здесь. С невидимо яркой Бухарой за плечами. Древней, некогда бывшей едва ли не мудрее всех среди городов мира, много померкшей после кровавого кормления в ней чингисхановых войск, но до сих пор, однако, держащейся за имя свое в надежде доставить его непорочным до наплывающих из неизвестности будущих дней. Что тем более трудно, когда один мулла – хорошо, но два – чуть похуже, ведь и эти непременно не минуют войти в спор... А уж когда много их – да охранит Аллах их старательность в нужные дни! – то иным наукам пока еще не протолкнуться сквозь их нетерпимое многолюдство...» – так думал на церемониальном балу в Зимнем дворце, даваемом русским царем Александром II и императрицей Марией Александровной, сын муллы, ученый восточный муж Ахмадий Калла, прозванный всеми «Дониш», что значит «Знающий».

И Абдукадыр-дадхо торжествовал со всеми. Он стоял, явно возвышаясь над самим собой, гордо ошущая на голове тяжесть чалмы. Даже не шелковой, как у Дониша, но белоснежно парчовой – снежной российской чистоты, искрящейся солнечной пылью. Он видел, что его видели. Что мундиры и сюртуки любопытствуют, тая взгляды лишь чуть-чуть. Английский же, кажется, консул вообще полузаметно улыбается, готовый даже кивнуть в посланникову сторону, заранее соглашаясь увидеть такое же ответно.

Полонезные пары, соединив танцующих в первый медленный круг, то чуть приседая, то выпрямляясь, то делая шаг, то приостанавливаясь, потянулись торжественно друг за другом.

Александр Николаевич выступал в паре с дочерью Великой княгиней Марией Александровной. Августейшая же его супруга и тоже Мария Александровна, следующая вслед за ними, чуть касалась руки принца Альфреда Эдинбургского.

Польская музыка, скрытая невидимо где, заставляла идти красиво и одинаково. Пары шелестели тонкими тканями, проходя мимо иностранного островка, обдувая радужные мундиры, блестящие фраки и строгие сюртуки

сладкими духами разгоряченного бала. Ввихренное человечество двигалось по отведенному праздником кругу.

Абдукадыр-дадхо не верил самому себе, что такое счастье с ним приключилось, что он тоже здесь, среди них, а значит, такой же... Он выпрямлялся все сильнее и сильнее. Он бы, наверное, начал смотреть даже поверх голов, но вдруг побледнел, почти что под цвет чалмы... Кровь отлила от лица, руки сделались ледяными, а ладони – одновременно мокрыми: сам государь император, белый царь Александр шел в их сторону, шел к нему.

– Мне говорили, что посланник дружественной нам Бухары... – весело заговорил он, – ...да, что посланник дружественной нам Бухары пожелал сегодня нечто сказать. Нечто, соответствующее торжеству...

Абдукадыр-дадхо, придавив одной губою другую, растерянно молчал.

Из ниоткуда возникший Казимбек, шепнув ему что-то на ухо, заторопился переводить императорские слова, одновременно придвигая к государю, смущенного Ахмада.

Недоумение Абдукадыра-дадхо еще оставалось недоумением, когда Ахмадий Дониш из теплых глубин халата кончиками пальцев вытянул трубочку манускрипта.

– Слова есть плоть содержания, – раскручивая бумажку степенно начал Дониш. – Не будет красив язык, не проявится и высокий смысл. Красота слова может крыться и в начертании. Всякий истинный каллиграф не может не быть философствующим поэтом...

Казимбек чуть притолкнул его локтем, – следовало перевести. Но Казимбека, после произнесения важных открывающих слов остановили. Сам император, сбиваясь с французского на английский, чуть полуобернувшись, принялся переводить для обступивших. Дочь улыбалась, не слушая. Принц Альфред Эдинбургский слушал, отлавливая нужный ему английский смысл. Дониш, полускрыв глаза от почтительности осмеливался видеть только пушисто вспученные бакенбарды Александра II. От них пахло летним медом и свежестью сочно скошенной солнечно нагретой травы.

– Луна благородства, о дочь властелина мира... – выводил драгоман Казимбек. И Дониш на пару минут примолкал, вслушиваясь, как это означится в звуках то округло английских, то в остро посвистывающих французских.

Спрятанная на хорах музыка по-кошачьи урчала, боясь повредить тихому разговору.

Три человека увлеченно перебалтывались четырежды повторенными словами. Даже, пожалуй, вежливо выхваляясь друг пред другом: чье дыханье длиннее и не прервется произношение, объясняясь нехваткой воздуха.

– Я думаю – это чудесный акrostих. И очень глубокий по смыслу, – получив разъяснения, произнес император; конечно же, он и здесь не мог не победить. – Я очень доволен. Но жаль, что мы не знаем языка, чтобы отличить прекрасное от мастеровитой поделки.

Дониш все еще не смотрел в лицо. Бакенбарды пушисто покачивались, в бесполезности ожидая золотых пчел.

– Мне очень хвалили тебя, как человека образованного. Дважды или трижды побывавшего в русском краю. Почему же ты еще не научился нашему языку?

Произнося это, он тоже (ответно) не смотрел сейчас на Дониша, но зато теперь уже – на Абдукадыра-дадхо.

– Всем, кому случается приехать в эту страну, – устремив поклонный взгляд на носок своей расшитой золотом кожаной туфли, произнес собственные

слова и дадхо, – того день и ночь водят гулять, возят в театры и на заводы. Сердце не позволяет отказаться от прогулки и зрелищ, чтобы заняться изучением азбуки. Все время думаешь: а вдруг никогда больше не удастся побывать в этом городе и осмотреть диковинки государства, Ваше Величество...

Император кивнул, возможно и соглашаясь, поняв восточную политичность ответа: ведь всякая аудиенция должна заканчиваться согласным ее пониманием:

– Теперь, – стоит лишь захотеть...

Повернулся и стал уходить. И свита из всяческих его людей мгновенно же развернулась, подвинутая уловленным ветром императорского движения.

Музыка, вдруг громче взыграв, заторопилась продолжить звучание примолкнувшего было полонеза.

Дониш наконец приподнял взгляд, чтоб только и увидеть маленькую лысинку русского императора, венчающую медово пахнущие отплывающие бакенбарды.

Многочисленные мундиры посланников стояли густым собранием своих лент, орденов и звезд, обязательным поклоном одинаково уперев подбородки кто в собственную шею, а кто – уж совсем почтительно – в выпукло вздернутую усердием личного портного полукругло торчащую грудь.

Один Абдукадыр-дадхо, вновь потеряв ориентир этикета, стоял ровно, глядя поверх уходящей лысинки, не веря счастьем случившегося, но и несчастливостью для него разговора.

«Вот и все, – додумывал новую неожиданную мысль Ахмад Калла Дониш. – Вот и состоялось то, для чего, измучивая себя, своих жен, коней и верблюдов, бухарское посольство перетасилось через полземли. Что-то изменилось в миру? В них самих? В притирающихся друг ко дружке государствах? В одном – собственной вольною силой к тому стремящемуся. И в другом –двигающемуся принужденно, хотя, возможно, и ведемся предопределением Самого Аллаха, – мир Ему! – с целью охранить от чего-то, бухарцам неведомого.

Нет, ничего от их присутствия здесь не произошло и не произойдет.

Осуществляемая ими жизнь, невидимая изнутри, напряженно тугая во внутреннем самостоятельном и неумолимом движении, в реальной истинности бытового оголенного тела идет сама по себе, скрывая себя же, свою настоящую под одеждами ненужных путешествий, дипломатических караванов. Под лентами, орденами и звездами, налепляемыми на мундиры, фраки и сюртуки. Под этими наконец поклонами, к месту и не к месту сотворяемыми людьми.

И если уж чего изучать как настоящее, о чем в будущем и докладывать эмиру Бухары Музаффару, так вот не эти же поклонения. Не эту из них одежду, что не дает истинной жизни стоять голышом пред общим обозрением, совсем не эту разнообразность творимых людьми поклонов. Хотя...

Насколько же и они интересны! Нет между ними смысловой разницы, но велика разность внешнего выражения. Есть поклон обреченных, есть поклон обрекающих. И, если обреченный творит поклон, он этим возвышается – вот именно так! – над обрекающим, выдающим свою волю.

Сейчас под музыку придворного танца в веселом сопоставлении сознавалось и другое – не общее, но разнообразное...

Русский поклон никогда не замечает к нему обращенного маленького поклона. Но одновременно парадоксально желает, чтобы таких, творящихся перед его глазами поклонов, для полной возможности их не замечать становилось бы все больше, больше и больше...

Оттого и не замыкается русский, возвышающийся над малыми поклон стенами собственного пространства: комнаты, дома, дворца, города, даже страны. Он стремится наружу. Тогда как поклон другого пространства – восточного, нет, шире, азийского – то и дело усаживает себя на единое место, сиюсь закрыться стенами, воинством и песчаными пустынными границами. Ну это там, где не устали землю Могушественный Аллах, Устраивающий все наилучшим образом – аль-Муктадир!¹ – поднебесным камнем из взгроможденных до неба горных глыб.

В отличие от русского, восточный поклон всегда замечаем. Он не бывает не оцененным. В него вглядываются, нет, вслушиваются в неслышимое, угадываемое, запоминая: кто себя преклонил, с каким уважительным подобострастием сие неторопливо сделал? Запоминая надолго, в сущности, навсегда. Он таинственен и неверному не понятен. Он состоит из вежливой, почти нежной улыбки и скрытых мыслей.

Кланяющийся помнит о том, что его будут помнить. А потому его поклон внутренне не раскрываем.

Он действителен для малых пространств. Едушим по улице правителем поклоны, творимые многими попутными людьми, отторгаются из-за их отдаленной, не вычисляемой бесполезности. Здесь всегда мудрое понимание: не может же вся улица, даже и переполненная видимыми поклонами, искренне улыбаться ему одному. Она всегда со своею скрытою тайной на собственных устах, тоже должно быть ожидающих ответного поклона. Улицу нельзя заполучить и запомнить навечно. Улица должна быть пуста, существовать без естественного движения. Такое просто необходимо для того, чтобы вечно ей мстить, или быть благодарным.

Бриллиантовый венец над рыжею густотою собранных воедино волос вместе с разлетом пригнетающей бархатной мантии должен бы был заметно тягелить строго танцующую Марию Александровну. Но это никем не виделось, поскольку побеждалось всей ее танцующей юностью.

Все дальше и дальше, в самую глубину паркетной залы, уводил полонезные пары русский император Александр II. Тепло ладони о тепло ладони другой...

Оттуда он уже не стал делать танцевального поворота на новый круг, но медленно прошел через растворенный проем распахнутых золото-зеркальных высоких дверей в столовую комнату, где блеск хрусталя уже не сиял радужными всплесками с потолочных небес. Но, упав на парадно накрытые столы – всего до семисот кувертов, – разбился, распался, рассыпался среди фарфора и серебра бесчисленной посуды. Себя прибавив к поблескиванию золотого ножа, серебряной вилки и такой же ложки, предлагаемых каждому из гостей.

За парами организовванного полонеза – присели, подшагнули, присели и вновь подшагнули – втянулись и не танцующие, теперь говорившие громко, рассаживающиеся по обозначению.

Прежняя музыка ушла на покой. Тостов не поднимали, здравии не говорили. А потому слушали теперь иную музыку – начавшейся еды: с позвякиванием ножей и вилок, с прозрачностью перезвонов чистого стекла, с благовоспитанным говором одновременно жующих и, по возможности, нечто значительное произносящих ртов... Труднее всего оказывалось ушам, озабоченным слышимостью соседа по столу и собственным словесным его перебивом. А главное – попыткою уловить среди общего обедающего шевеления то и дело вспархивающий, украшающе излетающий из тонкого горлышка нежный голос

¹ Одно из девяноста девяти Его имен.

поющей здесь Аделины Патти¹. Слушал и впадал при этом в невольную странность непонимания – разве такое способно быть?

Вся тяжесть нижней части весьма не тонкого лица певицы не возвышала ее поднебесно, а больше наоборот: странно возвращала Ахмада нездешнюю мысль к лицам приземленным, давно ему знакомым и многожды виденным... Таковой тяжестью подбородков обозначались для него женщины подлебухарских песков, обретающиеся среди туркменских племен – иомудов или теке. А тем самым доказывалось, что как раз такое и быть способно. Что в сочетании красивого с некрасивым одна красота всегда поверх всего и надо всем оказывается.

Но что всего удивительнее, что необъяснимее всего, так это момент противоположный. Когда красота внешняя добавлением красоты внутренней сама себя же уничтожает, не увеличиваясь и не развиваясь.

В такой мысли Дониша появлялась уже нечто математическое, выводимое из законов каких-то других, снаружи не наблюдаемых, но обретающих явленное существование при человеческом умственном проникновении в некие скрытые миры.

Ангелина же Патти продолжала петь незаглушаемо. И такая ее отдельность от низкого мира говорящих, жующих, механически постукивающих холодным серебром приборов и стеклянно позванивающих полнотою хрустальных бокалов неопровержимо подтверждала формулу первую, не математическую, зато пришедшую по сердцу слушающему ее Донишу.

И еще обнаруживалась странность. Патти стояла внизу на плоской, бархатом обшитой супе, на некоторой плоской приступочке. Потому и голос ее должен бы был существовать рядом с ней. Но его там не оказывалось. Он отчего-то жил сам по себе высоко под потолком, под росписями с цветами и девами, вроде как бы это они пели.

Голос обегал хрустальные люстры, воспарял надо всеми, оказавшимися под ним людьми, и купался в чистоте собственных нот, живя в прозрачности промытого стекла, в тонком звоне медного колокольчика, чей мгновенно возникший звук каким-то чудом не прерывался, а растягивался до ровной непрерывной бесконечности.

Даже не думая снисходить вниз, существуя надо всеми иными голосами, говорливо обретающимися где-то там – в винных парах, теплоте парного или зажаренного мяса, в брызгах случайно выдавленного сока – этот голос невидимо отмаливал их общую пустоту. Одним своим существованием указывая на то, что он – тоже порождение обычной человеческой гортани и именно этим человечеству следовало бы гордиться. Вот только если к горлу подселится еще и некий дух, нечто необъяснимо такое, что христиане тоже умудряются видеть на своих иконах, троичность Бога, коя мусульманину не понятна.

Высокий голос отмаливал грех человеческого празднословия, вступался за низко живущих людей.

Донишу повезло более других... Слушал не отвлекаясь.

Лишь иногда слегка уходил в размышления о сущности только что виденных поклонов и о предназначении трех вспархивающих белых салфеток, лежащих пред ним. Аллаху лишь ведомо, как предстояло с ними исхитриваться... Не шайтаны ведь люди, не иблисы², где возможна голова и о трех ртах. А на один рот и одной хватит.

¹ Патти Аделина (1843–1909) – итальянская певица (колоратурное сопрано). Успешно выступала на сценах России, Европы, Америки.

² Иблис – демон.

Абдукадыр-дадхо демонстративно молчал, покатывая пальцем по кузнеческому блюдецку небольшое желтое яблоко, сладкое даже на вид, и шевелением плеча, будто бы мух отгоняя, то одного, то другого бесшумно прискальзывающего официанта. Избавиться от последних, казалось, что невозможно: ровно четверста человек кружилось по хрустальной комнате, вроде бы и танцую, а вроде бы и по-царски ухаживая. Абдукадыру-дадхо почти удавалось.

Дониш же потихонечку ел, более пробуя, чем наедаясь: следовало убеждаться, что предлагаемая еда дозволена мусульманину. А еще – слушал. А Пати пела.

Проспект мраморных лестниц, то неторопливо спутываясь, то стремительно распускаясь, располагал к шуршанию беседы. Слова же Абдукадыра-дадхо, вырывавшиеся наружу, ничуть не соответствовали дворцовой плавности. Словно не одно, притаенное от обеда яблоко оказалось в руке бухарского посланника, но благоуханное их множество. И теперь он расшвыривал их направо и налево; больше всего себе и Донишу под идущие ноги.

После многочасового молчания теперь произносимые им слова принялись рассыпаться во все стороны, падая вниз, подскакивая на узором выложенных площадках, раскатываясь – только ли не грохоча – перед выходными, в холод распахнутыми дверьми, вдребезги – на клочки и кусочки – разбиваясь за ними.

Абдукадыр-дадхо негодовал.

Лик его сделался бледен, язык тороплив:

– И ты, мусульманин, посмел восхвалять неверных? Словами стиха?

Воздух, высушенный горячими словами, забивающими рот до непреодолеваемой густоты, обжигал, прерывал дыхание:

– А может, ты жаден и хочешь получить от них подарок? Знай, подарок неверных, это, как еда, непривычным к ней мусульманам – всегда не на пользу.

Во рту Абдукадыра-дадхо совсем стало сухо. До першения в горле, до задыхания:

– Я даже не представляю себе, каков станет гнев эмира, узнай он об этом!.. И как сокрыть?

Последние яблоки слов, сорвавшиеся, скатившиеся с языка и разбивавшиеся уже на полукруглом пандусе под полозьями подъезжающих и стоящих карет, разлетелись теперь окончательно.

Дониш вздохнул, погрузнев от непонимания: Коран и Хадисы он знал не в пересказе мулл и улемов¹, он их изучал, обретая собственное знание.

– Ислам не запрещает хвалить неверных в случае особой необходимости.

Разбитые яблоки хрупали под ногами.

– И еще: это мусульманину-то подарок не на пользу? Сказать так – значит взять грех на душу... Что бы нам ни перепало, что бы к нам не пришло – все станет казною эмира или его знаниями. Разве не приобретет он от нас собственной пользы? Даже выгоды? Тень от нее, милостью великого Музаффара, возможно, падет и на вас, таксыр.

Молчащий, но уже высказавший все, что положено, и тем самым облегчивший свой необходимый гнев, Абдукадыр-дадхо, оторвав взгляд от лица Ахмада Дониша, теперь смотрел вверх его головы.

Дониш опять говорил:

– Если мне дадут один дирхем, то вам, таксыр, как главному посланнику благословенного эмирата, подарят уже десять. Впрочем, не отчаивайтесь и

¹ Улемы (Уламо) – духовные лица, состоящие при некоторой должности (преподаватели медресе, теологи, правоведы).

не печальтесь. По возвращении в Бухару все перейдет эмиру, ибо тюркские правители, если отправляют посла в какую-либо державу, то по возвращении зарятся даже на его шаровары и рубаху. Хваля неверных, можно более получить, нежели остерегаясь.

Абдукадыр-дадхо вздрогнул, расслышав такое. Даже непроизвольно оглянулся: не стоит ли, посапывая, за его спиной эмир Музаффар? Но было пусто, если не считать толпы разгоряченных развезжающихся гостей, отогревающих каменный холод зимы теплотой меховых шуб с горячими запахами собственного пота, увлажненного сладостью духов, кельнской воды и вина. Зато около их кареты сквозь снежное скольжение ночной начавшейся метели расплывчато обозначались две застывшие фигуры.

В пустоте ночной скуки прилегшая метель, шевелящаяся вдоль улиц и поперек площадей лишь змейками легкой поэмки, увидев развезд после бала, ожила и заволновалась. Похоже, заранее вступив в зимний договор с пронзительным невским ветром, она вдруг заметалась, взвихрилась и завертелась среди карет, фонарей и покрикивающих кучеров, торопящихся – слава Богу! – отогреться наконец хотя бы мыслью о предстоящем возвращении домой.

Снежные вихри, метущиеся под фонарями, становились желтым вертящимся туманом, но, выскальзывая из-под действия застекленного огня, сначала тонко голубели, потом, отдаваясь и подгустев, обретали темную синеву, чтобы, заметнувшись уж совсем далеко – в прорези спящих улиц – сделаться снежною чернотой.

Две будто бы голубых шинели, растворенные в метельном переходе от серо-голубого к бело-черному, сливались с ночной погодой, почти претворяясь в невидимость.

Конечно, Абдукадыр-дадхо хотел сказать теперь свое последнее завершающее слово, это ведь все-таки право старшего посланника, но, натолкнувшись на двух человек, их ожидающих перед каретой, только и проговорил на фарси для Ахмада:

– Так стерегут, чтобы схватить и бросить в зиндан...

– Так точно! – приложив ладонь к белой барашковой шапке, ничего не поняв из тихих слов Абдукадыра-дадхо, произнес, подшагнув навстречу бухарцам, дворцовый флигель-адъютант.

Снежная россыпь метели, круговертью холодного ветра бросаема ему в розовошее лицо, мгновенно таяла на горячих щеках. Флигель-адъютанту было жарко до счастливого неприличия.

Каблуки сапог торжественно шелкнули.

– Так точно! Его Императорское Величество благодарит высокое бухарское посольство в вашем лице за то почтение, которое было оказано Двору Его Императорского Величества посещением торжественного бала в столь счастливый для его семьи день.

Каблуки шелкнули с новым усердием.

Абдукадыр-дадхо повертел головой, выискивая еще при танцах исчезнувшего Казимбека. Дониш, столкнувшись с его взглядом, пожал плечами.

– ...и в честь посещения Двора Его Императорское Величество просит принять его немногие скромные дары.

Флигель-адъютант, не истребовав разрешения, отмахнул дверцу кареты и принялся укладывать в ее промерзлое нутро коробки и коробочки, футляры и шкатулки, прежде того возвышавшиеся шатким минаретом на руках второго

из ожидавших. Переметаемый вовнутрь минарет уменьшался, постепенно открывая фигуру державшего все это столь же веселого, что и сам флигель-адъютант, солдата. И на его калмычком лице тоже таял живым теплом побеждаемый снег.

Освобожденный от ноши, он выпрямился, бросил уставшие руки вдоль шинельного ворса и так же пришелкнул каблуками.

– Однако требуется осторожность, – не отнимая чествующей руки от белой папахи, немало сходной с хорезмийским тельпеком¹, договаривал флигель-адъютант. – Подарки особой научной ценности.

Здесь были явлены астрономическая труба, глобус, бинокль, компасы и некоторые сопутствующие тому предметы. К этой важности – еще и китайскими мастерами исхитренная ерунда – резной костяной шар мелкой работы. Небольшой, а в нем пять штук других шаров вертится. Терпением внутри помещенных идвигающихся там независимо.

Рука убралась, каблуки, как положено, шелкнули.

Карета дернулась и, не сразу оторвав чуть примерзшие к мостовой полозья, понеслась к посольскому дому.

Флигель-адъютант легко закурил тоненькую папироску. Солдат, не отнимая рук от шинели, пошевеливал затекшими от недвижения, а потому подмерзшими пальцами.

– Более всего мне понравился полонез, – сказал Абдукадыр-далхо, когда уже подъезжали.

Ноги обоих посланников затекли весьма тоже. Пространство, для них отводимое, поблескивало из темноты мокрым блеском полированного дерева футляров.

СШИВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА НИТЬЮ СЛЕДОВ

Казачий эскорт уменьшался одновременно с уменьшением снега. Снег таял от медленно приближающегося, затепливающего его Востока. Казачий эскорт таял из-за удаления от официального Санкт-Петербурга.

Еще в промежутке от столицы и до Москвы из охраняющих казачьих пик, покачивающихся обок отходящего посольского каравана, оказывалось столько, что их деревянный подлесок, похоже вплотную придвинувшейся лесной опушки, заметно пошумливал дергающимися, как листья, остренькими голубыми флажками, веющими под заточенными железными остриями.

Но часть казаков быстренько перехватила Москва, оставив себе в нужную собственность...

Опушка разредилась, подлесок слегка повырубили.

А к Оренбургу дополнили уже только с десятью человеками российской охраны во главе с Казимбеком. Но здесь и этими должны были быть оставлены. Не тратить же им время на многомесячное сидение.

Оно же для всех путешествующих через запустыненную степь случалось обязательно. Многомесячное время требовалось для схождения разных людей в один общий гурт, в один караван. И купцов, обустроивающихся по-хозяйски – животами вперед. И нищих, желающих дойти до богатств, как будто бы где-то там, впереди, для них оставленных. И людей с бегающими глазами, прячущих в луке седла тайные письма тайных межгосударственных согладатаев. И утекших

¹ Тельпек – восточный головной убор.

из плена каких-нибудь немых оборвышей, не ведающих, что и в ином месте того ж не избегнут. И мудрецов, немудро отчего-то решивших, что главная жизненная мудрость затаилась именно там, куда они идут, собственно даже и не зная куда... И солдат-сарбозов всяческих национальностей, сделавших своей работой охрану новосборного – важного и пустякового, молчаливого и галдящего – человеческого сгушения из шляющегося по белу свету туда-сюда всякого люда. В сущности, мечтающего что-нибудь новое увидеть и его же обрести. А по немалому дальнейшему размышлению лишь боящегося умереть в постели от скуки беседования с самим собой.

Если в человеке нет любви, он стремится пересечь пространство.

Жизнь держит людей вместе друг с другом не любовью, а сообщая преодоленным пространством. Выбравших путешествие всегда очень много.

Неужели в мире так не хватает любви?

Ахмад Калла даже бумаги рабочие не стал далеко укладывать, предполагая, что за время стояния, пока общий для всех караван срастется, он успеет добавить, пусть даже вчерне, но чтоб не забылось, абзацы подсказанной невероятным Санкт-Петербургом, наметенной приморскими метелями, обглаженной льдистыми волнами-валунами новой достойной книги – именем «Наводир ул-вакое»¹.

Но оказалось, что здесь, в Оренбурге, во всем караван-сарае только как будто и ждали именно их посольского заезда, мгновенно, словно магнитом, притянувшего к себе все живое. Прежде рассыпанное по комнатам-худжрам, разбросанное поодиночке, раскатившееся по сторонам из-за несогласия в оплате будущих караванных дней и даже из-за разной значительности лиц и национальных несхожестей.

Ахмад Калла не стал заводить новых чернил, не взялся развязывать спеленатые бумаги.

Имя посланника Абдукадыра-дадхо, принятого самим русским царем, невидимую цепью скрепило всех сошедшихся, приблизило важностью людей, возвращающихся в Бухару. Теперь оно еще должно было и охранить. И от разбойников, разбойничающих с государственным размахом, и от сопутствующих государств, подпирающих себя разбойничающими таможнями.

Кто, если не глуп, как степная мышь, отдельною меткой под открытым солнцем торчать рискнет? А войдет в тень, падающую от имени эмира Музаффа, станет незаметен своей при этом имени заметностью. Близкий страх перед кочевниками заменив на страх далекий, будущий, эмирский, можно дольше пожить в видимости бесстрашия.

День, два, еще десять дней... И людской сбор состоялся, стал готов.

Распри, хотя и не позабыв, все-таки «на пока» затаянули веревочным узлом временного согласия, уложив в хурджуны общего терпения. Толкались теперь лишь по пустякам, сложившись в единое существо – караван.

Бухарское имя Музаффа стало светом в ночном факеле-фонаре, впереди всех воссиявшим.

Имя же это невидимо понес сам Абдукадыр-дадхо. Хотя, если задуматься, стало оно как раз видимым его же старанием. Все для этого сделал сам дадхо. Всех тому научил, всего лишь важно выхаживая вдоль людей и верблюдов, вдоль юрт и костров, их освещающих.

Люди вставали при его перед ними важном движении. Прикладывали к сердцу ладонь, сгибались в положенном поклоне. Он кивал им ответно.

¹ «Редкие события».

Ахмад Калла поглядывал, примериваясь к возвращению... Дальше можно было бы и не ходить, – посмеивался, видя такое. Это он еще жил на перепутье. А Абдукадыр-дадхо почти что уже в Бухаре.

Дониш тоже проходил мимо костров. Но перед ним не вставали, зато раздвигались, освобождая место на кошке. Он присаживался, и огонь костра, раздорясь на две части, запрыгивал в стекла его очков, продолжая плясать и там жаркими оранжево-фиолетовыми язычками.

Тяжело оставляемые следы Абдукадыра-дадхо сшивали свою нитью уже проснувшуюся в нем Бухару с быстро забывающимся Санкт-Петербургом.

Но точно такие же следы Ахмадия Дониша точно такой же нитью сшивали эти города стежком противоположным: остро помнящийся еще Санкт-Петербург с миражно-туманящейся Бухарой. Два разных шва могли обрести двойную крепость, сложились они вместе. Однако могли и свести все на нет, перепутавшись, навертывая узлами от встречного схождения.

Жены Абдукадыра-дадхо еще не стали совсем смелы, еще продолжали жить чего-то страшась, но, прячась за спинами служанок, уже осмеливались выбывать в Оренбург, топоча по предвесенней грязи кожаными сапожками с золотым шитьем. Встречая других людей, они прятали лица под шелковыми платками, а в лавки все-таки заходили, тратя денежки на самостоятельно покупаемые пустяки. Торгуясь, они иногда забывали упрятываться под шелк и вздрагивали до полусмерти, натолкнувшись на чужой взгляд.

Наивные, они не знали, что человеку свойственно смотреть и не видеть. Особенно других, а не самих себя. От скольких беспокойств избавился бы всякий человек, если бы помнил, переживая что кто-то посмотрел на него не так, что посмотревший на самом-то деле его и не увидел. Промелькнул ты в его зрачках, отразился и исчез. Не птица, а тень от птицы. Не человек сбоку или впереди мелькнувший, но одно лишь произошедшее вдруг рядом с ним воздушное колыхание...

Абдукадыр-дадхо не то чтобы попускал это, наконец добившись от жен некоторого европейского пробуждения. Тем более, что в долгом обратном пути им всем и дальше предстояло быть на общих глазах. А просто был занят другим – окончательным своим восхождением на гору из других людей. Посланник эмира Музаффа продолжал видиться в караване самым эмиром Музаффаром. Не меньше.

Дадхо обретал ту силу власти, которой, – боясь в том признаться, но понимая, что так оно и было – не имел в Санкт-Петербурге. Жены Абдукадыра-дадхо, обученные им самим некоторым самым малым женским вольностям, входили в противоречие с внутренним, в нем самом несомом, образом Его Величества Музаффа.

Петербург переставал быть реальностью, где-то там, далеко, заметаясь взвихренным мелким снегом. Бухара становилась реальностью, начиная дышать оттаивающей степью и ее холодным песком, всплывающим к зеленому изразцовому небу в мареве азиатской теплоты. А попадись под копыта коня сброшенная змеиная шкурка, она могла бы и захрустеть от догнавшего ее высыхания.

Юрту Абдукадыра-дадхо, поставленную не внутри двора, но чуть подале от общего караван-сарая, мелкие люди в тонких халатах теперь обходили. Но люди уважаемые, большие, в халатах ватной толшины, наоборот, старались приблизиться к ней, уже несколько раз останавливались пред опушенной над дверь кошмою, дивясь некрасивому пению, просачивающемуся сквозь войлок стен:

– Ram-parararam-param-papa!

Подходя, Абдукадыр-дадхо тоже услышал и улыбнулся: а хорошо они провели время... Но дожидавшийся его старый лаучи¹, стоящий у дверной кошмы, посмотрел на приближающегося дадхо, осуждающе покачал головой и поморщился. Однако опомнившись, приложил руку к сердцу, поклонился и чуть отошел в сторону, явно подсказывая, что Абдукадыру-дадхо именно сейчас следует войти в юрту для того, чтобы позорящее всех чужое пение прекратилось.

Сердце еще улыбалось, но вид дадхо, когда он вошел, стал вдруг столь грозен, что женщины, замолчав, тревожно отодвинулись вглубь юрты.

– Большие труды способны утомить и большого человека, – сказала старшая жена, протянув ему небольшую касу с пенящимся молоком верблюдицы – перебродившим чалом.

Он отодвинул ее руку:

– Вольно петь продолжите дома. Пока же – начинайте молчать.

– Мы только тихо, – попробовала добавить Зулайхо. – Чтобы правильно танцевать...

– Вы не расслышали моих слов?

– У нас уже все получилось, и мы порадуем господина. Когда он захочет. Хотя б и сейчас. Хотя б и в Бухаре.

Рука старшей жены снова приблизила к нему фарфоровую касу с чалом.

Дадхо почти ударил по ней.

– Осмеливаетесь не понять?!

Младшая жена совсем вжалась в мягкую стену. Спрятаться было некуда, но она почти стала невидимой.

– Тихую песню никто не расслышит, – отступив на шаг, произнесла Зулайхо, – а без музыки нельзя. Чтобы не позабыть. Мы только голосом, только губами.

Выбитая из руки каса хлопнула по стене юрты. Белый чал потек вниз, шипя пузырями.

– Вассалам! Я сказал!

Налегшая тишина придушила, казалось, всех. Даже и самого Абдукадыра-дадхо. Собственно, его сейчас здесь и не было. Шевелился в его халате, возмущенно раздирая сердце, не понимающий, как так его стали ослушивать, эмир Музаффар.

Раннее утро вытолкало тишину за ворота караван-сарая.

Закашляли без злобы на ходу доругивающиеся рано разбуженные люди. Забрали перебирающие ногами кони, то и дело отскакивая в сторону от равнодушно подымающихся верблюдов. По широкогубым мордам нельзя было понять – спят ли они еще, пережевывая собственную зеленую слюну, или все-таки проснулись, вытягиваясь друг за дружкой. Из-под опущенных утренним инеем ресниц глаза не угляживались.

Воистину, странствие хотя и есть частица ада, оно иногда приносит пользу.²

И пошли, потянулись, вытянулись...

Растянулись неторопливо.

¹ Лаучи – погонщик верблюдов.

² Ахмад Дониш. «Рассказ о хаджи и о пользе путешествия».

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НЕУДОБНОГО ЧЕЛОВЕКА

Имя Алексея Петровича Устименко известно всей читающей публике нашей страны. Без него трудно представить литературный процесс в Узбекистане. В октябре 2018 года ему исполняется 70 лет.

В юбилейных круглых датах есть что-то обманчивое, что-то слишком, так сказать, закругленное и почти всегда немного пафосное. Но трудно найти более несовместимые понятия, чем пафос и Алексей Петрович Устименко, замечательный писатель и редактор и просто очень интересный человек, так что передо мной стоит трудная задача: избежать даже намек на пафос, но все-таки постараться сказать те главные слова, которых юбиляр, несомненно, заслуживает. Для нас, его читателей, друзей и просто знакомых, это повод поразмышлять одновременно и о творчестве писателя Устименко, и более широко – о положении русскоязычной литературы в нашей стране в целом.

Весьма сложно писать о современниках, приближающихся к заповедному Олимпу, где дружно или не очень обитают классики прошлого. И не только потому, что «большое видится на расстоянии», и никто из нас, живущих рядом с предполагаемыми гениями, не может с полной уверенностью предсказать попадания в пантеон литературных богов того или иного автора, как бы мы его ни любили и ни восхищались его мастерством. Мы верим, что время все расставит по своим местам. Но ведь и время при всей своей беспристрастности и неподкупности тоже иногда ошибается, и случаи «забытых и заново потом открытых классиков» – не редкость в истории мировой культуры. Дело тут еще и в другом. Когда пишешь о своих современниках, а тем более о тех, с кем выпала честь быть знакомым лично, всегда неизбежно накладывается человеческий, субъективный, фактор, некая психологическая аберрация.

Мне вдруг подумалось: как жаль, что нет у нас другого такого писателя, как Устименко, который так великолепно умеет рассказывать о своих современниках в жанре биографического эссе. Идеальным вариантом было бы, если бы человек Устименко написал еще один очерк в своем неповторимом стиле, только на этот раз о самом себе, о писателе Устименко. Но боюсь, что этого в обозримом будущем не случится, поэтому я попробую в меру сил и возможностей сказать о нем несколько слов, которые, наверное, будут неизбежно субъективными, но очень искренними.

Говорят, что, если не знаешь, с чего начать свой рассказ о человеке, лучше начинать с личной темы, то есть со знакомства. Это самый верный способ выстроить рассказ, потому что хронология всегда помогает его упорядочить, вспомнить какие-то поворотные моменты и ключевые события. В январе 2008 года судьба свела меня с Алексеем Петровичем, главным редактором журнала «Звезда Востока», в котором намечалась моя первая стихотворная публикация. Устименко позвонил мне и попросил заглянуть в редакцию, чтобы прояснить какие-то вопросы по стихам. Я приехал, робко зашел в кабинет, ожидая увидеть грозного и важного редактора, наводящего трепет на начинающих авторов. А вместо этого увидел спокойного невысокого человека, который моментально расположил меня к себе, потому что ничего стереотипно редакторского в нем не было. Вместо этого – отсутствие всякой позы, простота и улыбка человека, прекрасно понимающего напряжение, волнение и трепет начинающего автора, переступившего порог редакции знаменитого журнала. Я почувствовал себя свободнее, волнение прошло.

Устименко задал мне несколько общих вопросов, в том числе о поэтическом конкурсе, где я незадолго до этого участвовал, спросил, давно ли пишу стихи, публиковался ли где-нибудь раньше. Так и познакомились.

Знакомство постепенно переросло в более близкое общение, особенно, в тот полуторагодовой период, когда мне довелось поработать в «Звезде Востока». Это была просто техническая помощь Алексею Петровичу в поездках по делам журнала в типографию, в доставку тиража в редакцию и другие пункты назначения и т. д. Наличие у меня транспорта значительно экономило время и силы. Пока вместе колесили по городу, конечно, много общались. И о делах литературных, и о классиках, и о новых именах, и о забытых, к сожалению, талантах. Слушать рассказы и размышления Алексея Петровича было всегда интересно, хотя иногда хотелось и поспорить. Но спорщик из меня плохой, поэтому я лишь робко и осторожно высказывал иногда свои сомнения с неперемennой вопросительной интонацией в конце. Впрочем, никогда ни одной минуты не чувствовал я даже намека на авторитарность мнения, что бывает иногда присуще профессионалам, считающим, что они постигли в этой жизни все до последнего камешка под ногой. Всегда оставалось пространство для иного мнения и соответствующее уважение к нему.

Сейчас, вспоминая наши разговоры десятилетней давности, я ловлю себя на мысли, что многие вещи, о которых говорил тогда Устименко, сбылись, продолжают сбываться и становятся, к сожалению, весьма актуальными... Тогда мне казалось, что Алексей Петрович слишком сгущает краски, и я пытался внутренне противостоять, сопротивляться, приводил какие-то контраргументы, звучавшие, впрочем, не очень убедительно даже для меня самого. Общение наше носило неформальный характер, мы общались как коллеги по работе. Но уже тогда, только начиная знакомиться с творчеством Устименко, я чувствовал масштаб и уровень его таланта, и по этой причине незримый, но очень важный вектор «учитель – ученик» всегда косвенным образом присутствовал в наших беседах. Вижу, как недовольно поморщился Алексей Петрович, прочитав эти строки, потому что никогда он даже близко не позиционировал себя как учителя... Но я, как и многие начинающие авторы, которых свела с ним жизнь, учился и научился у него многому, за что всегда буду ему очень благодарен.

Некоторые моменты запомнились особенно. Например, умение разговаривать с приходящими в редакцию авторами. Доброжелательно и уважительно, но одновременно и жестко, если их тексты были ниже необходимого для публикации уровня. А такое происходило, к сожалению, весьма часто. Не буду лукавить и говорить, что в кабинет редактора стояла очередь желающих приобщиться к большой литературе. Нет, очереди, конечно, никакой не было, но не проходило недели, чтобы кто-нибудь не появился в редакции. Порой эти персонажи были немного странными, что, впрочем, всегда вызывало у нас сочувственную улыбку: небольшая странность полагается по статусу всем пишущим людям, иначе что это за автор?..

За этот период я получил некоторое представление о внутренней кухне редакторской работы и понял, что умение делать хороший литературный журнал требует не меньшего таланта, чем создание отличных текстов. А, на мой взгляд, Алексей Петрович Устименко не просто талантливый редактор, он один из лучших в нашей стране. И доказательством тому могут служить не только номера «Звезды Востока», вышедшие за время его редакторства, но и замечательный журнал «Восток свыше», в котором он редакторствовал приблизительно в тот же период, а точнее, на несколько лет дольше. Для тех, кто не совсем в теме, скажу, что «Восток свыше» – это серьезное издание Среднеазиатской епархии Русской Православной Церкви, и его редактирование требует очень большого

труда. А ведь, помимо руководства этими двумя большими журналами, Устименко еще успевал писать и свои тексты.

Проза его стала для меня радостным открытием. Прежде всего, конечно, поразил слог. Ювелирно отточенный и одновременно легкий и воздушный. И в очередной раз подумалось, что любой настоящий писатель – это не только отличный большой мир, населенный персонажами и событиями, но и узнаваемый стиль, умение вдохнуть убедительность и подлинность в своих героев.

Исторические сюжеты – это одна из основных тем творчества Алексея Петровича. Он любит историю, знает ее подводные камни, чувствует тончайшую взаимосвязь между историческими событиями и причастными к ним людьми и умеет небольшими, но очень точными штрихами описать прошлое так, что оно оживает, дышит, прикасается к тебе своими звуками и запахами. Это редкий дар, и мне думается, что мы с полным правом без всяких натяжек можем поставить творчество Устименко в один ряд с такими большими писателями, как Сергей Бородин и Явдат Ильясов, посвятившими свои замечательные произведения истории нашего края. Унаследовавший достижения современных классиков и сам уже фактически ставший таковым, Алексей Петрович обладает своим, очень индивидуальным, видением прошлых событий. Быть может, это не всегда бесспорно, но всегда очень интересно и нескучно. И я думаю, что те, кто читал историческую прозу Устименко, а особенно его, наверное, главный на сегодняшний день роман-эпопею *«Странствующие в золотом мираже»*, согласятся со мной, что эта удивительная книга открывает для нас неисследованные периоды нашего общего прошлого, предлагая более внимательно взглянуть в него.

Что касается уже упомянутого узнаваемого стиля, то его, наверное, я бы рискнул сравнить с легким графическим наброском, который лишь намечает контуры изображаемого предмета, но намечает столь точно каждым своим штрихом, что создается эффект объемности, некой голографичности описываемых событий, завораживая, не отпуская, заставляя вглядываться, вчитываться в них снова и снова в поисках иных, более глубинных пластов текста.

На наших литературных семинарах Алексей Петрович не устал повторять, что главное, на чем держится литература, – это внимание автора к деталям, умение расставить их в правильно выверенной и точной последовательности, с ритмом, найденным именно для этого конкретного эпизода, с диалогом, который не будет перетягивать на себя внимание. Все должно быть точно, как на аптечных весах. И его собственная проза строится именно на таких выпуклых, зримых деталях и на тончайшем чувстве меры или, быть может, правильнее было бы сказать, на потрясающем чувстве языка, которое, как жесткий фильтр, отсеивает не просто фальшивые ноты, но даже малейший намек на них.

Так, в удивительном по своей глубине и многослойности рассказе-притче *«Деревянные башмаки»*, который вошел в сборник *«Китайские маски Черубины де Габриак»*, автор нашел те единственно точные интонацию и ритм, которые выводят эту историю за рамки традиционной восточной притчи, делая ее универсальной и наполняя экзистенциальными обертонами. В этом небольшом тексте каждое слово обретает глубину и красоту символа, каждая фраза звучит органично и музыкально, каждый найденный смысл таит в себе еще один спрятанный смысл. Нет ничего окончательно истинного в пустынном мире зыбучих песков, кроме вечных попыток прикоснуться к бессмертию через спасительное слово. Заблудившийся в пустыне караван, ночь, звезды, поэт, читающий свои стихи умирающим от жажды людям... Разве не вспоминаются нам хрестоматийные строки Мандельштама *«И если подлинно поется и полной грудью, наконец, Все исчезает, остается пространство, звезды и певец»*? Любая интерпретация этой притчи оставляет пространство для новых

интерпретаций. Особенно замечательно в этом тексте то, что даже отдельные его фрагменты сами по себе звучат как маленькие притчи. Например:

«Когда люди идут вперед, им всегда кажется, что прямой путь короче. Кто думает иначе, тот отступник для них, убивающий драгоценное время. Их мнимая быстрота невозможна, но мнится им постоянно. А жизнь ведет их иначе. От живого к живому. От одного колодца к другому...»

Колодец, который находит мальчик, – это одновременно и колодец Вечности, который искал, возможно, сам того не подозревая, поэт Фраги. А люди во все века совершают путешествие через пустыню отчуждения, ибо таков удел человеческий. Идут рядом, не замечая друг друга, не видя истинной сути ближнего. И, возможно, только колодец (какой бы смысл мы ни вкладывали в этот многозначный символ жизни) дает шанс человеку наконец ожить, прозреть и увидеть, что рядом стоит такой же, как и ты, человек, ждущий спасительной воды. И, увиденный с этой точки зрения, рассказ «Деревянные башмаки» перерастает в почти христианскую притчу в восточном обрамлении.

Вообще, если говорить об особенностях творчества Устименко, мне думается, что многие его исторические произведения представляют на редкость органичный синтез разных жанров, потому что в них можно увидеть и притчу, и мифологическое начало, и фольклорные коннотации, и наконец просто ладно скроенный, интересный сюжет, захватывающий и не отпускающий читателя. Из сплава этих жанров рождается текст, прорастающий корнями сквозь толщу времени в таинственные глубины прошлого. Мы, быть может, не всегда видим эти корни, но всегда чувствуем их присутствие.

Художественные реконструкции исторических событий в текстах Алексея Петровича представляют собой, как правило, попытки преодоления сложившихся вокруг описываемых событий стереотипов и клише, попытки разрушить устоявшиеся в читательском сознании мифы. Это преодоление получается у автора замечательно, без натуги, очень естественно и убедительно. Другой вопрос, что, возможно, вместо старых мифов появляется новый. Наверное, не миф даже, а скорее версия от Устименко. Но читатель всегда чувствует, что в этом нет никакого педалирования и навязывания своей правоты, которые порой встречаются у писателей, работающих с историческим материалом. Всем своим стилем, языком, интонацией Устименко как бы говорит нам: «Я просто предлагаю вам одну из версий этого события или этого персонажа, ту, которая кажется мне более интересной и точной, а уж ваше дело принять ее или нет». Но поскольку текст написан очень талантливо и убедительно, то принять версию автора, как правило, хочется.

Думаю, что этому способствует и стиль автора. Персонажи как бы немного ускользают от нас, всегда оставляя нам пространство для собственных интерпретаций того или иного характера, предлагают «дорисовать» их в своем воображении. Очень показательны в этом смысле небольшие повести о Есенине и Комиссаржевской, рассказывающие об их приезде в Ташкент. Для великой актрисы эта поездка стала последней.

Небольшая повесть «Черный, черный фазтон, или смерть Комиссаржевской» напоминает по технике полётна импрессионистов. Здесь мастерство писателя поистине выполняет сверхзадачу: оно останавливает мгновение. Сюжетная канва – приезд великой актрисы в Ташкент, ее болезнь и кончина от оспы – намечены легчайшими тонкими штрихами, полутонами. Все события показаны глазами главного героя гимназиста Смольянинова, мечтающего познакомиться с легендарной актрисой. Уже с первых строк Устименко тончайшим образом воссоздает атмосферу времени и места, на фоне которых разворачивается драматическое событие. Никаких ярких красок, никакого фальшивого

мелодраматизма: все происходящее описывается с какой-то бесстрастной отстраненностью, словно мы смотрим документальную хронику. Но именно эта отстраненность действует на читателя в десятки раз сильнее любых пафосных восклицаний по поводу нелепой смерти гениальной актрисы, без которых не обошелся бы посредственный автор. Недосказанность всегда точнее, и только через нее возможно хотя бы призрачное приближение к истине. Ощущение полной достоверности описываемых событий усиливается и точным вкраплением в ткань повествования фрагментов реальных газетных новостей того периода, критических рецензий на спектакли театра Комиссаржевской, которые игрались во время гастролей в Ташкенте. Кстати говоря, из нескольких документальных газетных цитат, приведенных в повести, две или три были *придуманы* автором, о чем не без некоторой гордости (вполне, на мой взгляд, оправданной!) рассказал мне однажды сам Алексей Петрович. Фишка здесь в том, что отличить сочиненные цитаты от документальных совершенно невозможно, и это тоже показатель большого мастерства писателя.

В повести «Хмарь стеклянной Бухары» автор развенчивает устоявшийся миф о том, что поездка в Ташкент вдохновила Есенина на создание знаменитых «Персидских мотивов» и что он якобы был очарован и околдован Востоком. Согласно версии Устименко ничего подобного не было. Было совсем другое – обыденное, прозаичное, пыльное, непонятное. Восток остался для поэта чуждым и непонятным краем, немного пугающим своей закрытостью по отношению к чужеземцам. И только встреча с гениальным художником Александром Волковым сдвинула у Есенина некую «точку сборки» и помогла ему увидеть азиатскую экзотику умными и видящими скрытое глазами живописца. Вероятно, не все примут такую версию приезда Есенина в Ташкент, у кого-то возникнет желание не согласиться и поспорить с автором. И это тоже хорошо, потому что настоящая литература не может быть безоговорочно принимаема всеми без исключения, не вызывая желания поразмышлять и поспорить.

Хотелось бы отметить еще одну сторону творчества писателя – его блестящие биографические очерки о замечательных людях, с которыми свела его жизнь. В числе героев его очерков такие знаменитости, как писатели Сергей Бородин и Явдат Ильясов, поэт Зоя Туманова, археолог и ученый Галина Пугаченкова, скульптор Дамир Рузыбаев. И, конечно, гордость нашей литературы Александр Аркадьевич Файнберг, с которым Алексей Петрович дружил в течение многих лет. Эссе Устименко о Файнберге – это лучшее, что написано о поэте на данный момент.

Краски подобраны яркие и сочные, делающие героя эссе необыкновенно живым. Мы словно слышим хриловатый голос самого Файнберга. Ни капли фальшивого глянца и одновременно никакого снижения образа... Подсвеченный теплым юмором текст (чему способствуют небольшие анекдотические эпизоды из жизни Файнберга) передает уже самим своим стилем, свободным и естественным, ту открытость и естественность, которая была у поэта и делала его таким *живым*, обаятельным и настоящим для всех, кто его знал. Очерк не претендует на целостное, полное изображение личности Файнберга, это, скорее, фрагментарные воспоминания о нем и некоторых ярких фактах его биографии. Точный (как в аптеке) подбор этих фактов придает портрету поразительную убедительность, делает его объемным, многомерным и динамичным.

Почитатели таланта поэта должны быть благодарны Устименко не только за великолепный портрет, но и за огромный труд по редактированию и изданию книги о Файнберге «Лист с неровными краями» (2016 г.) с воспоминаниями о поэте, написанными близкими людьми. Этот сборник получился очень интересным, впрочем,

как и любая книга, выходящая под редакцией Алексея Петровича, не случайно в течение многих лет он был личным редактором Митрополита Владимира, возглавлявшего Среднеазиатскую епархию. Он не только редактировал труды владыки Владимира, но и написал о нем большую биографическую книгу «Владимир, Митрополит Среднеазиатский», которая вышла в 2011 году.

Многие биографические эссе Устименко, художественные произведения были опубликованы и до сих пор публикуются в ведущих толстых журналах России «Дружба народов» и «Иные берега». И в этом смысле он один из немногих авторов, достойно представляющих нашу литературу за рубежом.

Особая страница в многогранной деятельности Алексея Петровича – это литературный семинар молодых писателей, который проходил под его неизменным руководством 7 лет, начиная с 2011-го и вплоть до прошлого года. Много раз менялся состав участников семинара, его форма, место пребывания, иногда прерывалась его работа, но все-таки семинар выжил, продолжает существовать, развиваться, искать и находить новых авторов. Возможно, это прозвучит парадоксально, но самым немногословным участником семинара всегда был Алексей Петрович. Тем веселее было и остается каждое его замечание, каждое слово, произнесенное на обсуждениях наших текстов. Его опыт, умение сразу ухватить суть написанного молодым автором и увидеть огрехи и недоработки в тексте, точность его суждений безоговорочно признавались абсолютно всеми участниками семинара. Вопрос о том, можно ли кого-то научить писать хорошие тексты, остается открытым, на этот счет есть разные мнения, я не знаю ответа на этот вопрос, но думаю, что научить понимать, как сделаны тексты, можно любого человека. Правда, для этого надо быть писателем такого уровня и опыта, как Устименко.

Кстати, он и сам несколько раз предлагал свои новые тексты для обсуждения, и этот факт говорит сам за себя. Помню, как-то раз одной из тем нашего семинара были японские хокку. Поговорили немного об этом жанре, вспомнили японского классика Басё. А потом Алексей Петрович дал нам на листочке без указания имени почитать хокку одного из современных авторов. Мы были поражены их свежестью и неожиданностью. Всем очень понравилось, а я до сих пор помню ощущение открытия нового автора и радости от этого открытия. Конечно, всем было крайне любопытно узнать имя этого автора. Каково же было наше удивление, когда Устименко признался, что это была небольшая мистификация и автор этих трехстиший – он. Перефразируя известное выражение о таланте, можно сказать, что талантливый настоящему прозаик талантлив не только в прозе. Между прочим, к поэзии Устименко приобщился в молодости: писал очень интересные стихи, но считает их недостаточными читательского внимания. С чем лично я категорически не согласен!

К сожалению, в прошлом году Алексей Петрович на некоторое время нас покинул, уйдя в творческий отпуск, но мы всегда с нетерпением ждем его возвращения, потому что без него семинар напоминает корабль без капитана, предоставленный самому себе и плывущий какими-то странными и непонятными зигзагами, которые, как потом оказывается, замыкаются в круг.

Не всегда и не всем на наших семинарах нравилось то, что говорил Устименко. Но он никогда и не пытается, как говорят англичане, «сделать приятное» и нравиться всем. Он человек в этом смысле неудобный. Он и сам не любит «удобных» людей, не пытается «сделать приятное», а это, разумеется, не всегда радует авторов.

Но не только по причине суровых, но всегда безусловно полезных критических замечаний на семинаре можно назвать Устименко человеком неудобным. Дело тут на самом деле намного глубже.

Дело, скорее, в уже давно наметившемся идеологическом расхождении в оценке ситуации с современной русскоязычной литературой в Узбекистане. Алексей Пе-

трович считает (и он неоднократно об этом говорил не только на семинаре), что этот сегмент литературы в нашей стране практически не имеет будущего, потому что молодые авторы совершенно оторваны от местной жизни, не знают глубинных реалий страны, в которой они живут, и уходят поэтоу в жанр фэнтэзи, в сказки и так далее. От России мы тоже далеко и тем более не знаем российской действительности, вот и получается, что мы оказываемся вроде подвешенными в литературном вакууме, из которого непонятно, как выбраться, т. е. творческой почвы у молодых авторов нет.

Возможно, для многих это слишком пессимистичный взгляд на вещи, но ведь это тоже позиция, не на пустом месте возникшая, а обоснованная трезвым пониманием ситуации, в которой мы все поневоле оказались, и большим жизненным опытом писателя Устименко, возглавлявшего шесть лет секцию русскоязычной литературы в Союзе писателей Узбекистана. С этой точкой зрения можно спорить, и мы спорим, доказывая, что не все так страшно и печально, что появляются время от времени молодые и очень интересные авторы, не говоря уже о тех, кто, безусловно, давно зарекомендовал себя и в чьих талантах сомневаться не приходится, потому что их стихи и проза активно публикуются и у нас, и за рубежом.

Время покажет, кто в этом споре прав и сбудутся ли невеселые прогнозы Устименко, но думаю, что одно очевидно: успокаиваться и почивать на призрачных лаврах нельзя никому. Даже тем, кто вроде бы уже имеет полное моральное право это сделать. Кстати, насчет лавров. Нет более далекого от суетного тщеславия человека, чем Алексей Петрович. Он крайне редко радуется своим появлением на поэтических вечерах и прочих публичных литературных мероприятиях, потому что считает, что это всё суета, отвлекающая от главного – от творчества – и портящая пишущих людей. Это тоже спорная точка зрения, но нельзя не согласиться с тем, что во многом Устименко прав. Зачастую временный успех у нашей невзыскательной и не избалованной настоящей литературой публики может привести к сильной аберрации и утрате чувства реальности. Ведь что греха таить, все пишущие люди в той или иной степени тщеславны: нас тешат похвалы, аплодисменты, просьбы дать автограф или вместе сфотографироваться на память. Мы начинаем, что называется, «плыть» и можем порой уплыть очень далеко от берега реальности. Поэтому регулярный отрезвляющий холодный душ не просто полезен – он необходим.

Завершая свои юбилейные, а может, и не очень юбилейные заметки, я бы хотел сказать, что для меня Алексей Петрович Устименко – это не просто человек, научивший меня понимать литературу и правильно к ней относиться, но и пример настоящего русского интеллигента в самом лучшем смысле слова, пример человека, для которого литературная честь, базовые нравственные принципы – не пустой звук, не поза, не предмет для рефлексии, а стиль жизни, внутренняя суть. Таким людям живется непросто, но именно они – наша надежда, даже если их взгляд на будущее несколько пессимистичен.

В завершение хочу пожелать «неудобному» юбиляру крепкого здоровья, творческого долголетия, вдохновения и новых замечательных произведений! Хочется пожелать, чтобы главные книги Алексея Петровича были еще впереди, чтобы не иссякала в нем та самая «энергия заблуждения», о которой так хорошо писал его любимый, еще не весь прочитанный Толстой, и без которой невозможно никакое творчество.

Бах АХМЕДОВ

Секция русской литературы при СП Узбекистана, редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» искренне присоединяются к поздравлениям и пожеланиям автора статьи.

Не уставать Вам, Мастер!

Солнечное затмение

ДАМИР ХУДАЙБЕРДИЕВ

Зурбаган

Здесь всё не так, всё по-другому, здесь я и сам уже другой,
Я предан воздуху морскому за то, что подарил покой.
Здесь даже в шторм душа спокойна, а ведь была совсем больна,
Из-за болезни недовольна, и потому не знала сна.

Люблю бродить вдоль кромки моря, люблю смотреть на корабли,
Что не боятся волн и спорят с любой из них, черт подери.
Люблю идти навстречу ветру, любому из семи ветров,
И принимать его на веру, и понимать его без слов.

В один из дней из жизни этой, чудаковатой и простой,
Вдруг встретил Вас у парапета, где я обычно – постовой.
Мольберт треножный, стульчик здесь же, палитра, кисти... Кисть руки
Пейзаж малюет – чаек тех же, что на помин всегда легки.

Чем приглянулись Вы, бог знает, хотя и можно объяснить:
Мы все чувствительные в мае, когда вокруг всё жаждет жить.
Фигурка в шляпке, в платье белом... С кем Вы ведете разговор?
Ах, вот что... резко, оголтело хвостом виляет лабрадор.

Невольно слышу: «Тихо, Бетти, тебе придется подождать,
Ты не одна на этом свете, дай мне пейзаж дорисовать».
Однако хочется знакомства. Как подойти бы невзначай?
Не ждал от псины вероломства – такой поднять ревнивый лай!..

Смушен, смешон, немая сцена, чем и привлек Ваш интерес,
Как в Лафайете* манекены... Но это тоже ведь прогресс!
Сказать бы что-нибудь, хоть слово... или бежать через дворы...
Вдруг слышу голос Ваш медовый: «Друзья зовут меня... Мари».

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Родился в 1976 г. в Бухаре. Врач-офтальмолог, неоднократно публиковался в периодической печати Узбекистана.

Минувшие дни

Дни миновали... Год уж скоро,
Ваш образ меркнет... он померк,
Как и само пятно позора...
Великодушный человек –

Мой муж простил мне все, что было:
Измену, резкость едких слов,
И что я «ценности» забыла,
В пылу уверовав в любовь.

Страсть в большей степени животна,
Когда спадает пелена
И взгляд становится свободным –
Природа видится сполна.

С тех самых пор во мне нет страсти:
Благоразумна и мудра,
Не восприимчива к напасти
И ко всему, чем та щедра.

Не верю в искренность эмоций –
Все от лукавого, все вздор!
С ничтожных любопытных порций
В семью вторгается раздор.

Огонь очистил мою память,
И ваших писем больше нет,
Всего, что может меня ранить,
И нанести какой-то вред.

Из сердца вынув гвоздь ли, спицу,
Из мира тусклых грустных свеч
Я возвращаюсь в свет, в столицу...
И не ищите со мной встреч!

Отверженный

Не знал, как это происходит:
Земля уходит из-под ног,
Я вижу руку, Вашу вроде,
Но я узнать ее не смог!

Как Вы могли стать так жестоки,
Что с Вами вдруг произошло?
Читаю вслух, не веря, строки,
Что мне написаны назло.

Все, что описано, Вам чуждо,
Нет, так не может просто быть!
Живое заживо неужто
Вам удалось похоронить?

В кого Вас бремя превратило,
К чему Вас время привело,
А сердце? Как оно любило...
И охладеть как вдруг смогло?!

Тревожно, тесно стало, душно,
Ищу открытого окна,
Не понимаю, что Вам нужно...
Или Вам смерть моя нужна?

Так я и вправду нынче болен,
Того гляди, что задохнусь,
Кто изначально подневолен,
Того однажды сгубит груз.

Искать Вас буду денно, ношно,
Однажды встречу, не смогу
Жить так отвергнутым заочно...
Не пожелаю и врагу.

Цикады

Жизнь не торопится, однако...
Не все проходит, вот и сам
С тех самых пор живу двояко –
Здесь и сейчас и где-то там.

Порой задумчив, отрешенно
Витаю больше в пустоте,
Или спиваюсь обреченно,
Чтобы потом спать в варьете!

Где Вы теперь? Что с Вами стало?
Ни строчки больше, ни письма...
Анализирую устало
Дела мудрёные весьма...

Давно минувшие, недавно...
А было ль это вообще?
Пожалуй, стало бы забавно
Признать болезненность в душе.

Смешно! И грустно... тусклость свечки,
Уныло освещает ночь,
Рифмую пошлые словечки,
Не в силах нынче гнать их прочь.

Как и проклятье душевной ночи,
Все о никчемном, о пустом,
Трешат – уж слышать нет их мочи –
Цикады – чтоб их!.. – за окном.

Слеза

Как ты некстати, дождь... некстати,
Не оторваться от окна,
Не провоцируй, бога ради,
Когда я в комнате одна.

В минуту слабости покорно
Иду у чувств на поводу,
И ностальгические волны
Меня толкают за черту

Благодарумия... В забытом
Среди мятущихся теней
Ищу пристанище обидам
Во всех углах, что потемней.

Открыта образам минувшим,
И по наитию дождя
Все погружаюсь в память глубже,
Не контролируя себя.

На миг забылась... Чувство влаги...
Слеза пустилась в долгий путь,
Как эти строки на бумаге,
Чтоб в сердце грусть свою вдохнуть.

Зовут. Сдержаться нету силы,
Дождь не снаружи, дождь – внутри,
«Ты снова плачешь?» – «Нет, мой милый...»
Все понял: звук шагов к двери.

* Лафайет – Galeries Lafayette, французская сеть универмагов, основанная в 1893 году.

ЖИЗНЬ НА ПОМОЙКЕ

Рассказ

МАРАТ БАЙЗАКОВ

Старый бульдог выгуливал своего хозяина. Так, по крайней мере, это выглядело. Собака рывками тянула за собой пальто: чёрное, мохнатое, похожее на тучу. В туче ёжился человек. Поводок в руке задрожал, натянулся, конец исчез в темноте.

– Куда ж тебя несёт, шавка? – шипел он в шарф.

Густые брови мужчины сливались с ушанкой, шарф из толстой пряжи шекотал нос, а меж ними, как из амбразуры, блестели глаза.

Сам Мухитдин ни за что бы не вышел в этот зубастый мороз. Это жена его, Яшерь Артыковна, надоумила.

– И мусор захвати, – донёсся из кухни ее скрипучий голос, когда муж уже натягивал сапоги.

Звали супругу, разумеется, не Яшерь, а Ясира, редкое арабское имя, но Мухитдин был уверен, что женился он именно на рептилии.

«Жизнь как-то вкривь и вкось подалась, – думал он, медленно шаркая в темноте, и заходилась в кашле. – Сын не уважает, ему бы только денег, да побольше. Жена вечно пилит, и чего этой яшерке не хватает? Да и на работе всё паршиво: зарплату урезали, начальство вовсе не замечает моего усердия, а ведь я на целых полчаса раньше положенного прихожу и ухожу позже всех. А ещё эта вот...»

Он дёрнул за конец длиннющего поводка, собака выпрыгнула из тени, поскулила и вновь исчезла во мгле.

«Чисти за ним, выгуливай... Не жизнь это, а сплошная помойка», – заключил мужчина, приближаясь к мусорке.

Мухитдину вдруг стало невыносимо жалко себя. Груз мыслей давил его, загоняя всё глубже в сугроб, и лишь собака резвилась и дёргала тучное тело в разные стороны.

На мусорке, по пояс утонув в контейнере, копошился бомж. Ничего особенного, бомж как бомж, все они одинаковы – смрадные, пьяные, в лохмотьях. Откуда они только деньги на спиртное берут?

Мухитдин стоял, с отвращением разглядывая торчащие из бака лохмотья, и ждал. Не бросать же мусор прямо на человека?

Марат БАЙЗАКОВ. Родился в 1979 г. Учился в Германии, в США, инженер в нефтегазовой компании. Неоднократно публиковался в периодической печати Узбекистана.

– О! – вдруг донёлся возглас из мусорного бака. – Абра, кадабра, швабра! Из глубины контейнера бомж выудил баклажку, потряс, на дне что-то булькнуло. Он открыл крышку и залпом выпил содержимое. Тут же смачно рыгнул и нырнул обратно в бак.

«Эта дурацкая фраза с западающим «р» и этот картавый голос... откуда они мне знакомы?» – Мухитдин замер в раздумье. Собака нетерпеливо кружила вокруг хозяина, запутывая его в поводке. Но Мухитдин этого не замечал, воспоминания унесли его в далёкое детство, в школьные годы.

– Фархад! – наконец прошептал Мухитдин. – Фархаад, это ты?

Из амбразуры показались глаза, воспалённые, обезумевшие, закопченный лоб со слипшимися на нём сальными волосами и борода в завитках.

Тот самый Фархад, который отбирал у него деньги на переменах. Тот самый, который обещал показать фокус, а сам со словами «абра, кадабра, швабра» стянул с него штаны на физкультуре прямо перед всем классом. Девочки до сих пор припоминают ему красные цветочки на его трусах, хотя это были вовсе не цветочки, а кружки, и не красные, а синие.

– Ты кто? – просипел бомж.

Мухитдин испуганно закачал ушанкой:

– Никто.

Бомж сплюнул и вновь ушёл головой в мусорный бак. На лице Мухитдина мелькнула улыбка, звериная, невесёлая. Прижавшись к холодному столбу, он наблюдал за Фархадом. По щеке прокатилась слезинка, может, от мороза, может, из-за жгучей вони, висевшей в воздухе.

«Вот оно, возмездие! – думал Мухитдин. – Вот она, судьба-то!»

Он более не чувствовал холода, не замечал вони. Медленно приблизившись к Фархаду, осторожно дотронулся до его лохмотьев.

– Тебе чего? – Фархад вынырнул из бака. Он жевал какой-то огрызок – то ли яблока, то ли огурца.

Мухитдина затошнило. Уронив пакет с мусором, он развернулся и пошел прочь. Бомж выплюнул огрызок и побежал за ним. Заметив приближающегося Фархада, Мухитдин шарахнулся:

– Что вам надо? – голос у него дрожал. Он глядел Фархаду в глаза, и давно забытый школьный страх возвращался к нему. Пряча лицо, он всё глубже кутался в пальто.

– Милейший, – прохрипел бомж, – милейший, вы меня простите...

Приложив руку к сердцу, он фальшиво улыбнулся, обнажая редкие зубы:

– У вас, случайно, полтинника на хлеб не будет?

Мухитдин успокоился, пришёл в себя и вдруг расплылся в улыбке. Улыбаясь, он будто сам превращался в бульдога: на светящемся лбу прорезались борозды, щеки собирались в гармошку и обвисали, как брыли собаки. Он покопался в карманах, нашёл мелочь и, протягивая, уронил деньги на землю. Бомж, упав на четвереньки, принялся расчищать руками снег в поисках монет.

«Значит, на помойке оказался, фокусник хренов! – усмехался про себя Мухитдин, глядя, как у ног ползает его обидчик. – Так тебе и надо, швабра!»

Он и сам не заметил, как выкрикнул вслух последнее слово. Бомж замер, поднял на Мухитдина голову. Под тусклым освещением казалось, что мужчина выгуливает двух собак, только почему-то одна на поводке, а другая послушно сидит у его ног, ждёт команды. Мухитдин опомнился и поспешил прочь.

«Ни семьи у тебя, ни дома? А у меня вот трёхкомнатная, со сдвоенным залом, с балконом два на три. Правда сантехника старая, ну да ладно, зато работает исправно, не течёт».

Он нервно хихикал, размахивал руками и что-то доказывал невидимому собеседнику. Ему было жарко. Он скинул шарф, ушанку, распахнул воротник.

– Эй, Фархад! – закричал вдруг Мухитдин, хотя мусорка давно осталась позади, – я там голубцы выбросил позавчерашние, прокисшие, покушай, тебе понравятся! Приятного аппетита!

Мухитдин расхохотался, раскатисто, зло, безудержно. Этот чужой лающий хохот испугал собаку, никогда не слышавшую от хозяина подобных звуков. Она уже не бегала как угорелая, шла рядом и с удивлением поглядывала на хозяина: он ли это?

«А сунуля-то мой за лето вон как вымахал, метр семьдесят пять. Летом, даст бог, устрою его в какой-нибудь универ и женю к чёртовой матери. И на работе меня все уважают, слышишь Фархад, уважают! А скоро я, может, даже главспецом стану, вакансия появилась, слышишь, главспецом!»

Редкие прохожие пугались и сторонились безумного человека с собакой.

Мухитдин стянул перчатки, сунул в карман и, на ходу лепя снежки, начал кидать их в сторону мусорного бака. Снежки бесшумно исчезали в темноте. Наконец, выбившись из сил, он грохнулся на снег. Летящие снежинки таяли прямо в воздухе от исходящего от него пара.

– Интересно, а что моя Ясирочка нам на ужин приготовила, а, Плюшка, как думаешь? – он присел и глянул на собаку. – Ну что ты уставилась на меня, дура, хозяина не узнаёшь? А ну-ка, давай до дома наперегонки, давай, давай, лентяйка!

И они бежали, с криками, лаем, падая и хохоча, бежали домой, в трёхкомнатную квартиру со старой сантехникой...

Мой странный мир

СВЕТЛАНА ЯРЦЕВА

Царевна

Вверху болтается корка месяца,
 Проходят дни, нарастает лёд.
 Царевна плачет и тихо крестится,
 На жёлтый глядя луноворот.
 Она мила и глазами ясная,
 И рыжим блеском горит коса.
 Царевна крошит листочки ясеня,
 Крапивы корень и цвет овса.
 По синей чаше туманы маются,
 Свивают кольца, как десять змей.
 Царевна помнит: хворь укрепляется,
 Толчёт смесь в ступке до волдырей,
 Кидает в воду не лист, не ягоду,
 А золотую живую пыль.
 Проклятый ветер на поле маковом
 Цветы срывает и мнёт ковыль.
 Вода разлита, слова не брошены.
 Луны монета глядит из туч.
 Волчица в поле скулит о прошлом,
 С полоской рыжею по хребту.

Светлана ЯРЦЕВА. Родилась в 1986 г. в Ташкенте. Окончила УзГУМЯ. Автор поэтического сборника «Осколки». Финалист всероссийской литературной премии «Наследие» 2016 года.

Корабли

Корабли возвращаются в порт с бесконечного плавания.
 Им сорваться бы в небо, но верность свободы честней.
 Отражаются бликами звёзд поднебесные гавани,
 Тросы тянутся переплетением грёз и теней.
 В лазуритовой бухте огни раскидались созвездьями,
 И несётся по кругу, танцуя, шальной зодиак.
 Ты встречай меня на берегу несказанными песнями
 И с венком из простых васильков в вознесённых руках.
 Мне жемчужные арки отнюдь не милей стали паруса,
 Что играет в космическом ветре, безумно звеня.
 Больше звука, чтоб небо в душе не кричало, а каялось!
 Чтоб в глазах не взрывались два солнца, дай больше огня!
 Мне б кружиться по этой галактике в сказочной вечности,
 Собирая в котомку осколки разбитых планет.

Корабли возвращаются в порт все в разрывах и трещинах,
 Возвращаются в порт, где давно никого больше нет.

Если выпадет снег

Если выпадет снег, может, всё, наконец-то, случится.
 В белом вихре утонут до дымных труб города.
 Хрупкий мальчик из сизого льда напрягает ключицы,
 И из глаз его брызжет капелью живая вода.
 А из капель взлетают под колкое крошево птицы,
 И несутся навстречу и чаще вослед поезда.
 Оказалось, так просто пропасть в этом снеге, влюбиться
 И расставить весь мир по абсурдно неточным местам.

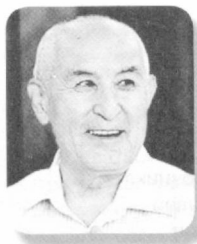
Если выпадет снег, станут мягкими голые ветки,
 В отражении луж застеклённых зажгутся огни.
 Он засыплет сто грамм злого прошлого сахарной пудрой,
 И укутает ватною пеной холодный гранит.
 По подтаявшим серым ручьям проплывут, ставя метки
 На значительных днях, пенопластовые корабли.
 Дай почувствовать, если желанное станет заветным,
 Если выпадет снег и сумеет меня изменить.

Ромашки

Под самыми рёбрами, вдоль позвоночника
Прозрачную нежностью, тонкой канвой
Белеют ромашки, живыми листочками
Окутав заботливо мир странный мой.
Хоть вновь не найти долгожданного берега,
Где б мне отогреться морозной зимой,
Но сотни побегов, соцветий немерено
Внутри разливаются яркой волной.

Прикладывая к сердцу листы подорожника,
Лечи боль в запястьях вишнёвым вином.
Пока это поле ромашек не скошено,
Есть доля надежды дышать перед сном.
Склоняются к ночи все звёзды хрустальные,
Сгущается мрак за усталым окном.
В придуманном мире мы все нереальные
И где-то чуть-чуть нездоровы умом,

И в чём-то надеемся на полудетскую,
Безумную сказку среди января.
Колющие крошки засыпят окрестности,
Ртуть медленно движется вниз от нуля,
Огонь прогорел, светофоры погашены,
Полуночной тьмою оделась земля...
Под рёбрами душу укрыло ромашками
До нового света и лучшего дня.

МУХАММАД АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

Роман-эпопея

Книга четвертая

ШАХРУХ МИРЗА

Глава первая

I

В конце XIV века произошли события, изменившие карту мира. В канун 1400 года Индия была завоевана Тураном. Хотя Амиру Темуру больше хотелось продвинуться на восток, в сторону Китая, но знатные беки упростили Сахибкирана пойти войной на Индию. Впоследствии историки будут связывать затянувшийся на целый год индийский поход с ослаблением исламской религии в том государстве.

В 1389 году в Европе в битве на Косовом поле тридцатитысячное османское войско разгромило объединённую армию сербов и боснийцев. Слух о жестоком сражении разнесся по всему свету. В том сражении сербский князь Лазарь погиб. Вместо убиенного османского императора Мурада Худовандигара на османский трон был возведен его сын Баязид. За силу, стать, впечатляющую внешность, а главное – за энергичность двадцатидевятилетнего Баязида прозвали «молниеносный».

Между его отцом, бесстрашным Мурадом, удостоенным звания султана, и византийским императором Иоанном V были дружеские отношения. Дружба омрачалась тем, что легкомысленный император был печально известен как ненасытный чревоугодник, сластолюбец, искавший утешений в объятиях соблазнительных танцовщиц. Дело дошло до того, что, позабыв всякий стыд, он увёл у своего любимого сына Мануила его прекрасную невесту – принцессу из провинции Трабзон... Окружающие полагали, что Иоанн V недостоин возглавлять империю и приведёт Византию к неминуемой гибели.

При дворах Румского султана и императора Иоанна V в то время произошли важные события: Санджи – сын Мурада – со старшим сыном Иоанна V Андроником, недовольным тем, что, отстранив его, старшего, наследником престола отец назначил его младшего брата Мануила, вступили в тайный сговор. Задумавши занять престолы своих отцов, они замыслили смуту и мятеж. Когда их тайные планы были раскрыты, султан Мурад ослепил своего сына, посоветовав Иоанну V последовать его примеру. Совету его Иоанн последовал, но Андроник, глазам которого было нанесено увечье, спасся, бежав из тюрьмы.

Ещё во времена султана Мурада в Малой Азии были завоёваны бейлики (владения) Анкара, Македония и болгарский город Флиппополь. Тогда же сын Мурада

Мухаммад Али. Народный писатель Узбекистана. Родился в 1942 г. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений. Лауреат Государственной премии.

Баязид Молниеносный, завоевав тогдашнюю столицу Болгарии Тырново и самый большой город Видин, подчинил себе всю Болгарию и обратил свой взор на процветающие страны Центральной Европы.

Могущественные европейские государства, конечно же, не могли оставаться безучастными. Английский король Генрих IV Ланкастер, французский король Карл IV де Валуа, король Кастилии Энрико III де Трастамара, Папа Римский Бонифаций IX, венгерский король Сигизмунд I, дожи Венецианской и Генуэзской республик, обменявшись посольствами, приступили к обсуждению сложившейся ситуации.

На берегах Рейна, Темзы в Туманном Альбионе, вдоль парижских улиц и венецианских площадей, в садах Генуи – словом, во всей Европе царил ужас, отовсюду были слышны возгласы:

- О Боже, несчастье на нашу голову!
- На нас сыплются Божьи проклятия!
- Янычары Баязида Молниеносного наступают!
- Спасения нет, пощады нет!
- О, сгорит теперь наша земля дотла!

Но как-то, казалось, не долетали эти вопли и стоны до небес...

Тем временем король Англии Эдуард III, заявив, что является наследником французского короля Филиппа IV и претендует на французский престол, начал войну против Франции. В 1337 году он выступил в поход с целью завоевать Гийен, Нормандию, Анже и Фландрию. Война за эти провинции длилась целых шестьдесят лет. Но нахлынувшая на Европу беда заставила воюющие стороны под влиянием внешних обстоятельств забыть внутренние противоречия, которые довели до военного конфликта, получившего позднее в истории название «Столетняя война».

Соперники понимали, что плывут на одном корабле...

Особенно большая опасность нависла над королем Венгрии Сигизмундом I. Ведь после того как Баязид Молниеносный покорил Болгарию и Сербию, на его пути оказалась Венгрия. Сигизмунд I разослал послания всем королям европейских стран, где постарался обосновать неотвратимость угрозы и опасность испытаний для всех стран. Он сумел добиться желаемого, ловко обратив новую войну в девятый крестовый поход.

Итак, в конце XI века н. э. начались походы на Ближний Восток, направленные против мусульманских стран. Походы были организованы влиятельными аристократами и знатью католической церкви Западной Европы. Одежду участников украшал вышитый крест как знак христианской веры, поэтому такие походы получили название «крестовые». Целью и лозунгом их было освобождение святой земли Палестины от иноверцев. В армию крестоносцев, помимо венгров, входили самые знаменитые рыцари Европы: французы, англичане, немцы, чехи, валахы...

Кровопролитное сражение произошло в 1396 году неподалеку от болгарского города Никополь. В нем принимали участие французские рыцари-крестоносцы под началом сына герцога Бургундии, отважного маршала Невера. Их конные отряды, вклинившись в центр вражеского войска, дошли вплоть до лагеря Баязида Молниеносного. Но, получив отпор, не смогли противостоять янычарам султана. Неожданная жестокость отпора породила растерянность: венгерские и валахские отряды крестоносцев враспыленную разбежались. Что же до немцев, то сербы, состоявшие на службе у султана, разбили их в пух и прах.

Сигизмунд I, возглавлявший рыцарское войско, бежал вниз по реке Дунай на личном судне, то и дело оглядываясь, дабы убедиться, что враг не преследует его по пятам. Десять тысяч воинов попали в турецкий плен и были казнены. И только маршалу Неверу и двадцати четырем отважным рыцарям за большой выкуп была сохранена жизнь.

Увидев воочию бежавших из плена покалеченных рыцарей с покореженными мечами, европейцы, не верившие в поражение крестоносцев, убедились, что над ними нависла серьезная угроза и пала на них кара Божья. Утопавшие в роскоши, наслаждениях и удовольствиях королевские дворы Византии, Англии, Франции, Кастилии, Германии, Венгрии охватила тревога...

В ту пору люди ещё не подозревали о существовании американского континента, полагая, что мир состоит лишь из трех частей света: Азия, Европа, Африка. Про последний знали, что на его северном побережье расположены Египет, Ливан, Алжир и Марокко, ничего не ведая ни о западном, ни о восточном, ни тем более о южном побережьях Африки.

Тем временем хан Тохтамыш, ещё недавно сотрясавший мир и наводивший ужас на своих врагов, создавший могучий салтанат протяженностью от Сырдарьи до самого Днестра, от Сигнака, находящегося на востоке Дашти Кипчака, до Киева, лишившись после ожесточённых боёв на берегах Терека всего, что имел, чтоб спастись, бежал к великому литовскому князю Витаутасу. После того как хан Темур Кутлуг-оглан, не помня о благодарности, примкнул к оппозиции и через три года правления покинул сей мир, в стране наступила смута, люди перестали нуждаться в мудрых словах и советах.

Османский султан Баязид в силу импульсивности своего характера в полном соответствии своему имени (Молниеносный) затеял целую серию внезапных набегов и в скором времени добился значительного расширения своей империи, подчинив такие крупные бейлики Малой Азии, как Гермиан, Хамит, Сарухан, Айдын, Ментеше и Караман. До того был завоёван бейлик Карасы с крупным городом Балыкесир. С одной стороны этот город омывало Мраморное море, с другой – Эгейское. Эти перемены изменили карты стран, границы империи теперь достигли восточного окоема пролива Дарданеллы, что дало османам возможность беспрепятственного проникновения в Европу. На юге территория державы простиралась вплоть до побережья Средиземного моря.

Византийский император Мануил II Палеолог прикладывал все усилия, чтобы сохранить историческую опору христиан город Константинополь, опасаясь быстрорастущего влияния осман.

В 1399 году Бусико, возглавивший флот из восемнадцати кораблей, в сопровождении двух тысяч рыцарей из Франции, прибыл к нему на помощь. Однако это было уже бесполезно и скорее похоже на победоносно-крикливую экспозицию солдат посреди уже опустевшей площади после стихшей битвы или на бойца, важно надувающего щеки и отважно машущего кулаками... в воздухе. Как и следовало ожидать, ничего толкового из этого не вышло.

Быстро осознав плачевность ситуации, в которой он оказался, император Мануил II Палеолог на кораблях Бусико отбыл в Европу. Он посещает Венецию, Милан, Флоренцию и везде всех старается убедить, в важности необходимых для нового крестового похода средств. Помощи в сборе средств он просил у самого Папы Римского.

Во Франции также раздавались горестные вопли:

– О, на нашу голову пало Божье проклятье!

– Ох, нет нам пощады! Ох, спасения нет!

– Боже, спаси нас, сохрани нас!

Навстречу императору Мануилу вышел сам король Карл VI с канцлером, членами парламента, религиозными деятелями и знатными парижанами. С большим почётом они препроводили его в резиденцию, приготовленную в Лувре.

Через три месяца император Византии покинул Францию и направился в Англию. Следующей для посещения планировалась Кастилия. Мануил II Палеолог повсюду рассказывал о том, насколько серьезная угроза нависла над Европой. Он

изо всех сил старался убедить могущественные европейские государства в важности объединения, в необходимости сплочения против сильнейшего врага. Но... практически везде ему приходилось выслушивать только пустые обещания.

И хотя он чувствовал их пустоту, но от безысходности своего положения утешал себя, следуя мудрому изречению: «Только того, кто стремится к цели, ожидает успех», и продолжал свое путешествие, надеясь на успех.

А тут неожиданно скончался могущественный Баркук – султан Египта и Сирии, начались бунты и разногласия между беками. Десятилетний сын могущественного Баркука Фараж, занявший трон после отца, будучи совсем ребёнком, не в состоянии был управлять судьбами государства, не имел должного понятия о том, как руководить страной. А зная, подозревая друг друга в кознях, стала интриговать, затеяла мятеж, ударив в барабаны войны. Нить жизни многих именитых амиров оборвалась в то смутное время. А государство погрязло в раздорах.

Задолго до этого, еще в предшествующее десятилетие, Сахибкиран послал туда посла, призывая Тахуртанбека – правителя города Арзинджана, что на юге османской империи, – признать его салтанат. Дальновидный Тахуртанбек оказал большое уважение послу Амира Темура и встал на путь повиновения. Он согласился со всеми выставленными ему условиями и послал Сахибкирану множество дорогих подарков.

Во время пятилетнего похода на подходе к крепости Ховник Амир Темура пригласил Тахуртанбека в свою ставку. Согласно обычаю каждый входящий в шатер Сахибкирана склонял голову со словами: «Признаю я закон повиновения. Отныне не правитель я, а обыкновенный подданный. Приказывайте!» Этими словами, оказавшись в этом судьбоносном месте, они как бы отрекались от своего высокого положения и должностей. Сахибкиран постарался выразить Тахуртанбеку все свое уважение и поддержку, даровав ему право государственной печати и поручив управление крепостью Трабзон. Вдобавок он областкал Тахуртанбека дорогими подарками и шахскими нарядами, довольный тем, что на границе между империей Баязида Молниеносного и Трабзоном появилась у него теперь «своя рука». Что же касается Кавказа, то там он полагался на Шейха Ибрагима, правившего Дербентом и неизменно доказывающего Сахибкирану свою преданность.

Стало известно, что в китайском вилойте падишах Тунгусхан¹, учинивший гонения на ислам и казнивший несколько тысяч мусульман, Божьей волею навек закрыл свои глаза. Но плохо было то, что новый падишах оказался ещё более жестоким.

В Могулистане после кончины Хизра Ходжахона – тестя Сахибкирана – четверо его сыновей – Шахи Джахан-оглан, Мухаммад-оглан, Шер Али-оглан и Шах Джахан, вместо того чтобы объединиться, вняв советам недругов, затеяли между собой борьбу за трон, стали точить друг на друга мечи.

Удивительно то, что, казалось бы, людям всегда было известно, чем кончаются такие распри, но тем не менее они все равно не могут остановиться.

Мир трещал и сотрясался...

События показывали, насколько хрупким был этот мир...

II

Вот уже несколько дней в столице Туранского салтаната, в раеподобном городе Самарканде, неподалёку от южных ворот Оханин², напротив медресе Бибиханум и хонако³ Туман-оки, не стихает гвалт и суета. Человек, наблюдавший за всем происходящим, мог бы подумать, что на площади в этот шумный час собрался весь город.

– Эй, выбирай песок!

– Чтобы дно ямы было чистым-пречистым!

¹ Имеется в виду представитель династии Мин Чжу Юан-чжан (1368–1398).

² Оханин – железный (перс).

³ Хонако – молебеня.

– Слышишь, раззява, спускай же верёвку!
 – Ведро тяти, ведро!
 – Говорю, глубже копай, глубже!
 – Посторонись, говорю! Ты же арбе мешаешь проехать, не видишь, что ли?
 Уйди с дороги! Задавит ведь! Разнесет тебя на кусочки!!!

Никто здесь не удивлялся этим возгласам.

Наполненный голосами большой котлован под строительство мечети похож на настоящий муравейник. Добрая тысяча человек копошится внутри. Удивительно, что они, подобно муравьям, снующим туда-сюда, на столь небольшом пространстве умудрялись не мешать друг другу, работали сосредоточенно и старательно.

Во всем ощущаются какое-то беспокойство, ожидание... Ну да, как всегда, в соответствии со своей привычкой скоро здесь появится сам Сахибкиран. Он придет со стороны медресе Бибиханум, что рядом с молельней, и будет наблюдать, как продвигается строительство соборной мечети.

Все сосредоточенно смотрели в сторону медресе Бибиханум.

Амир Темура – султан всего Турана – шел неторопливо, осторожно постукивая шахским посохом, будто опасаясь повредить под собою землю. Наброшенный на плечи белый халат без подкладки спускался до шелковых шаровар. Людские взоры привлекал к себе ярко сверкавший в лучах солнца индийский рубин, прикрепленный к светлой короне на его голове. Позади шла свита: духовный наставник Мир Саййид Барака, Амир Шахмалик, Шейх Нуридин, Шейх-уль-ислам Ходжа Абдумалик Самарканди, Мухаммад Джалд, амирзаде, визири, знать салтаната.

Во время похода на Индию Сахибкиран побывал в индийских храмах, отличавшихся своим великолепием и совершенством. В Дели в пятничной мечети Кувват уль ислам¹ во время молитвы ему в голову пришло: «Воздвигну-ка я столь же великолепную мечеть в раеподобном Самарканде. Мечеть такую высокую, как стена Искандера; чтобы была она величественна, как Куббаи Хараман, и больше, чем арка Хисрави Нуширвана».

На следующий же день, ещё не отдохнув с дороги, он повелел собрать двести мастеров, среди которых были архитекторы, камнетесы, резчики по дереву, мастера росписи по ганчу, штукатуры. Не поддаваясь на уговоры Сараймулькханум, которая предлагала ему хоть немного отдохнуть после похода, он повелел всем мастерам собраться на площади близ молельни Туман-оки.

Амир Темура напомнил, что сказано в Коране: «Мечети Божьи посещают только те, которые веруют в Бога и в последний день, совершают молитвы, дают очистительную милостыню, боятся одного Бога...»² А если построит кто-то мечеть на пути к Аллаху, даже маленькую, с утиное гнездышко, Аллах приготовит ему место в раю. Так говорил сам великий Пророк. Но ведь нет ещё пока в нашем городе такой мечети, где могли бы собраться мусульмане, чтоб вместе помолиться. Да и не только самаркандцы, но и из близлежащих мест салтаната, из городков, окружающих Самарканд, находящийся в центре, будто узор на амулете: Миср, Дамаск, Багдад, Шираз, Султания... А также уважаемые люди из кишлаков Хартанг, Каратепа, Кумушкент, Совгончи, Кундузак, Ходжа Гунжора и других.

Сахибкиран еще долго говорил. Как и всегда, когда речь заходила о здании, дворцах, мостах, садах или же, как в этом случае, – о медресе, голос его становился взволнованным. Его слова вдохновляли строителей, а ведь это так важно, тем более в самом начале строительства. Он описывал все так подробно, будто строительство было уже давным-давно закончено. Сооружение в деталях буквально вырастало перед глазами.

¹ Кувват уль ислам (араб.) – могущество ислама.

² Коран. Сура «Покаяние». 18 стих.

Глава вторая

I

Хвала Аллаху, вот уже тридцать лет, как в Туранском салтанате не слышен свист летящих стрел, воинственные крики, на площадях не мечутся лошади, поднимая копытами пыль. Где-то на этой земле, наверное, разносятся боевые кличи, но на его родине в Туране идет, не прекращаясь, мирное строительство. А ведь это именно то, о чем Сахибкиран всегда просил Аллаха.

За последние два года в городе Яссы над могилой Шейха Ахмада Яссави воздвигнут прекрасный мавзолей. В городе Кеш в роскошном Аксарая¹ не прекращаются строительные работы. Везде он проехался и осмотрел все новые постройки, когда возвращался на родину. Долго беседовал с Уста Хорезми... Да, в этом мире трудно найти что-то похожее на Аксарай. Настолько неповторимым становится дворец, что его уже трудно описать. Можно только любоваться им, воздавая хвалу, и возносить молитвы за то, что руки у раба Божия воистину искусные, золотые.

И как только заходит речь о строительстве, Амир Темур тут же воодушевляется, особенно, если увидит где-то поблизости воду. Он тут же отдает приказ разбить в этом месте сад или построить крепость. Три года назад, возвращаясь через Кеш с войны в Иране, войско остановилось для короткой передышки в местечке Тахти Корача. Вдруг, оглядевшись, он увидел родник, из которого била сильная струя, способная вертеть даже колеса мельницы. Однако вокруг были лишь чахлые растения да скалы. А ведь в стране ни одной капельки воды не должно пропадать, как и ни одной пяди орошаемой земли. В ту же минуту Сахибкиран поручил Амиру Сайфиддину разбить в этом месте сад! А сегодня уже народ говорит про замечательный сад Тахти Корача, расположенный в предгорьях, и про великолепную крепость, построенную в том саду. Да, о них знает уже вся страна...

Когда начинался поход в Индию, Сахибкиран поручил Амиру Сулайманшаху оградить крепость Нагар, что стояла на вершине Гиндукуша, и благоустроить ее. Возвращаясь, он все осмотрел и остался недоволен работой.

– Так, крепость вы оградили. Это хорошо. Но почему же родник, что совсем рядом бьет из-под земли, остался снаружи? – нахмурил брови Сахибкиран. – И вот! Столько воды бьет из-под земли зря. А если что, так никто из крепости не сможет ею воспользоваться!

Обычно строительные работы никогда не начинаются до тех пор, пока я сам не увижу план. Но когда строили крепость Нагар, у меня не было такой возможности – и вот результат!

Амир Сулайманшах был похож на ребёнка, которого отругали за ошибку.

Очень соскучившись по детям и по женам, Сахибкиран стремился поскорее вернуться на родину. Он подстегивал своего коня. К тому же начала мучить старая болезнь: ныли руки и ноги. Из-за этого он даже в седле не мог держаться, пришлось пересесть в паланкин. И все же, несмотря на все это, он решил остановиться в Нагаре.

– Расширить крепость, чтобы родник оказался внутри, – приказал он. – Чтобы здешний народ мог свободно пользоваться водой!

Сахибкиран наблюдал за работой, сидя на возвышенности.

Людей охватило такое воодушевление, что и сам Амир Темур ошушал, как наливались силою его мышцы. И, если бы не болело так сильно его тело, давным-давно примкнул бы к строителям.

За какие-то три дня каменный забор крепости был перенесен, чистые воды родника превратились в арки на территории крепости.

¹ Аксарай – Белый дворец

Население крепости дивилось справедливости Сахибкирана и превозносило его в молитвах.

А что в Хорасане? Сказано было рыть арыки и речки, искать подземные воды вокруг Кабула, на берегах Мургаба, в Муганских степях Азербайджана. В Герате поручено было создать дворец Боги Шахр для Шахруха Мирзы. Недавно на востоке Самарканда, около Конигила, распахнулись разукрашенные цветами, резные, из ценного дерева врата Боги Дилкушо¹, созданного в честь младшей жены Тукалханум. А вот теперь началось возведение Самаркандской соборной мечети...

«Торопиться надо! Торопиться! Время летит! Жизнь проходит! – подумал грустно Сахибкиран, и сердце его вдруг замерло. – Ты уже достиг возраста Пророка. За что неизмерима благодарность Богу! Ведь жизнь, что дается человеку, – великий подарок Аллаха. Да, нужно торопиться, постараться воплотить все планы, устремления, заложенные в душу Творцом. Ведь Он дарует высокие устремления тому, кого считает достойным... Вот уже сколько лет планируешь поход на Китай. Шахзаде Мухаммада Султана отправил на границу Моголистана для того, чтобы он укрепил там крепость, вдоль границы построил здания, посеял сельскохозяйственные культуры, собрал зерно. Когда войско отправится в поход, будет и наукерам еда, и коням корм. Да, не зря всё-таки направил ты наследника в Ашпару. Во время похода он хорошо изучит дороги к Китаю. Это все пригодится, когда выступим в поход... Два года назад, как только люди прослышали, что шахзаде отправляют в далёкий поход, многие не могли скрыть своего удивления, не могли понять причины тому. Пошли разговоры, будто наследника отправили в ссылку за какой-то проступок. Наверное, не пожелал бы я плохого шахзаде, а для того послал, чтобы, когда в будущем падёт на его плечи тяжелая ноша – возглавить великое государство – он понимал, где белое, а где чёрное. И чтобы был у него свой взгляд на вещи, повзрослеет, сформируется... Вот этим я озабочен».

Сахибкиран, сам того не замечая, вдруг встал с места, считая, что бесцельно проводит свое время, сидя тут. Чего же он ждёт? Э-эх! Была бы возможность, приделать себе крылья и вознестись на тех крыльях высоко-высоко... Забросить все дела одним махом. И чтобы люди были счастливы. И захотелось ему увидеть в том полете землю благоустроенной, спокойной. Хоть и завоевал он полмира, был могущественным султаном, подчинившим себе не одного влиятельного самодержца и усмирившим непослушных правителей, но понимал, что это невозможно в еще далёком от совершенства мире. Стало ему так тоскливо, что захотелось убежать от самого себя.

Духовный наставник Мир Саййид Барака заметил, как Амир Темур привстал с места, вперив взор куда-то вдаль, и ощутил его беспокойство. В ту же минуту он понял, что Сахибкирану сейчас очень нужны его слова, необходимо быть с ним рядом. Почуввав это чутким сердцем, он тоже встал и быстро пошёл в сторону супы.

– Амир Сахибкиран! Обычай Бога таков, что возлюбленным рабам своим посылает он время от времени вести, дабы они не сомневались в важности возложенной на них миссии, – начал свою внезапную речь Пир муршид. – Помните ли вы историю про хазрата Пророка? Прежде чем явиться Джабраилу² к Пророку, Он посылал к нему ангелов-предвестников, давая ему таким образом душевную силу.

Сахибкиран ещё раз убедился в быстрой реакции Мира Саййида Бараки, в том, какой он внимательный и мудрый. Как же он почувствовал, насколько сильно трепещет его сердце? Это известно одному Аллаху! Правильно говорят, что Пир муршид – это и учитель, и друг, очень близкий друг... Мгновенно ошущает он душевные колебания Сахибкирана! До сих пор в памяти, как во время битвы с ханом Тохтамышем, когда из-за разобшенности войска совсем немного оставалось до поражения,

¹ Боги Дилкушо – Сад наслаждения.

² Джабраил – святой дух, благородный посол, через которого передавались откровения и повеления Аллаха пророкам. В христианстве – архангел Гавриил.

духовный наставник, осознав, сколь опасной, даже зловещей была ситуация, пришел на помощь. Взяв горсть земли, он оседлал коня и поскакал в сторону врага, увлекая за собой войско, с криком: «Враг бежи-и-ит!» Тогда, воодушевленные его примером, воины с победными криками поскакали на врага... и одолели его.

– Жизнь рабов Его подобна кораблю, плавающему в океане, название которому Бренный мир. А человек, сидящий в том суденышке, не ведает ни того, как это судно плывёт, ни того, как истекают мгновения его жизни. В таком неведении освобождается он от печалей. Но, хвала Аллаху, путь Его величества совершенно иной. Сие есть истина! Пылливый ум и волю вашу люблю я сравнивать с зеркалом этой вселенной, и всякий, кто внимательно наблюдает, может увидеть там самые разнообразнейшие пейзажи и картины бренного мира. В благородном сердце вашем ощутил я печаль, свойственную Его рабам. Ни о чем не надо скорбеть и духом падать не нужно. Ведь Тангри-таоло не оставит без внимания свою тень на земле. Он доставит вам в дар добрые, утешительные вести. Хвала Аллаху, Господу миров!

Духовный наставник и сам удивился, почему произнес эти слова, как он нашел их, и какая в том была необходимость? Как ни удивительно, но для него это было полной тайной. Единственное, что он понимал – слова эти вложил ему в душу сам Бог. Простым смертным или рабам Божиим не всегда удастся выразить то, чем одарит их души божественное вдохновение.

Амир Темур сидел молча, стараясь понять смысл столь нужных для его сердца слов. За этим занятием и застал его Мухаммад Чурага-дадхах.

– Шахзаде Мухаммад Султан возвращается с могульской границы в раеподобный Самарканд!

– Хвала и честь вечному Творцу! – воскликнул Амир Темур, ощутив, что слова духовного наставника и добрая весть, которую принёс дадхах, были ниспосланы самим Аллахом.

II

Ежегодно, на двенадцатый день третьего месяца мусульманского года – в праздник дня рождения Пророка Мухаммада – Её величество Сараймулькханум по традиции собирала принцесс, знатных женщин и их невесток – красавиц с джебранскими глазами, благоухающих мускусом и восточными ароматами – в саду Боги Чинар. Были здесь и матери шахзаде, амирзаде, знатных беков, приходили жены амиров. Они читали посвященную Пророку Мухаммаду касиду «Рождение пророка», декламировали газели в его честь, слушали благословенные хадисы, раздавали подарки и милостыню бедным и нуждающимся. И в этот раз все было так же.

С самого начала были вознесены благодарения в честь великого праздника, а также в честь победного возвращения Хазрата Сахибкирана из индийского похода.

Женское сердце всегда в тревоге. Но тут, встретившись друг с другом, развязали женщины тяжелые узелки в душе. Сначала они прогулялись по ухоженным благодатным садам, потом пошли в окружающие махалли. Когда раздавали милостыню бедным и нуждающимся, птица счастья принесла чудесную весть о том, что наследник Мухаммад Султан возвращается из Ашпары.

Сараймулькханум не удалось скрыть свою радость и любовь, хотя и остерегалась она слишком сильно проявлять свои чувства, стараясь сдерживаться.

– Нужно привести в порядок сад Боги Накши-жахан¹. Гостиная, спальни – всё должно сверкать! Ничего не упусти из виду!

– Головою ручаюсь, великая царица! – склонился в низком поклоне слуга. – Вы ведь помните, что по вашему поручению замок был отремонтирован и приведен в порядок месяц назад.

¹ Боги Накши-жахан – Сад, украшающий мир.

– Знаю, знаю... Шахзаде Мухаммад Султан со своей супругой Согинч-ханум едут с визитом в Самарканд. Хотя в махалле Арк у них есть роскошный дом, но они любят останавливаться в Боги Накши-жахан. Всё-таки это отцовское наследство, их собственный сад. Я сама следом поеду, все проверю! Все хаузы обновить, освежить воду в арыках, каждую комнату – одну за другой – осмотреть. И будь особенно внимателен к дорожкам и проходам, чтобы все там сияло чистотой, поскольку у шахзаде очень чувствительный нрав...

– Будет исполнено!

В ту минуту из покоев дворца выбежали два мальчика лет пяти и, невзирая на возгласы цариц: «Подождите меня, мой дорогой! Пойдите, мой миленький! Ну дайте хоть раз я вас обниму, ягнёночек мой!» – напрямую побежали к Сарай-мулькханум. Чулпан Мулк-ока и Тукал-ханум, пока ещё не удостоившиеся счастья материнства, кружили вокруг них, стараясь, улучив момент, побаловать и нежно поцеловать их в румяные щечки, а Чулпан Мулк-ока, заметив своего любимчика Улугбека Мирзу, исподтишка крепко-крепко обнимала его, прижимая к сердцу.

– Ва-а-ай, да это же мои амирзаде прибыли, моя опора! Оплот салтаната и Великого Курагана! – расплылась в счастливой улыбке Сараймулькханум. Её величество присела на колени, обняла амирзаде за плечи и притянула их к себе. Широкий подол ее шелкового зелёного платья растелился по земле. Оба они – и Улугбек Мирза, напоминавший своими большими и очень живыми глазами дочь знатного Гиясиддина Тархана красавицу Гавхаршад-бегим, а длинным вытянутым лицом – Шахруха Мирзу, и низкорослый по сравнению с ним, но очень шустрый, буквально не вмешавший энергию, неугомонный Ибрахим Султан, были одеты в одинаковые белые халатики и шаровары. На головах – маленькие короны из крохотных рубинов, на ногах – красные сафьяновые сапожки, украшенные драгоценными камнями. Улугбек Мирза был по-взрослому сдержан, и это очень шло ему. Иногда он, задумавшись, долго смотрел в видимую только ему одну точку. Если окликнуть его в такой момент – он и бровью не поведет.

– О чем задумались, амирзаде мой ненаглядный? – спросила его Чулпан Мулк-ока.

– Весь ушел в свои мысли... – вмешалась в разговор Тукал-ханум, с глазами, всегда мерцающими таинственным светом. – Забот у него, похоже, много... О-о-ой, как много...

– Во дворце у Темуридов неужели мало забот? – с нежной улыбкой спросила красивая и статная Туман-ока.

– Уже сейчас амирзаде мой весь в заботах о салтанате. О том, как детей поднимать, как страну обустраивать... Да и Ибрахим Султан не спокоен...

Они радостно засмеялись.

Улугбек Мирза всё стоял, не отрывая взгляда от избранной точки. «Этот амирзаде совсем другой, – подумала Сараймулькханум. – Бог даст, получится из него учёный человек. Мыслящий... Он будет стремиться к знаниям, к науке... Он будто уже с этих лет изучает окружающий мир, ищет ответы на трудные вопросы. Да, после нас именно эти амирзаде – Улугбек Мирза, Ибрахим Султан и Бойсунгур Мирза – будут опорой для Мухаммада Султана. Пусть Аллах ниспошлет им долгую жизнь!»

Глава третья

I

Через неделю после приезда шахзаде ранним утром возле узорных ворот Куксарая, с обеих сторон замыкавшихся высокими минаретами, стали собираться люди. На жестяных крышках фонарей минаретов, которые каждый вечер зажигал караульный, – у каждого их по восемь – засверкали отблески первых лучей солнца.

Послышался ритмичный бой барабанов, которые обычно звучали при встрече наследника или же знатных и уважаемых персон салтаната. Вдалеке, примерно в

двухстах шагах, было видно, как Мухаммад Султан, выйдя из медресе, вскочил на белого тулпара.

Пир муршид Мир Саййид Барака, хан Турана Султан Махмудхан, Шейх-уль-ислам Ходжа Абдулмалик Самарканди решили ждать его у ворот. Остальные же направились ему навстречу.

Уже на второй день по возвращению в столицу Мухаммад Султан, стараясь не упустить случая, поехал проверить ход строительства начатых им, но пока ещё не завершённых медресе и хонако недалеко от Куксарая.

Обойдя двор, окруженный двадцатью двумя худжрами¹ медресе, он остался вполне доволен. Худжры были опрятными, уютными. Из верхних проемов лился мягкий сумеречный свет. Тишина в худжрах, будто способствовала получению знаний людьми и посвящению себя Аллаху.

Шахзаде вошёл в одну из худжр и почему-то почувствовал желание уединиться... Если бы послал ему Бог такую возможность и вложил в его душу силу великую, отложил бы он государственные дела и повернулся лицом к великой мечте своей: переписать свиток священного Корана, обратить эту рукопись в книгу и после завершения этого дела преподнести ее достопочтенному Сахибкирану, дабы удостоиться его благословения.

Внезапно его осенило: а что, если ему написать комментарии, толкования к аятам, изложив глубокий смысл этой книги простыми словами? Ничуть не претендуя на ученость, не для других, а для себя, чтобы поглубже постичь смысл бесценной мудрости. А лучше записывать всё в памятную тетрадь.

Сура «Верующие» имела глубокий смысл. Да, правда, тот, кто не говорит дурных слов, не имеет плохого умысла – все они унаследуют райские сады, вдоль которых текут многоводные реки. А сегодняшняя материальная жизнь верующих – только один шаг к их вечной жизни, может быть, всего один вдох – вот и всё. На том свете, безусловно, все они воскреснут, чтобы наслаждаться радостями и удовольствиями вечной жизни. Наступление страшного суда неминуемо, тогда все верующие разделятся на счастливых и несчастных, и только вера, добрые дела, добрая надежда на воскресение из мёртвых спасет раба Божьего.

И что удивительно, когда переписал он двадцать третью суру, именно в этот день ему исполнилось двадцать три года! О Аллах! Конечно же это очень поразило его. В тот момент ему вдруг вспомнилось, как в Куксарая два года назад Сахибкиран поручил мавляне Хайбатуллаху записывать в тетрадь какие-то уложения. Главный писарь открыл тогда толстую зелёную тетрадь и что-то в неё записал своим красивым почерком, а шахзаде, стоявший рядом, внимательно следил за ним. Только теперь он наконец высказал зародившееся еще тогда, но до сей поры не получившее возможности быть озвученным, доброе намерение:

– Жемчужинам «Уложений» нет цены. Они имеют глубокий смысл, поражают своею логикой. И если достопочтенный Сахибкиран соизволит, если даст свое согласие и будет на то воля Аллаха, я своею рукой переписал бы «Уложения», обратив их в книгу!

Мухаммад Султан представил книгу, принадлежащую перу сельджукского визирия Низамумулька «Сиёсатнаме»². Он был безмерно восхищен изяществом этого манускрипта.

– Без всяких сомнений, вы сможете осуществить задуманное! – не скрыв своей радости Амир Темур и поцеловал наследника в лоб.

– Только следует завершить первый свой замысел: переписать манускрипт священного Корана. Потом уж можно взяться за «Уложение». «Уложение» – это главное сочинение султана Турана. Если наследник перепишет его, обратив в книгу, это будет угодно и Богу, и рабам Его, иншааллах! Дело, начатое дедом, будет

¹ Худжра – комната (келья) в медресе.

² «Сиёсатнаме» – «Книга о политике»

продолжено внуком. Это вечный неизменной закон светлого мира. И пусть Аллах доведёт нас до этих дней!

К тому моменту, когда шахзаде, осмотрев одну за другой все худжры, вышел во двор, прибыл гонец с вестью из Хумаюн Урду о том, что там все ждут, когда же нога наследника переступит величественный порог дворца Куксарай.

– Их величество Амир Сахибкиран сегодня утром отправились в путь из Боги Чинара во дворец Куксарай, намереваясь как можно скорее встретиться с наследником, – сказал гонец. – Соизволили пригласить его и в честь шахзаде созвать высочайший машварат!

– Весьма благодарен! Весьма признателен!

Шахзаде обрадовался. Тут ему припомнилось, что накануне индийского похода было принято решение провести военный совет. Сам он был в Ашпаре и не мог в нём участвовать. Но, если быть совсем точным, никто особо и не настаивал на том, чтобы он приехал.

Сахибкиран собрал тогда в Куксарее всех своих детей, беков и амиров, чтобы принять решение относительно будущего похода.

Спор на том совете оказался жарким. Одни говорили одно, другие – совсем противоположное. Среди множества голосов за тот поход громче всех звучали голоса Султана Хусейна Мирзы и Халила Султана. Халил Султан после спора с Султаном Хусейном Мирзой горячо поддерживал поход в Индию.

Амир Сахибкиран погрузился в раздумья. Чувствовалось, что он все ещё не принял решения. На очереди поход на Китай. Он задумал его сразу же после иранского похода. Поход на Китай – дело серьёзное. В канун сложных масштабных событий второстепенные дела должны быть отодвинуты.

Наконец Амир Темур, внимательно обведя глазами присутствующих, сказал:

– Мои дорогие амирзаде, мои благороднейшие беки! Мы услышали от вас много добрых слов. Ведь слово – это только оболочка духа. Я ощутил ваш дух. Счастлив я, потому что все вы готовы поднять свой меч за честь родного Туранского салтаната. И пусть сам Аллах придаст вам сил! Все мы должны повернуться лицом к Тангри-таоло. Быть ли походу на Индию, или нет – лучше обратимся к Корану, потому что самый верный путь укажет нам только Аллах. Что Он нам подскажет, тому и будем следовать.

– Согласны! Согласны! – послышались голоса.

Султан Хусейн Мирза прошептал Халилу Султану, сошурив свои прыгающие от восторга глазки:

– Лишь бы только это гадание правильным оказалось! Потому что достопочтенный Сахибкиран никогда не пойдёт против сказанного в Коране.

Со словами «Во имя Аллаха милостивого и милосердного» Сахибкиран открыл наугад страницу Корана: взгляд его пал на девятый аят из суры «Запрещение»: «О Пророк, ревностно воюй с неверными, с лицемерами и будь жесток к ним!..»

Все присутствующие ахнули. Султан Хусейн Мирза и Халил Султан, обрадовавшись, захлопали в ладоши.

...Ну вот, теперь снова собирается машварат, говорят, в честь наследника. Как обрадуется Согинч-ханум, когда узнает об этом! И как сильно он хотел увидеть деда! И давно бы уже посетил его, но по обычаю на прием к Сахибкирану можно было прийти только через неделю после приезда. Гость должен хорошенько отдохнуть с дороги, успокоиться, расслабиться, и только потом можно было отправиться с визитом в столь благородное место – Хумаюн Урду. Но на этот раз правило решили обойти. Видимо, дед уж очень соскучился по своему любимому внуку, потому и позвал его пораньше.

Амир Темур величественно восседал на троне в нарядном зале аудиенций Куксарая, прислушиваясь к звукам со двора. Зал сегодня показался ему еще прекраснее, чем обычно. Кроме него, там никого не было. Собравшиеся для машварата ожидали, когда их пригласят в зал на первый машварат после возвращения из

индийского похода. Сахибкиран ещё в Кашмире твердо решил, что следующее собрание будет проводиться только при участии наследника Мухаммада Султана.

— С визитом пожаловал цветок сада салтаната наследник Мухаммад Султа-а-ан! — зазвенели слова придворного в тронном зале. Амир Темур непроизвольно привстал со своего места.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь!

Войдя, высокорослый шахзаде кинулся к нему через залу:

— Ассаламу алейкум! — низко поклонился он. Затем, встав на колени, трижды поцеловал подол золотистого без подкладки халата Сахибкирана и приложил к своим глазам, полным слез. — От всего сердца поздравляем, достопочтенный Сахибкиран, с достижением вами возраста священного Пророка!

Амир Темур взял своего внука под руки и в каком-то непривычном ему самому волнении обнял:

— Мой любимый внук! Радость души моей, свет моих глаз! Мой пахлаван!

Потом отпустил его, немного отстранился и с бесконечной любовью посмотрел в большие глаза внука. Он увидел, как тот изменился, вырос, возмужал, был в самом расцвете, сиял силой, молодостью, красотой... И такая гордость заполонила сердце Сахибкирана, что ему вновь и вновь захотелось прижать внука к сердцу.

Дед и внук застыли в особом волнении. Какое-то время они просто не могли оторвать глаз друг от друга.

Тем временем собравшиеся на военный совет, заполнив крытые галереи дворца, прохаживались, тихо переговариваясь, обсуждая вопросы, которые, вероятно, будут подниматься на совете. Все были серьезными, будто судьба предстоящего совета напрямую зависела от них. Судя по догадкам, на совещании предполагалось обсудить результаты индийского похода, узнать, что изменилось в Ашпаре после того, как туда ступила благородная стопа наследника. Но самым главным, как ожидалось, будет обсуждение похода на Китай. Независимо от того, какое решение будет принято, все были уверены, что еще до осени, воспользовавшись оставшимися погожими днями, они отправятся в китайский поход.

II

В тот день двадцатидвухлетний Шахрух Мирза и его супруга Гавхаршад-бегим, которой шел двадцатый год, решили с утра проехать по городу. Они должны были осмотреть строящиеся здания в Герате и определить, что именно нужно возвести в первую очередь в новых местах.

Весь город взирал на правителя, восседавшего на белом коне, и его супругу в фиолетовом паланкине, сопровождаемых многочисленной свитой.

Прошло два года, с тех пор как Шахрух Мирза, назначенный правителем всего Хорасана, впервые ступил в Герат. Обустройство он начал с возведения нового Арка на месте старого развалившегося здания, которое еще сто лет назад построил правитель Фахриддин Курт. С самого начала, правда, Шахрух Мирза хотел заняться другими делами, отодвинув строительство Арка на более позднее время, но Гавхаршад-бегим настаивала:

— Мой хазрат! Главное, что дает представление о могуществе падишаха — его дворец, Арк. Все прибывшие будут в первую очередь смотреть на цитадель, — с улыбкой говорила она, слегка прищурив свои красивые глаза. — Место, где живёт падишах, непременно должно быть достойным дворцом. В первую очередь нужно построить внушительный комплекс, чтобы каждый, увидевший его, испытал восторг.

Шахрух Мирза был не по годам серьезен в своих рассуждениях. Он впечатлял своими большими глазами, высоким ростом, статью, широкими бровями... Свободный халат из белой ткани без подкладки, белая чалма, в которой ярко горел крупный сапфир, подчёркивали красоту этого ладного юноши.

Да и падишахская невестка Гавхаршад-бегим, заслужившая уважение своей рассудительностью и достоинствами, была несравненной красавицей, природа одарила ее удивительной внешностью... Густые чёрные волосы, заплетенные в косы, живые глаза, горящие удивительной отвагой и смелостью. Всё в ней: её стройная фигура, спокойное гладкое лицо, длинные ресницы, безупречный нос, нежные, слегка полноватые губы, белая шея, красивые завитки – всё это чрезвычайно ей шло, и гармонично сочеталось... Эта не брови, а, пожалуй, две дольки луны, которые небесный художник осторожно обозначил двумя точными движениями своего искусного карандаша. Девушка обычно заплетала волосы, целующие её колени, в две косы, что струились по спине. Но когда она садилась, перебрасывала их вперед. Именно эти волшебные косы и привлекли внимание Шахруха Мирзы.

Когда Сахибкиран собирался в пятилетний поход, за десять дней до праздника Навруз Туман-ока попросила позволения у царицы Сараймулькханум приготовить в саду Боги Бехишт сумалаяк. И хотя праздники проходили в основном в саду Боги Чинар, Её высочество с удовольствием дала свое согласие.

Когда Туман-ока слышит слово Навруз, ей тут же представляется сумалаяк. Всем своим слугам и невольницам она поручила вычистить и привести в порядок сад, дала отдельные поручения каждому садовнику. Через невольниц передала приглашения принцессам, жившим в других местах. Помимо них – благородных женщин салтаната, матерей, жен, юных дочерей знатных людей – всех прочих она тоже пригласила отпраздновать Навруз.

Сараймулькханум любила собирать Темуридов за одним дастарханом, чтобы сблизить их и повидать сыновей, по которым так тосковала, насладиться их обществом, получить радость от очередной встречи. Туман-ока это хорошо понимала.

В праздничный день сад Боги Бихишт заполнился голосами. Погода была приятная, небо спокойное, солнце стояло в зените, сверкая весенними лучами. Садовые площадки быстро заполнили амирзаде в новеньких праздничных одеждах. Шахрух Мирза, а также внуки Сахибкирана Пир Мухаммад Джахангир Мирза, Султан Хусайн Мирза, Халил Султан, Рустам Мирза, Искандар Мирза, Абубакр Мирза и Умар Мирза возлились с очаровательным четырёхлетним Ахмадом Мирзой ибн Умаршейхом, разодетым словно куколка. Взяв его за руки, они по очереди прогуливались с ним по саду.

Напротив беседки устроили очаг, на котором варили сумалаяк. На мягких тюфаках вокруг большого казана, что висел над очагом, расположились знатные и важные женщины салтаната.

Её величество Сараймулькханум собственной персоной сидела у казана с привязанной к длинной узорчатой деревянной скалке шумовкой в руках. Сделано это было для того, чтобы удлинить ручку и оставаться на достаточном удалении от огня, умудряясь хорошо промешивать варево. Чтобы ничего не пригорело, в казан бросали хорошо промытые мелкие гладкие камушки, орехи, миндаль, и все это приятно трещало и шкворчало при помешивании.

Вокруг старшей царицы хлопотали Султан Бахт-бегим, Чулпан Мульк-ока, невольница Дурсултан-ока, момокиз¹ Орзумульк-ока, Холдана-биби, супруга Джаханшаха ибн Жаку – Оппагайим, супруги Амира Сайфиддина-некуза, Шейха Нуриддина, Амира Шахмалика, Мухаммада Жалда и Мубашшира-бахадур.

– Да, у Навруза много достоинств, обо всем и не расскажешь... – заметила на вопрос какой-то из принцесс Сараймулькханум. – Это такой праздник, когда и земля, и небо одинаково торжествуют. Хвала Аллаху, что дожили до этого великого дня! Есть предание о том, как один из сподвижников в праздник Навруз подарил Пророку Мухаммаду – да благословит его Аллах и приветствует! – серебряную чашу с халвой. Пророк тогда спросил: «Что это?» – «Это – дары Навруза». Пророк

¹ Момокиз (ласк.) – матушка-девушка.

опять спросил: «А что такое Навруз?» – «Это большой хайит, праздник народов Аджам¹». Посланник Аллаха принял халву и провозгласил: «О, если бы каждый день стал для нас Наврузом!» – «Если бы! Если бы!» – слышались голоса.

– Первый день весны, – вмешалась Орзумульк-ока, – и земля, и все живое на ней просыпается. Медведи выходят из зимней спячки, змеи, что спали всю зиму под землёй, тоже начинают переворачиваться... Да, да...

Тем временем вокруг разнесся несравненный запах сумальяка. Маленькие девочки, приблизившись к очагу, стали просить Сараймулькханум:

– Дайте нам сумальяк, а! Ну дайте нам сумальяк!

– На, нате, берите!.. – сказала старшая царица и, смеясь, взяла деревянную ложку, соскребла ею похожий на мягкую серу остывший краешек сумальяка и подала его малышкам. Глядя на них, Ахмад Мирза с Халилом Султаном тоже потянулись к казану.

– Ну хорошо, мелкие камушки я ещё понимаю... Но для чего же орехи и миндаль бросать на дно казана, Ваше величество? – спросила Султан Бахт-бегим.

– Каждому из вас я дам по одному подарочку... – улыбнулась Сараймулькханум. – А вы их расколите и ядрышком намажьте бровки. Такой краски нет в ларчике ни у одного галантерейщика, даже в раю!

– И мне-е-е!

– И мне тоже! – прибежала к ней целая стайка молодых принцесс и благородных девиц.

– Всем хватит, всем! Приходите, когда сумальяк будет готов!

Очередь дошла до качелей из цветных арканов, что были подвешены к высокому дереву слева от очага.

– Кто хочет покататься – пожалуйста, только при одном условии! Примета есть такая: желающим надо спеть песню «Качельки», – сказала Рабия-бегим. Кто такую примету придумал и откуда она появилась – никто не спрашивал.

– Вай! А я так хотела покататься... – сказала Зубайда-бану. Задержавшись на качелях, она недовольно скривила губы. – Ну... я же не знаю такую песенку.

– Не знаешь – так и сиди! А кто знает? – спросила Рабия-бегим.

– Есть среди нас хоть одна, которая знает... – улыбнулась она Согинч-бике, многозначительно посмотрев на неё, будто что-то припоминая. – Она очень хорошо эту песенку поет... Я сама слышала...

– И я тоже вспомнила: Гавхаршад-бегим! До чего же у неё голос красивый!.. – подтвердила Согинч-бика. – Очень мне нравится!

Все зашумели, обращаясь к Гавхаршад-бегим: «Спой! Ну, спой!» А она очень любила кататься на качелях. Как только зашла в сад, сразу же глазами нашла те самые цветастые качели и радостно заулыбалась. Теперь, когда она услышала слова Рабии-бегим, её прямо распирало от предстоящего удовольствия. Сразу было видно, как ей это все нравится. И не заставляя присутствующих долго ждать, она подошла к качельке, шустренько села, а девушки с криком стали раскачивать её. Качели летали вверх-вниз... А Гавхаршад-бегим мягким высоким голосом начала песню, очаровав окружающих удивительным тембром. Даже те женщины, что сидели вокруг казана, начали друг друга спрашивать: «Кто это так красиво поет?» – и повернулись в сторону качелей. Кто-то из интереса, а кто-то в поисках невестки.

Качелька, качелюшка,

На качели – невестушка.

Невестка, невестушка,

Невеста – кручинушка,

Бедняжка дивчинушка...

¹ Аджам – так называли все неарабские земли и страны.

Гавхаршад-бегим чувствовала себя совершенно невесомой, легкой и беззаботной, взлетая на качелях. Когда качели летели вверх, её две чёрные косы, подобные змейкам, никак не могли догнать ее в полёте. Когда она падала вниз, косы, будто благодаря за то, что удалось догнать ее, с признательностью прижимались к спине и ногам. Иногда казалось: кончики её густых волос вот-вот достанут земли. Но быстрый ветерок, не допуская этого, подхватывал её косы и улетал с ними, оставляя землю горько обиженной. А качелька продолжала раскачиваться...

— Кто эта девушка, ака? — произвольно спросил Шахрух Мирза у Пира Мухаммада Джахангира, не отрывая глаз от нее. Его весьма впечатлило увиденное. Затаенная печаль этой песни сильно тронула его, он почувствовал в красивых словах песни необыкновенную душевность. — Надо же, какая длинноволосая, оказывается...

— Вот эта? А, да это же Гавхаршад-бегим, дочь Гиёсидина Тархана, мой амирзаде! — равнодушно ответил ничего не подозревавший Пир Мухаммад Джахангир и отошел.

С тех пор амирзаде не оставляли мысли о той длинноволосой девушке...

Соединившая души двух молодых людей свадьба, растянувшаяся на целые семь дней, началась в Боги Чинаре и продолжилась в Боги Шимоле. Прошел год, и на свет появился Улугбек Мирза, который воспитывается сейчас у Сараймульханум. Его младшему брату Бойсунгуру Мирзе исполнилось два года, за ним приглядывает Дурсулан-ока.

До сих пор, когда они остаются наедине, Шахрух Мирза говорит Гавхаршад-бегим: «Вы своими волшебными косами мое чувствительное сердце крепко привязали к себе!», и шутя называет её «невестушка на качельке». Принцесса при этом, наклонив голову, дарит своему ходже нежную улыбку.

Шахрух Мирза вспоминал: Сахибкиран сыграл их свадьбу весною 800 года хиджры¹, после того как в восточной стороне Самарканда был отстроен дворец Боги Шимол — Северный сад, своды которого были украшены лазоревым орнаментом и золотой росписью. Площадь перед дворцом была отделана квадратными мраморными плитами. Высокородные амирзаде и знатные беки, посетив сад, сошлись в едином мнении: дворец получился прекрасным. На свадьбе царило веселье, люди приятно беседовали за изобильными дастарханами, уставленными редкостными яствами. Красивые мелодии улаждали души гостей, и казалось, что всюду царит только мир и покой.

Никто не был так счастлив, как Шахрух Мирза. К великолепию его свадьбы прибавилась еще одна бесценная новость, многократно умножившая его радость. Пришла она из того самого сада, о котором ранее вспоминала принцесса Гавхаршад-бегим. Неожиданно Амир Темур исполнил одно из своих давно задуманных намерений. Было объявлено, что султан Турана назначает достойного Шахруха Мирзу правителем Хорасанского вилайета, расположенного в благодатном четвёртом климатическом поясе.

Глава четвертая

I

Ахий Джаббар-бахадур отвечал за безопасность принцессы Ханзады-ханум, считаясь её охраной, хотя причислялся к наукерам правителя Хулагухана Мираншаха Мирзы. Потому, следуя его приказу, отправился в нелегкий путь, снарядив с собою сорок наукеров. Выхав из Султаннии, они пересекли Герат и довольно быстро достигли Кандагара. Только было собрались отправиться оттуда в Лахорвар, как их настигла новость: победоносная армия Сахибкирана Амира Темура Курагана возвращается из индийского похода. На тот момент он уже миновал провинции Джамму и Кашмир и, по всей вероятности, прибыл в Кабул. Судя по некоторым слухам, возвращался он так спешно потому, что болотистые места, туманы, сырой воздух той страны ему не подходили. Однако, по мнению Ахия

¹ 1397 год.

Джаббара-бахадур, Сахибкиран решил не задерживаться в Индии лишь по одной причине: сильно тосковал по родной Туранской земле.

Ахий Джаббар-бахадур буквально сам не знал, как он выехал из Султании. И хотя до сих пор он не решался оценить этот шаг, последние действия амирзаде привели его в полное изумление. Все случившееся было таким странным, что, если кому-нибудь рассказать, не поверят.

По мнению бахадура, амирзаде вполне хладнокровен и расчетлив. Правда, говорят, был случай у него на охоте, когда он сильно упал, ударился головой и получил сотрясение мозга. Сам Ахий Джаббар-бахадур собственными глазами сие печальное событие не наблюдал. Но при лечении была допущена ошибка, из-за чего дыхание у амирзаде затруднено. Как знать, действительно ли он так сильно ударился?..

Ахия Джаббара-бахадур сильно задело, что по отношению к своему родному отцу в сердце амирзаде оказалось столько яда! Не сдержавшись, он даже открыто излил его в письме. Хоть бы писаря устыдился, когда диктовал!

«Поразительно! – думал он, – как может человек, созданный из одной капли, без стыда и совести желать обладать морем? Разве нельзя утолить жажду одной чашей воды? Тут желание испить всю реку! Эх, всё это от ненасытности, оттого что глаза людские всегда голодны! А впрочем, нет... скорее наоборот, от сытости все это. От пресыщения появляются такие желания! Воистину, верно сказано в Коране¹: «Истинно, человек становится буйным, когда видит себя разбогатевшим».

С какой стороны ни посмотри на поступок Мираншаха Мирзы – невозможно с ним согласиться. Видимо, амирзаде намерен ударить кулаком по острию меча, это, несомненно, не от большого ума... А каково будет его супруге Ханзаде-ханум, когда она узнает все это? Бедная принцесса! Оккиз-бегим обещала, что не сообщит ей об ужасной новости ни слова, иначе... трудно представить, что она может натворить, сделать что-то с собой, упаси боже! Но, Оккиз-бегим всё-таки женщина, душа у неё мягкая, а язык слабый. Удастся ли ей сохранить все в тайне?..»

По мере того как, удаляясь от Султании, Ахий Джаббар-бахадур приближался к цели, он ошущал, что груз на его сердце не становился легче, наоборот, он чувствовал все большую тяжесть. А причина была в том, что везёт он страшную ношу – письмо! И когда спит, и когда бодрствует, постоянно должен он его хранить, чтобы доставить по назначению. Это письмо падишаха! А неповиновение правителю – это неповиновение Богу.

Но... с другой стороны, как же он вручит такое письмо Амиру Темуру? Хватит ли у него для этого храбрости и сил? Сколько бы он ни думал об этом, в зеркале грядущих событий не виделось ему никакого просвета.

Обычно все письма, что приходят от детей, от принцесс, Сахибкиран открывает сам, надеясь, что отыщет в них радость истосковавшемуся сердцу, добрые вести о мире, о порядке. Но что же будет вот с этим, написанным на султанской бумаге письмом? Это не добрые пожелания... а, скорее, проклятия, преисполненные злых укоров и претензий, злопыхательства и враждебности!

И тут он ясно представил гнев и ярость воинственного Амира Сахибкирана, прочитавшего письмо. Он тут же повернёт в сторону Султании... Вот тогда... он перевернет весь город, велит схватить Мираншаха Мирзу и... казнить! Да и других виновных... Нет, нет, Сахибкиран как-то предупреждал: если кто-либо из детей моих поднимет голову, претендуя на салтанат, не следует его казнить. Как знать, возможно, Мираншах Мирза, помня эти слова, выбрал столь неприглядный путь? Но о том ведаёт лишь один Аллах.

С другой стороны, что будет, если, прочитав ужасное письмо, Сахибкиран спросит Ахия Джаббара-бахадур: «Так значит ты, потеряв всякий стыд, не постеснялся

¹ Коран. Сура 96, аяты 6, 7.

доставить мне сей позорный груз? Через столько путей-дорог ташил ты с собою проклятия на мою голову? И не постыдился? Почему же не бросил ты сразу это грязное письмо прямо в лицо тому бесчестному? Значит, старался угодить своему хозяину и не убоялся Бога? Оказывается, ты из сословия трусливых, да? Ведь как я тебя лелеял всегда, как оберегал! Вот как ты мне за любовь и заботу мою отплатил! Проклятье тебе!»

И как же после этого смотреть в глаза Сахибкирану? Не разверзнется ли под ним земля и не поглотит ли его?... Ох, до чего же тяжкое испытание послано ему Аллахом! Это Божья кара! Однако все, что выпало на его долю, увидят его глаза...

Когда Ахий Джаббар-бахадур приехал в кишлак Тайабад, расположенный неподалёку от Герата, его там встретил рослый имам, лицо которого украшала густая борода. Случилось это буквально в самый первый весенний денёк. И надо же быть такому совпадению: именно на этот день выпал праздник Курбан Хайит.

Удивительно, до чего же показалась ему знакомой внешность имама. Где-то он его уже встречал... но не мог вспомнить где. Уж очень знакомо было ему это лицо.

В свою очередь, имаму махали лицо гостя, украшенное усами и короткой бородой, тоже показалось до боли знакомым. Он старательно стал напрягать память и... вдруг произнес:

*И даже если кто случайно имя вдруг его произнесет,
Забот с тех пор не будет знать он о шите иль хлебе.*

Строки эти, сочиненные Ахием Джаббаром-бахадуром, были весьма популярны среди подданных Ночного салтаната сарбадаров в Самарканде.

– Ой! Ой! Откуда вы это знаете? – удивленно спросил у имама Ахий Джаббар-бахадур, всё ещё пытаюсь вспомнить, кто же перед ним стоит.

– О, стих хорош! Да и тот, кто сочинил его, тоже. Черт побери! – вмешался в разговор стоявший рядом Учкора.

– Вот это да! – изумился Йаналтекин.

– Вы... вы... вот теперь я вас вспомнил! Сказать, кто вы? Вы – Ахий Джаббар, вот кто! Вы – подданный самаркандского Ночного салтаната сарбадаров Ахий Джаббар! Это точно! – вдруг произнёс имам.

– Ой! Угадал ведь! Дивлюсь, о Аллах, вселилию Твоему!

– Так я же студент медресе Садр Сулеймана! Я Калтатай!

– Неужели же Калтатай? Тот самый студент медресе Садр Сулеймана? Наш Калтатай? Собственной персоной, а?

К изумлению всех присутствующих, Ахий Джаббар-бахадур и Калтатой вновь крепко-крепко обнялись и замерли, подобно людям, которые очень долго ждали этой встречи.

Мгновения их далёкой молодости, медресе Садр Сулеймана, Ночной салтанат, сарбадары, знаменитый праздник, длившийся целых три дня после того, как они прогнали из Самарканда монголов. Незабываемая праздничная суета. А потом... потом зловещие верёвки в Конигиле... виселица... Эх, какие только воспоминания не промелькнули в их памяти, тревожа сердце!

Затем они посетили могилу Пира, помолвились и вернулись в сад, где имам вновь читал молитвы из Корана. Живой звук его приятного, могучего голоса долетал до самых отдалённых уголков заботливо взращённого сада. Того самого, что был разбит, взращен, за которым ухаживал известный на весь свет человек – Шейх Зайниддин Абу Бакр Тайабади. А на другом краю, под урюковым деревом, утопающим в белых цветах, преклонив почтительно колена, вспоминая великого Пира, возвели руки к небу в молитве сорок воинов из отряда бахадура.

После худаи¹ еще долго длилась беседа двух друзей, ставшая еще более интересной, когда Калтатай начал вспоминать некоторые моменты жизни пира. Новые

¹ Худайи – поминки.

рассказы его были о том, как Пир заказал известному ювелиру перстень с надписью «Сила – в справедливости», а затем преподнёс его в дар Амиру Темуру.

Наконец, после вечерней молитвы они встали. Учкора и Йаналтекин, прежде чем вернуться в свои шатры, проводили его до дверей:

– Желаем вам хорошего отдыха! Да привидятся вам хорошие сны, наш господин! – попрощались они.

Хотя Ахий Джаббар-бахадур устал, заснуть не мог. Ворочался и ворочался с боку на бок, в глаза будто спицы вставили. В конце концов он встал и, будто опасаясь чего-то, перепрыгнул подальше письмо...

Ахий Джаббар-бахадур чувствовал, что голова его просто раскалывается от безысходности. Ну хорошо, допустим, он приехал. Добрался и... вручил проклятое письмо Сахибкирану. Прочитав послание, тот действительно развернёт коня в сторону Султанин. Сомнений нет, что он разгневается! А потом... потом... да, вот про то уж лучше и вовсе не думать... Мир перевернется с ног на голову, вот вам и всё!

И тут где-то со стороны восходящего солнца закукарекал кишлачный петух. Или временем ошибся? Пел он как-то остороженько, без напора. Только тогда бахадур задремал. Но, прежде чем закрыть уставшие глаза, он успел прошептать своё обычное: «Отхожу я ко сну, о Аллах! Бог даст, я проснусь. Встану, встану я ото сна. Но если все же нет, то нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммад – пророк его на земле».

Добрые пожелания Учкоры и Йаналтекина сбылись: бахадур и впрямь увидел сон. Ну очень странный сон. Открылось ему в том сне светлое, совершенно безмятежное, бескрайнее, ясное, без единого облачка небо. Слегка покачиваясь от ветра, над гигантской пропастью висит нарядная, просто по-царски украшенная люлька, где безмятежно покоится бахадур... Непонятно даже, на чем она держится, потихонечку раскачиваясь в бесечно-голубом пространстве. Однако видно, что с четырёх сторон поддерживают её крепкие канаты. На канатах чётко написаны слова. На первом – «Вера», на втором – «Честь», на третьем – «Благодарение», на четвёртом – «Терпение». Ахий Джаббар-бахадур не удивляется таинственным явлениям и не спрашивает себя, что это за канаты такие, почему люлька одна, а если вдруг он упадёт? Совсем не думает о последствиях! А внизу-то пропасть... На дне пропасти, спрятавшись в глубинных складках, поблескивает речка. Переливается какими-то зловещими красками, будто покрыта драконьей чешуей...

И вдруг... Ахий Джаббар-бахадур видит, как у него из-за пазухи, извиваясь, вылезает огромная змея, угрожая ему... Никак не может он взять в толк, как и откуда в безмятежной небесной голубизне появилась эта злошная гадина? И как проникла к нему за пазуху? Похожа на гюрзу, но вдруг превращается в кобру. О небо! И что же за несчастья такие на его долю!

На беду, змеюка не обращает никакого внимания на его вопли, потихоньку приближая свою отвратительную голову к лицу бахадура. Она уже лижет своим ядовитым языком его кадык, двигаясь вверх по шее, стараясь влезть ему в рот! В эту самую минуту, Божьей милостью, на красивом цветном ковре в небе летит куда-то сам Шейх Тайабади. Указав на змею, он успевает крикнуть Ахия Джаббару-бахадуру: «Немедленно убери то, что у тебя за пазухой! Уничтожь! Разорви в клочья!..» С тем и улетел. И вот что было чудно: сидел он на том ковре как бы с краю, но не опасаясь, что может упасть. Чудеса...

Тут-то растерявшийся бахадур собрался с силами и сжал своими крепкими руками ту змею, стараясь оторвать ей голову, что и сумел сделать. Потом стал осваиваться от нее. Но, что странно, чем больше он тянул её, тем длиннее она становилась! Наконец, бахадур не выдержал, стал кромсать поганую змею, разбрасывая куски в разные стороны... бросал и бросал...

Неожиданно Ахий Джаббар-бахадур проснулся! Лицо в поту, задыхается, воздуха не хватает, дыхание прерывается...

Наступал предрассветный час...

– Лохлава вала куввата, илла биллах!¹ Что же такое со мною творится, а? О боже! – и поплел себе на грудь. – Спаси и сохрани меня, Боже!

Ахий Джаббар-бахадур приготовился к утреннему омовению. И вот тут-то он вдруг увидел разбросанные вокруг в беспорядке клочки султанской бумаги! Поспешил взять в руки один из обрывков. Там было написано: «Увы-увы! Где пророк Ной?... Святой Хызр... Лукмон...» (продолжения нет). А в другом: «Быть алчным в этом временном мире, предаваться высокомерию – да ведь это же от заблуждения!» В третьем обрывке нашёл он любимую фразу Мираншаха Мирзы: «Вот и пришли к желаемому...» О боже! Кто ж разорвал проклятое письмо? Кто разбросал клочки? Ведь он хранил его за пазухой! «Ну да, вот действительно пришли к желаемому...» – иронически подумал он.

Вдруг его осенило: так ведь это же он сам, подумав что кромсает зловещего змея, разорвал письмо, сложенное в трубочку, написанное Амиру Темуру Мираншахом Мирзой, письмо, которое привело в изумление всех участников застолья в Боги Эраме² в Султании, когда тихим и уставшим голосом зачитал его вслух писарь, ну тот, с короткой бородкой.

Быть может, впервые в жизни Ахий Джаббар-бахадур так испугался содеянного! Пойти против воли правителя, встать на путь неповиновения, разорвать доверенное ему письмо на кусочки... Это же уму непостижимо! Заглядывать на чужую собственность, или посягать на нее... нет, такое не в обычае ахийцев и жавонмардов. Постояв какое-то время в раздумье, бахадур прошептал: «Не дай бог, чтобы кто-то это увидел!» И поспешил собрать обрывки. Все до единого!

Буквально в ту же минуту у входа в комнату показался силуэт слуги, который принес ему кувшин с теплой водой. Бахадур приказал:

– Поставь кувшин у порога.

А потом сел, чувствуя себя совершенно уставшим, вымотанным, руки и ноги его вдруг ослабли.

Собрав силы, он умылся, успокоившись, совершил утренний намаз и долго не вставал с молитвенного коврика. Прикрыв глаза, он многократно повторял суру Йасин, украшая молитву своими очень личными и содержательными благодарениями Аллаху.

– Благодарю тебя, Аллах, за все содеянное! – возносил он молитву к небу. – Ты бережешь нас от несчастий! Ведь поначалу, стараниями Мираншаха Мирзы, возложил Ты на мои плечи тяжкий груз! Но потом, сжалившись надо мной, сам же Ты и указал выход. Пожалел Ты меня, не дал предъявить ужасное то письмо очам Амира Темура Сахибкирана. Ты сделал так, что привиделся мне беспокойный дух Пира Шейха Зайнуddина Абу Бакра Тайабади. И понял я всё это, понял, что послание Мираншаха Мирзы Тебе также не по душе. И вот теперь невольное письмо само собою исчезло... Благодарю Тебя я, о Аллах, за всё Тебя благодарю!

...Прибыв из Кандагара в Кабул, он узнал, что Сахибкиран десять дней назад покинул этот город, направляясь в сторону Самангана. Перебравшись через Джайхун, миновав гузар Паттакесар, он уже добрался до Кеша. И вдруг:

– Мой господин! Гонец прибыл к вам из Султании! – порадовал его доброй вестью Учкора и тут же тихо запел песенку, которую обычно пел, когда бывал чему-то рад или пребывал в печали:

*Земля не насытится дождем,
А жена – мужем... никогда-а...*

– Гонец, говоришь, прибыл? Вот те и на! – обрадовался Йаналтекин.

«Ну вот, слава богу, похоже, амирзаде подумал-подумал и, раскаявшись в содеянном, послал вослед за мною гонца. Как бы то ни было, он отказался от злых намерений.

¹ Арабское выражение: «О Боже! Только Ты мне опора!»

² В саду Элама.

Хвала Аллаху! Но... теперь-то что будет? Что мне делать, когда он потребует: "Давай возвращай мне письмо!" Что предпринять? Как мне всё ему объяснить?

Ага, значит так... все это случилось во сне... Да я и сам не знаю, как это произошло! Но... если расскажу все, как было, поверит ли он мне? – терзался бахадур. – А ведь наверняка спросит: "Где моё письмо?!" И скажет: "Так значит, такую бумагу, такой важный документ салтаната ты, кому доверен был свиток, ты его... потерял?" Разгневавшись, опозорит меня на весь свет... Живьём заставит содрать с меня кожу, а... труп мой вывесят на базаре в Султании. И вот тогда Оккиз-бегим... от позора покончит, просто покончит с собой!»

Однако развязка оказалась неожиданной. Не посылал амирзаде никакого гонца. Гонец вообще к Мираншаху Мирзе не имел никакого отношения. Увы-увы! Но... гонец вручил Ахию Джаббару-бахадру омытое слезами послание от его супруги Оккиз-бегим, перевернувшее душу.

II

Шахзаде Мухаммад Султан с супругой Согинч-ханум переживали счастливые времена. Казалось, будто парят они в безоблачной небесной синеве, восседая на мягких перинах под тонким прозрачным занавесом. А лететь в небе – совсем не то, что идти по неровной земле. Огромный синий купол распахнул перед ними бездонность пространства... и полет до того плавный... Эмоции их не вмещались даже в бескрайние небеса. Да и стоит ли удивляться, если целая вселенная юным сердцам кажется тесной?

Лицо избранницы шахзаде, нежное, как розовый лепесточек весеннего цветка, светилось любовью.

Взгляд ее, когда она смотрела на него, был полон нежности... И ему казалось, будто улыбка её освещает весь мир.

Шахзаде очень соскучился по Самарканду. Он осмотрел город, побывал в Куксараях и в Бустансараях. Вместе с супругой проехали они в Коникил. На следующей неделе намеревались отправиться в Кеш, посетит памятные места святых и могилы своих предков. Узнав об этом, Сахибкиран одобрил решение внука, похвалил его и поручил Туман-оке сопровождать их в этой поездке.

В то памятное утро шахзаде попытался записать свои заметки о Самарканде в тетрадь, но, растерявшись от обилия впечатлений, не находил слов, чтобы описать свои чувства. Трудно было начать. Наконец, отказавшись от этой затеи, он взял в руки тетрадь и стал одну за другой просматривать страницы, написанные ранее.

Вошел придворный слуга и оповестил, что прибыли послы из Китая. Мухаммаду Султану было велено прибыть в Хумаюн Урду¹. Наследник тут же закрыл записную тетрадь и отправился в Куксарай.

Глава пятая

I

Наконец-то пришёл день долгожданного отъезда. Согласно повелению шахзаде его сановники и слуги давно готовились к путешествию в Кеш. Ранним утром в среду – в счастливый день исполнения желаний – караван принца отправился из сада Боги Накши-жахан в сторону города Кеш.

В каждом селении, где они проезжали, навстречу им выходили люди. Они, не останавливаясь, проехали кишлак Каратепе, Боги Джаханнама. Куда ни кинь взгляд – повсюду великолепная природа. Калейдоскоп живых картинок дарил взору наслаждение и радость. Над ними ясное небо. Утром солнечные лучи были мягкими, словно природа старалась их уберечь, укрывая невидимой тенью. Высокие

¹ Хумаюн Урду – резиденция правителя.

горы, тянувшиеся к небу на востоке, небольшие кишлаки, прижавшиеся к горным склонам, восседавшее на небесном троне сияющее солнце, белые облака, нависшие над вершиной горы со стороны Кеша... Шахзаде показалось, будто сам Бог-создатель, украшая этот мир, с поразительной точностью по законам красоты расставил все по своим местам.

Справа от дороги, у скалы, похожей на двух бойцовых барашков, что круторогими лбами упирались друг в дружку, они немножко отдохнули. Эх, как многое напомнила ему эта скала. И сколько «барашков» сгинули тут, сойдясь в мертвой схватке. Увы-увы! Смогут ли люди когда-нибудь объяснить этим самовлюбленным созданиям, сколь печальным может быть их конец? Да разве не будет лучше для этих «бойцов», если они не будут упрямо упираться лбами, но попытаются объединиться?

Когда достигли перевала на зарашанской горной гряде, был уже полдень. Чистый прохладный горный воздух... Шахзаде охватило редкое чувство полного покоя. Каждый раз, отправляясь в путь из Самарканда в Кеш, он с нетерпением ждал, когда же достигнут перевала. Оттуда открывался удивительный вид на долину. В этой точке он спешился, подбирал себе место, обычно где-то с левого края горного «седла», и молча, спокойно и безмятежно наслаждался открывшимся ему видом. Завороженно наблюдал за водой, что водопадом изливалась с вершины горы. Смотрел на бескрайние равнины, уже покрытые слегка желтеющей порослью, горы, что высились с южной стороны. А те, вдалеке, никого не стыдись, среди бела дня целовались с небесами.

Взгляд его упал на зелёный сад слева, огороженный высоким каменным забором. Хотел показать его Согинч-ханум, но она, очарованная увиденным, не в силах была оторвать взгляд от невероятной красоты и беспрестанно восклицала:

– Вот это да! Посмотрите-ка на эти горы! А какие же тут скалы причудливые! Как ясно безмятежное небо! Боже, какая красота, как же тут красиво! Вот бы нам крылья, да и полете-е-е-е в небесную синеву... В объятия неба. Присели бы мы прямо вон на то облачко, что висит на вершухе высокой горы, видите?

– Обязательно полетим, моя принцесса! Конечно же полетим! Даже стоя на земле, все равно сумеем полететь, да ещё как сумеем! Разве вы и сами этого не знаете?

В глазах его засверкали веселые искорки, и он стал нашептывать на ушко Согинч-ханум что-то очень для них важное... Принцесса, смущаясь, залилась румянцем. Хорошо ещё, Зубайда-бану стояла немножко поодаль и не слышала их разговора.

Такие тихие беседы молодых людей были по душе им. Ведь потаённый диалог двух влюблённых, подобно невидимым нитям, скрепляет души и делает податливыми сердца. Нет цены таким связующим звеньям.

– Да, действительно очень красивый сад, моя принцесса! – спохватившись, попытался на ходу поменять тему принц с таким видом, будто и не было только что между ними тихих перешёптываний.

– Ой, и правда, какой опрятный и ухоженный сад! – подыграла ему принцесса. – А давайте-ка мы туда заглянем.

– Ну да, мы миновали два таких прекрасных сада, так хотя бы сюда давайте заглянем, – присоединилась к ней подросшая Зубайда-бану. – Осмотрим там всё, прогуляемся.

Гостей пригласили в сад на сури¹, что стояли меж двух больших бассейнов. Женщины прошли на сури справа, покрытую толстыми коврами, поверх которых были разложены нарядные курпачи².

Не успели поприветствовать гостей и сесть за дастархан, как кто-то из садовников пришел с вестью, что на дороге со стороны Хорасана появился большой караван.

¹ Сури – деревянный настил для сидения.

² Курпача – ватное одеяло.

– Какой ещё караван? Почему точно не узнали? – рассердился Амир Аллахдад. И, поразмыслив, добавил: – Однако, если бы важный был караван, так нам обязательно бы известие пришло. Скорее всего это просто торговый караван, идущий из Рума в Хотан. Здесь таких караванов немало... Только вчера я видел большой караван из Индостана, направляющийся в Хотан.

– Караульные говорят, что это караван достопочтенной невестки самого Сахибкирана Амира Темура Курагана Ханзады-ханум. Они узнали его по монограмме над головой первого верблюда.

– Что-что? – подскочил на месте Мухаммад Султан, услышав столь неожиданное известие. – Что вы сказали, господин амир?! Вы сказали, сюда приближается достопочтенная невестка Сахибкирана сама Ханзада-ханум? Боже мой, так это же моя родная матушка! Уму непостижимо...

Все вышли на улицу.

И действительно, где-то на расстоянии ста шагов от них из-за поворота показался караван. Мухаммаду Султану сразу бросился в глаза знакомый голубой паланкин. Шахзаде и не помнил, как добежал.

– Матушка, мамочка! – повторял он, не в состоянии справиться со своим волнением. – Чувствовал моё сердце... Чуял я, что скоро увижусь со своей матушкой.

Паланкин Ханзады-ханум мерно покачивался на верблюжьей спине. Случайно бросив взгляд на дорогу, примерно в шестидесяти шагах она вдруг увидела человека, бегущего навстречу. Когда тот приблизился, её сердце замерло:

– Вай! Да неужто же это мой сын? Глазам своим не верю... Послушай, Ок! Посмотри-ка сюда, – обратилась она к Оккиз.

– Шахзаде-то сейчас ведь в Ашпаре, моя принцесса! Эх, если бы только это был шахзаде... – ответила Оккиз-бегим. Но, приглядевшись, она вдруг воскликнула: – Вай! А ведь вы правду сказали, моя принцесса! Это он! Давайте-ка мне подарок за радостную весть! Это ведь и впрямь наш шахзаде!

– Быстро вели караваншику, чтобы остановил верблюда и наклонил паланкин к земле! – распорядилась Ханзада-ханум.

Верблюд не успел наклониться к земле, как Мухаммад Султан оказался рядом. Она еще выходила из паланкина, когда он, низко склонившись, поцеловал подола её платья и трижды приложил его к глазам. А потом бросился в её объятия!

Неожиданная встреча матери с сыном была настолько трогательной, что даже у тех, кто случайно оказался свидетелем этой сцены, выступили слёзы на глазах.

– Мой дорогой сыночек, свет моих надежд! Сердечко моё, мой шахзаде... – повторяла Ханзада-ханум. Она старалась не плакать, но голос её дрожал.

– Любимая моя мама! Мамочка, родная! – взволнованно говорил наследник, положив голову на материнскую грудь. От нахлынувших чувств он беззвучно заплакал.

Согинч-ханум, стараясь оказать всё возможное уважение, склонилась перед свекровью в низком поклоне. Три невольницы придерживали её длинное белое платье. Наконец, и Согинч-ханум бросилась ей в объятия, и так, обнявшись, они застыли на целую минуту.

– Не плачьте, моя дорогая госпожа! Сам Аллах велел, чтобы вы встретились с сыном! Давайте-ка лучше возблагодарим его за такое благоволение! – старалась утешить Оккиз.

– Да, да, слава Всевышнему. Хвала Всевышнему! – кивала Ханзада-ханум, так и не сумев сдержать слёзы.

– Мамочка! Мамочка моя, отчего же вы не предупредили нас заранее? Почему не прислали гонца? – с огорчением спрашивал её Мухаммад Султан. – Как же так получилось? Я ничего не знал о вашем приезде, никакой весточки не было. Думаю, и Амир Сахибкиран тоже совершенно не в курсе... Ведь если бы знал он, так сказал

бы и мне. Как это так: почтенная принцесса едет сама по себе... Не удивлюсь, если получим мы выговор от Амира Сахибкирана. Все-таки встретили бы вас красиво...

– Так ведь вы же меня встретили, шахзаде мой! Разве недостаточно мне этого? – постаралась улыбнуться Ханзада-ханум. – Дитяtko мое, я сама приняла это решение. Не хотелось никого беспокоить... Потому-то нигде и не давала о себе знать, мой сыночек! Распорядилась ни шума, ни суеты не поднимать. А про вас думала, что вы в Ашпаре, поэтому, не желая сложностей, весточку и не подала...

Вскоре все отправились в сад.

II

В эту минуту перед ними возникла Туман-ока.

– Вот наконец-то наступил долгожданный день, когда мы с вами повстречались, моя принцесса! Вы что, с неба к нам спустились или появились из-под земли? О Всемогуший! Как там в Султании? Все ли спокойно? Как амирзаде Мираншах Мирза? Как другие принцессы?

Про себя же Туман-ока подумала: «Всё-таки невестка падишаха. И никто ничего не знал заранее о её приезде... Получается, появилась безо всякого предупреждения, тайком... неспроста. Что-то тут неладно...»

– В Султании все спокойно, хвала Всемогушему! Да, все здоровы, все нормально, спасибо.

– Вот и хорошо. Когда Амир Сахибкиран узнает о вашем приезде, будет очень рад!

– Да? Правда? – спросила Ханзада-ханум и подумала: «Вряд ли он будет мне рад. Ему теперь от меня только головная боль».

Из письма Оккиз-бегим Ахий Джаббар-бахадур узнал, что Ханзада-ханум приняла окончательное решение вернуться в Самарканд. И что и сама Оккиз-бегим сопровождает Ханзаду-ханум. Тогда он понял, что нет необходимости возвращаться ему в Султану. Как же ему быть? Поразмыслив, развернул он коня в сторону Термеза, поскольку караван хорезмийской принцессы должен был проходить именно там. Он торопился, неустанно подгоняя камчой коня... На берегу Джайхуна, у гузара Паттакесар, к величайшему удивлению Ханзады-ханум и огромной радости Оккиз-бегим он присоединился к их каравану.

Наконец, все вновь направились в сад.

– Матушка! Находясь два года вдали отсюда, мы ни разу не совершили паломничества к святым... – чувствуя себя очень неловко, начал объяснять свое появление шахзаде. Ну вот и собрались наконец, чтобы отдать дань уважения памяти наших отцов, дедов.

– Благое дело сделаете, сын мой ... Очень довольна я вами. Спасибо за добрые дела ... Я ведь тоже молюсь неустанно за души всех умерших...

Ханзада-ханум невольно вспомнила свое последнее паломничество в город Кеш, где посетила могилу Джахангира Мирзы. По обычаю, зашла в усыпальницу одна. Прижавшись губами к холодному камню, которым была выложена его усыпальница, осторожно провела руками по гладкой поверхности. Когда она там бывала, ей казалось, что дух Джахангира Мирзы витает где-то совсем близко, он будто смотрит на неё откуда-то сверху.

Вот уже двадцать три года прошло с тех пор, как его не стало. Усыпальница была такой же, как и тогда, когда её воздвигли. Стены, украшенные резными узорами, прекрасно сохранились, неподвластные времени. Ханзада-ханум посмотрела на потолок: там красовались всё те же слова: «Ал-окилу яятамиду ала амалихи, Вал-жохилу яятамиду ала амалихи». До чего же верно сказано: «Умный человек живёт в этом мире, полагаясь на свои собственные силы. Только недалекий человек будет жить пустыми мечтами!»

А как же сама Ханзада-ханум? Какая она: умная, или наоборот? Наверное, даже задаваться таким вопросом, мучаясь в поисках ответа, было свидетельством некоего ума. Однако она чувствовала, что силы её иссякают.

Мухаммад Султан подозвал к себе кого-то из слуг:

– Немедленно поезжайте в Куксарай и доставьте Амиру Сахибкирану известие о скором прибытии принцессы мира в Самарканд!

– Будет исполнено!

– Мой шахзаде, – попыталась остановить его Ханзада-ханум, – заранее известить, конечно, хорошо. Однако стоит ли беспокоить Его величество Сахибкирана? Не лучше ли будет оповестить Её величество Сараймулькханум? И ещё. Может быть, в качестве посланника нашего не кто-то из слуг, а Ахий Джаббар-бахадур поедет?

– Да-да, самое лучшее – сперва встретиться со старшей госпожой, – поддержала её Туман-ока. А сама подумала: «Какая-то тайна есть в этом неожиданном визите, какая-то недобрая, неприятная тайна. Да-а-а-а... от Мираншаха Мирзы всего можно ожидать. Поэтому на всякий случай лучше бы первой узнала махди улё...»

Глава шестая

I

Амир Темур всерьез готовился к китайскому походу. Он полагал, что момент для этого настал: в стране царил порядок; на южных, западных, северных рубежах все было спокойно. К тому же поход на Китай он планировал начать еще два года назад. Даже наместники, что направляются в провинции, были уже назначены... Как вдруг у его внука Пира Мухаммада Джахангира, правившего в Балхе, возникли сложности в отношениях с делийским султаном. Именно из-за этого давняя его мечта отодвинулась на второй план. На индийский поход ушел у него целый год.

После того как Сахибкиран наведалься проверить, как продвигается строительство мечети Джами, он вернулся в Боги Чинар. Прошёл в гостиную и тут же вызвал себе Амира ул-умара Джаханшаха ибн Жаку и Амира Сайфиддина-некуза.

Мысли его были о совещании в Куксарае. Ведь большинство присутствовавших на том совещании сидели храня молчание. Если уж откровенно, даже у тех, кто выступал, не ощущалось в речах настоящего вдохновения, порыва. И что же? Можно сделать вывод, что поход в Китай не является для салтаната судьбоносным делом? Или это только показалось Сахибкирану? Неужели же эти амиры не понимают, что с покорением Чина-Мочина слава Туранского салтаната вознесется до небес? Или же просто не хотят отрываться от насиженных и нагретых местечек? Да, и такие среди них, конечно же, есть, что не о салтанате в первую очередь думают, а о собственной выгоде! «Лишь бы у меня все было хорошо» – дальше этого они ничего и не видят.

Когда амир ул-умара вошёл в зал, Амир Темур, восседая на троне, беседовал с Амиром Сайфиддином-некузом, сидевшим скрестив и поджав под себя ноги на бархатной курпаче справа от трона.

– Ассаламу алейкум, Амир Сахибкиран. Уж не обессудьте и не взыщите строго за то, что опоздал, – сказал Джаханшах ибн Жаку с поклоном. – Просто я ничего не знал насчет этого собрания, пребывая в кишлаке Камонгарон, где выполнял ваше поручение. Там искусные мастера, прибывшие из Ахсикента, после длительной плавки дамасской стали начали изготавливать точные копии наших старинных боевых сабель, которые называли «миррихи».

– А внешне как выглядят те сабли?

– Весьма внушительно. Как вы и приказали, заточка идет по обеим сторонам клинка. Лезвие у сабель гладкое, зеленоватое, поверху блестит и переливается светло-серебристая вязь, настолько мелкая, что похожа на затейливый муравьиный

след. Первые тысячи уже готовы. Кто возьмёт ее в руки, из рук уже не выпустит. Такую саблю схватишь за рукоятку – и сам наливаешься силой.

Амир Темур внимательно смотрел на амиров.

– Потому-то и вызвал я вас. Если хотите, можете рассматривать эту встречу как совешание узким кругом. Было бы уместно получить мне сейчас от вас надлежащий совет...

Самые уважаемые амиры салтаната слушали его слова, склонив головы.

– Наверняка вы помните: когда мы захватили Дели, поручено было всех слонов, что оказались в наших руках, согнать в одно место. Тогда мы собрали стадо в сто двадцать огромных слонов. По одному слону подарили наследникам, часть раздали амирам. Двух слонов отправили в Тебриз Мираншаху Мирзе. Один слон отправлен к Ширвану Ибрахимбеку, его мы также сочли достойным такого дара. Пять слонов выделили для Герата. Наконец, примерно около ста из них прибыли в Самарканд... – Сахибкиран передохнул. – А если пойдём в китайский поход, какие дары мы принесем оттуда? Есть ли там что-то достойное нас?

– Да есть, наверное, Амир Сахибкиран, конечно же, есть. Китай, я слышал, богатое государство, – сказал Амир Сайфидин-некуз.

– Верно, все правильно! – включился в разговор Джаханшах ибн Жаку.

Оба амира переглянулись, понимая, что речь сейчас идёт не о подарках, а о том тайном смысле, который скрыт в словах Сахибкирана, но пока неясном им.

– Да не-е-ет, не за богатствами собираюсь я в Китай. Главная причина в том, что остались там мусульмане правоверные в горе и страданиях. Прибыло недавно из Чина несколько мусульман. Челом били о наш порог и донесли нам жалобы свои. Плакали сильно и молили Аллаха о том, чтобы побыстрее вложил он в души наши заботу о согражданах своих. Согласно сведениям, поступающим от осведомителей, новый фагфур – китайский император, недавно взошедший на трон, – притесняет мусульман жестоко, подвергает он их гонениям и ценит не дороже песчинки, невзирая на то что под боком у него государство наше могущественное – Салтанат! Вот какие неприглядные обстоятельства... Да разве можем мы спокойно смотреть на все это? Разве пристало это султанам страны мусульманской! Всемогуший Бог дал нам трон, дал могущество, дал силу и отвагу... Но вместе со всем этим, возложил на наши плечи задачу – заботиться о людях простых, о народе! И какой же ответ будем мы держать в судный день, а?... Довольно терпеть! Собрать войско и направить в те края! Спаси мусульман правоверных от бедствий – это обязанность наша. Ведь каждый раз, когда мы начинаем поход, это вызвано острой необходимостью. Потому что выхода другого нет, вот и приходится отправляться в дальние края, собрав войско. На все воля небес... – Взгляд Амира Темура был направлен на величественные Туркестанские горы, что возвышались в голубой дали и были видны в открытое настёж окно. Не отрывая от них глаз, он сказал: – Они еще не знают нас хорошо. А вот когда узнают, тогда будет поздно!»

– А... может быть, направить туда наших послов? Попытаться призвать фагфура действовать по совести, Амир Сахибкиран? – спросил Джаханшах ибн Жаку.

– Высокомерный и зазнавшийся фагфур не из тех, кто прислушивается к словам других людей. Хоть девять раз обратись к нему – пользы от этого не будет. К тому же, у правителей Китая старые счеты с падишахами Туркестана.

В этот момент в гостиную вошёл Мухаммад Чурага-дадхак. Увидев, что Сахибкиран взволнованно ведет разговор, осторожно присел на колени у порога. Так поступать он мог только тогда, когда приносил чрезвычайные известия... Во дворце это знали все.

Бросив на него быстрый взгляд, Амир Темур продолжал:

– ...Их претензии нам нужно искоренить. Чтобы перестали обращаться с нами, как с детьми, и прекратили относиться пренебрежительно. Китайским фагфурам все кажется, что туранские султаны им все время что-то должны... Постоянно требуют они с нас

дань! То пять скакунов породистых нужно отправить им, то десять скакунов... И откуда только берутся такие непристойные требования? Нет, тут надо поступать, как в той поговорке: «Вечно недовольному – битое корыто». Эй, господин амир ул-умара! Каждому вилайету¹, каждому туманату², всем бекам-тысячникам немедленно донести указ, чтобы собирали они как можно скорее многочисленное войско и были в полной боевой готовности... Барангарам и жарангарам³, пехоте и коннице, всем корпусам войска, службе и особое внимание – авангарду. Составить списки десятников, сотников, тысячников, наукеров – всех до единого! И чтобы ждали моих особых распоряжений...

– Будем ждать вашего повеления, Амир Сахибкиран! – ответил Джаханшах ибн Жаку.

«Возможно, осенью уже можно будет начать поход», – промелькнула мысль у Амира Темура.

Амирам, убедившись, что решение Сахибкирана твёрдое и непреклонное, стало ясно: жестокая и трудная война с Китаем неизбежна.

II

Мухаммад Чурага-дадхах почувствовал: наступил момент, когда ему дозвоительно молвить слово. К тому же, Сахибкиран пристально смотрел на него, будто бы нетерпеливо вопрошая: «Ну, что ты хочешь сказать?»

– Примите мои извинения, Амир Сахибкиран! – низко склонился Мухаммад Чурага-дадхах. – Осмелюсь донести до вас новость...

– Какая еще новость?

– В надежде я, что воспримете вы ее благодушно. Драгоценная и любимая всеми принцесса Ханзада-ханум прибыла из Султани...

– Прибыла? Когда?

– Вот уже неделю назад.

– А почему ранее о том нас не оповестили? Все ли в порядке?

– Но... почему же тогда Биби мне ничего не сказала? – сильно досадуя, спросил Амир Темур.

– Возможно, Её величество просто не успела вам сказать... – поторопился вмешаться в разговор Джаханшах ибн Жаку.

– А здоров ли Мираншах Мирза? И почему же он не известил нас? Почему не послал сюда заранее гонца? И с победой в индийском походе до сих пор не поздравил...

– То знает один только Аллах, да только он нас не извешает, – почтительно скрестил руки на груди Мухаммад Чурага-дадхах.

Амир Темур вдруг насторожился. Он был великолепным шахматистом, обладая способностью видеть всю доску целиком. Видел, что у соперника есть восемь различных вариантов. Делая один ход, он уже задумывался над другим, просчитывал последствия третьего, планировал четвёртый, делал прикидку на пятый, готовился к шестому, седьмому, восьмому...

Неужели же между Ханзадой-ханум и Мираншахом Мирзой возникли разлад и непонимание? Или из-за растущих рисков и угроз со стороны Египта, Ирака, Рума в их краях стало неспокойно? Ну, может быть, и не очень-то спокойно, но пока, по мнению Сахибкирана, ситуация не такая уж критическая. Конечно, есть у Мираншаха Мирзы своеволие. Это у него врождённое качество... почему-то часто предпринимает бессмысленные шаги.

Да... ведь если между его старшим сыном и родовитой невесткой пропало взаимопонимание, без всякого сомнения это знак, что в стране неспокойно, что в государстве нет ни порядка, ни мира. В такое время идти в поход на другие страны – это глубокое заблуждение. Надо же... ведь два года назад, как раз, когда

¹ Провинция.

² Туманы (туманаты) – подразделения в 10 тысяч человек.

³ Правый и левый фланги в войске.

собирался он идти на Китай, поход пришлось тоже отложить. И вот теперь опять, как только вознамерился он начать китайскую кампанию, неожиданный приезд дорогой невестки заставил его крепко задуматься. Неужели же китайский поход вновь будет отложен?

Действительно, о жизни бедной Ханзады-ханум ходили разные слухи... Люди судачили даже на базарах. Дескать, в доме Мираншаха Мирзы и хорезмийской принцессы постоянные ссоры да разлад, странное поведение амирзаде беспокоит людей. Говорили, как-то в гневе амирзаде даже поднял руку на принцессу, в ответ та в сильной обиде навсегда покинула Султаню. Захватив своё белое платье, обрызганное кровью, направилась к Амиру Темуру жаловаться на судьбу свою...

Многие относились к этим разговорам как к пустым слухам, а большинство даже не слушало, поскольку вокруг самого Сахибкирана, вокруг принцесс, амирзаде, вокруг дворцовой жизни, наместников и знати... постоянно плелись какие-то небылицы.

Сахибкиран трижды ударил в ладоши. Тут же явился придворный.

– Пригласи сюда старшую госпожу!

Сараймульханум, крепко задумавшись, машинально погладила свой красивый темный локон на правом виске. Несмотря на то что до неё доходили разговоры о незавидном положении Ханзады-ханум, что понимала она скрытый подтекст многих её писем, все равно она никак не ожидала, что знатная невестка так внезапно, не известив никого заранее, по сути, тайком прибывает в Самарканд. Тысяча мыслей, тысяча вопросов: «почему», «отчего», «зачем»... роились в голове Бибиханум, требуя незамедлительного ответа.

Подумав, Сараймульханум решила направить к супругу с таким непростым известием Мухаммада Чурагу-дадхаха. Всё-таки дадхah уже пообвыкся нести непростую ношу жестких слов Амира Темура. Вот пусть и примет первый удар на себя, смягчив таким образом хоть немного сложную обстановку...

Старшая царица, пред которой преклонялся весь салтанат, имея такую огромную власть, измучилась, осознавая своё бессилие и не имея понятия, как же ей выручить Ханзаду-ханум в этой сложной жизненной ситуации.

...Узнав от дадхаха неприятную новость, расстроенный Сахибкиран вызвал Бибиханум, дабы разузнать обстановку и посоветоваться, о чем и как вести речь, прежде чем встретиться с невесткой.

Старшая царица вошла... Красивые глаза покраснели, так глубоко была она опечалена...

Как же тут узнать, отчего она расстроена: может быть, оттого что не донесла вовремя известие о печальном состоянии хорезмийской принцессы Сахибкирану и получила строгое предупреждение?... А возможно, что наиболее вероятно, она расстроилась, увидев, как страдает частичка ее крови, близкая душа... что жизнь принцессы Ханзады-ханум – прекраснейшей из красавиц, – казалось бы, в самом цвету вот так безвинно и безраздельно погрязла в тревогах и муках... Это было неизвестно.

Продолжение следует...

Перевод Диноры Казимовой.

Динора КАЗИМОВА. Поэт, переводчик. Автор 3-х поэтических сборников и публикаций в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

Я могу скакать по звездам

СВЕТЛАНА ВДОВИНА

Я снова здесь, где правит бал жара,
Где ветру не бывать, где звонкое светило
По небу вскачь торопится с утра,
Как будто бы в ночи земля моя остыла.

Я снова здесь, где монотонность жил
Прервется тихой сагой каравана.
И зернышки зирь пыливо положил
Мне на ладошку продавец нирваны.

Я им давно больна – восточный этот чад,
Такой цветной и шелковый без меры.
И ты спешишь по нитям наугад
С шестом своей всегда стеклянной веры.

Вот только небо то же надо мной,
Чеканят век часы мои стенные.
И в мой ляган, расписанный судьбой,
Вплетаются орнаменты иные.

Светлана ВДОВИНА. Филолог, журналист, переводчик, дизайнер. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Автор пяти сборников, публиковалась в различных ташкентских альманахах. Живет на Крите.

Ох

* * *

Лучик и шорох иных лет
и необъятной земли пядь.
Я закольцую себя в свет,
чтобы запомнить, как кольцевать.

Я откажусь от своих дрём,
их поменяв на реал дум.
И после плат возвращусь в дом,
тот, что всегда приходит на ум.

Там я расставляю фиал чаш,
и занавесит окно тень.
И, отрестившись, моя блажь
гордо покинет земной день.

Этот порядок придет в ноль.
Лучше пути сквозь века нет...
Только вот ноет моя боль,
не замыкая в кольцо свет.

Уговариваю себя

Горло. Боль. Туман. Усталость.
Что осталось? Все осталось?
Вещи знают. Люди помнят
пустоту закрытых комнат.
Эту гулкость. Это эхо,
словно счастье человека,
заплутавшее в тумане,
позабывтое в обмане.
Убивающую жалость...

Нет, тепла большую малость!
Это просто боль, усталость.
Что осталось? Все осталось!

Ташкент становится снежным,
Уставшим от нелюбви.
Ташкент возвращает нежно
В большие ладони свои.
И снова тянется к небу
Деревьев белый излом.
«Как долго ты дома не был», —
Напомнит тебе твой дом.
И вечер в старинной раме
Окна, что глядит во двор,
Почти что вечности равен
И нужен мне до сих пор.
И, если пройти по свету,
Топча этот хрупкий снег,
Мой город простит и этот
Бессмысленный мой побег.

Ух ты!

Ой, порвАло, ой, прорвАло!
Я вослед ему махала,
Я все беды избывала.
Я не знала.

Только свет потянет к ночи,
Только Боже смежит очи,
Путь становится короче.
Аве, Отче!

Я могу скакать по звездам,
Мне полет бесценный роздан.
Мне так вечно. Мне так росно.
Мне не поздно!

Постфактум...

Вечера всем

Светлого вечера, окна бессонные,
Тихих цитат в многокнижие разума,
Свечи и звуки в ночи тихозвонные,
Славного прочего, верного разного.

Нерасплесканного счастья желанного,
Прочного быта, бытийного вечного,
Сна на подлете, плеча долгожданного.
Славного вечера!

СМЕРТЬ ФАРАОНА

Рассказ

АБДУХАКИМ ФАЗЫЛОВ

Дождевые капли, подгоняемые порывистым ветром, как иглы, впиваются в лицо поверх поднятого воротника. Небо который уж день было затянуто низкими беспросветными тучами.

И зачем я вчера смалодушничал и дал себя втянуть в эту малопонятную затею! Мне бы сейчас сидеть дома, в тепле, и обсчитывать вчерашние спектры. Вместо этого под сырым ветром тащусь на другой конец города. Шагая по лужам, я представлял, как вытянется физиономия шефа, когда в путаных выражениях я начну оправдываться перед ним: мол, в пятницу вечером позвонил полузабытый одноклассник с неожиданной и неотложной просьбой, и я, бросив обработку спектров, был вынужден заняться другим. Шефа я понимаю. Любой на его месте скривил бы физиономию. Кому охота упускать такой случай! Кристаллы ведь новые, недавно выращенные. Никто еще не получал на них лазерное излучение. Может быть, мы будем первыми. Тут главное не упустить время. Все в лаборатории это понимали и работали не считаясь со временем. А Эльдар выбил меня из этого ритма на несколько недель...

В пятницу, когда в пустынной лаборатории резко зазвонил телефон, я уже собирался уходить домой. Трубку поднял уверенный, что это мать снова напоминает мне об остывшем ужине. Но спрашивал меня незнакомый мужской голос. Это был Эльдар. Честно говоря, я с трудом вспомнил его. Мы с ним учились в параллельных классах, а после школы вовсе потеряли друг друга из виду. Я слышал, что он стал археологом и вечно пропадает в экспедициях.

После обмена обычными любезностями о здоровье, о делах Эльдар сказал: – Мне очень нужно встретиться с тобой и узнать твоё мнение по одному делу. Завтра выходной. Ты не мог бы уделить мне часа два?

– Завтра?... – я начал готовить отказ. – Прости, Эльдар, а нельзя ли это отложить на следующий выходной? На завтра я домой беру массу неотложных расчетов.

– Я не займу тебя надолго, может быть, и одного часа будет достаточно. После завтра уезжаю в экспедицию. А поговорить с тобой мне нужно обязательно.

Короче, Эльдар уговорил меня.

В кафе, где мы условились встретиться, он уже ждал меня в дальнем углу немногочисленного зала. Здесь было уютно, приятно звучала музыка. После

Абдурахим ФАЗИЛОВ. Родился в 1943 г. в Ташкенте. Кандидат физико-математических наук. Работает. зав. лабораторией «Солнечные Лазеры» в НПО «Физика-Солнце» АН РУз. Член Союза писателей Узбекистана. Автор 4 книг и более 80 научных статей и многочисленных художественных произведений.

приветствий он усадил меня и заказал кофе и напитки. Мы немного повспомнили школьные годы, одноклассников. Беседа наша не очень вязалась из-за того, что мне хотелось узнать скорее, для чего я ему понадобился. Он, кажется, чувствовал мое нетерпение, но почему-то не решался приступить к делу. Минут через пятнадцать я не выдержал и прямо спросил у него об этом. И тогда услышал совершенно неожиданный вопрос, с которого все, собственно, и началось:

– Как ты думаешь, когда люди в первый раз столкнулись с лазерным излучением?

Вначале я, конечно, опешил. Что за вопрос? Кто сейчас не знает об этом? Горы популярной литературы описывают историю создания этих приборов. Не шутит ли он? Но, посмотрев на Эльдара, я увидел, что он с серьезным видом ждет ответа. Мне ничего не оставалось, как повторить общеизвестные истины, начиная с наглядного толкования теории излучения Эйнштейна и кончая именами Нобелевских лауреатов, разработавших первые лазеры. В конце я не удержался и подчеркнуто сухо добавил:

– Неужели сегодня все это для кого-нибудь является секретом?

Эльдар внимательно выслушал меня и, никак не среагировав на последнее замечание, с прежней серьезностью сказал:

– Ты меня не понял. Я хотел узнать, первое ли это столкновение человека с лазерным излучением?

Это уже было слишком! Неужели он позвал меня сюда, чтобы морочить голову глупыми вопросами. Не зная, как ответить, я вдруг вспомнил о его профессии:

– А что, собственно, случилось? Археологи где-нибудь откопали самодельный лазер неандертальца, с которым тот ходил на динозавра?

Эльдар улыбнулся и не спеша закурил. Пламя зажигалки осветило утомленное лицо и отразилось во влажном блеске его глаз. Когда он заговорил, в его голосе я уловил заметное волнение. Было видно: он намерен сейчас открыть нечто сокровенное для него.

– Вижу, ты не воспринимаешь всерьез мои вопросы. Это понятно... Расскажу-ка я лучше тебе все по порядку. Слушай.

Прошлым летом мне крупно повезло. Представляешь, совершенно неожиданно предложили участвовать в археологической экспедиции в Египет. Вначале я даже не поверил. Такое счастье! Ведь берега Нила – это наша Мекка. Притом, экспедиция направлялась в святую святых египетских памятников – Саккару – древнейшее городище усыпальниц фараонов. А недалеко – останки их знаменитой столицы... Представляешь!

Так Эльдар начал рассказывать необычную историю. Она сразу захватила меня. От моего первоначального раздражения не осталось и следа, хотя я еще довольно долго не понимал – почему именно мне он рассказывает все это...

Оказывается, наши строители, буря пробные шурфы для сооружения какой-то ирригационной системы на Ниле, наткнулись на засыпанную песком древнюю мастабу¹. Экспедиции, куда направили Эльдара, предстояло откопать ее и провести необходимые исследования...

Рассказывал Эльдар увлеченно, то и дело отклонялся от темы, чтобы возторженно описать какой-нибудь другой древний памятник. Видимо, вспомнив о моем цейтноте и попросив прощения, он возвращался к сути, но через некоторое время все опять повторялось. Зато я как будто воочию видел обширные руины храма и ступенчатую пирамиду фараона Джосера, рядом с которыми проходили их раскопки... Белый песок, занесенный на ступени пирамиды и на

¹ Каменная гробница в виде усеченной пирамиды.

выступы храмовых зданий, создает впечатление, будто этот грандиозный комплекс на глазах всплывает из-под волн песчаного моря...

Экспедиция освобождала мастабу от наносов целый месяц. Люди работали воодушевленно. По вечерам усталые археологи подолгу сидели у палаток, разбитых у самого раскопа, и заворожено смотрели на внушительный силуэт полуоткопанной громады. Сидели, не включая транзисторы, боясь нарушить тишину веков, которая, как говорил Эльдар, казалась, исходит из недр мастабы...

Затем начался еще более захватывающий этап работы: предстояло проникнуть в мастабу. Устройство такого типа сооружений хорошо изучено специалистами. Поэтому они без особых приключений, но с большим волнением вступили внутрь каменной громады. К их великой радости, мастаба оказалась не разграбленной, как многие гробницы, разбросанные по берегам Нила.

Шаг за шагом археологи достигли погребальной камеры, где в центре квадратного помещения с высоким потолком находился огромный каменный саркофаг. По иероглифам на саркофаге они узнали, что находятся в усыпальнице неизвестного еще науке молодого фараона, жившего в конце четвертой династии Древнего Царства. Эльдар и его коллеги были первыми, кто вошел сюда после того, как свыше четырех тысяч лет назад здесь была оставлена мумия фараона. Можно понять их радость и удвоившийся энтузиазм.

Еще полтора месяца археологи работали в гробнице, опьяненные бесценными находками, изучали диковинные предметы, которыми была уставлена усыпальница. Им хотелось, чтобы каждый кусочек камня, дерева и металла говорил о той далекой эпохе. Делались бесчисленные зарисовки, снимки, слепки, копировались иероглифы с каменных стен.

Время шло. Все больше и больше проникаясь духом далекой древности, царившей в длинных коридорах и темных залах гробницы, члены экспедиции начали обращать внимание на некоторые непонятные обстоятельства, связанные с жизнью и... смертью молодого фараона. Вскоре стало ясно, что стоят они перед какой-то исторической тайной.

Действительно, во-первых, в скупых текстах, выбитых на саркофаге, с ошутимым злорадством говорилось о том, что фараона покарал бог Ра. Произошло это у входа в храм фараона Хефрена перед жрецами и большим скоплением народа. Другая надпись поясняла, что гнев бога Ра внезапно заставил запылать зловещим темно-красным светом священную змею на лбу фараона, и тот упал мертвым. На огромной глыбе, прикрывающей вход в гробницу, были выведены слова, как бы итожившие смысл происшедшего: «Всемогущий бог Ра покарает смертью каждого, кто даже в мыслях посмел лишить его обязательных жертвоприношений». Но что же все-таки случилось на самом деле, не верить же в конце концов археологам во «всемогущество» древнего божества?

Совершенно необъяснимым оставался и сам факт погребения фараона в Саккаре. Известно, что в период четвертой династии Древнего Царства гробницы строили в знаменитой Гизе. И, наконец, несмотря на внутреннюю роскошь, фараон был захоронен не в пирамиде, как подобало, а в мастабе.

И угрожающее пророчество, и последние два обстоятельства явно указывали, что здесь не обошлось без жрецов. Но сама внезапная смерть фараона... как объяснить ее?! Высказывалось множество предположений, но они до конца не убеждали даже самих авторов. Жрецы, по-видимому, сделали все, чтобы имя фараона было стерто из памяти людей, и, кажется, добились своего. Он даже не упоминался в хронологии Древнего Царства, которую вели в храмах.

Тем временем истек срок экспедиции. Сокровища гробницы были переданы представителям египетского правительства, как положено по международным

соглашениям, и экспедиция, упаковывая имущество, готовилась уехать из Сакары, ставшей для нее в течение этих месяцев окном в древний мир. Все были в общем довольны результатами раскопок, но с грустью осознавали, что остается нераскрытой важная деталь этой счастливой находки. Казалось, что фараон сквозь тысячелетия упрекает их за равнодушие к его трагической судьбе...

Голоса вокруг, звон приборов, музыка время от времени возвращали меня из знойных песков долины Нила в наше уютное кафе. «Все это, конечно, очень интересно, но причем тут я?» — думалось в такие минуты. Но все же рассказ Эльдара меня захватил. Что же дальше? Не зря же он оторвал меня от дел?

— Не знаю, как сильно мучила эта тайна моих коллег уже на родине, но я ни на минуту не забывал о ней, — взволнованно продолжал Эльдар после небольшой паузы. — И вот недавно я получил из Каира копию отчета специальной комиссии, обследовавшей мумию фараона. Что же говорится в отчете? Тело, как и во многих подобных случаях, оказалось сильно обугленным и частично разложившимся под постепенным действием большого количества благовонного масла, которым была залита мумия в саркофаге. И все же, отмечалось в конце отчета, несмотря на сильное почернение мумии, на лбу фараона... обнаружена еще более темная точка, диаметром менее миллиметра. И знаешь, что показали рентгеновские снимки? Пятно оказалось не поверхностным, оно уходило вглубь, на всю толщину черепной кости.

Эльдар возбужденно привстал и наклонился ко мне.

— В этом крошечном пятне на лбу, я уверен, и есть тайна смерти фараона! Я долго размышлял. И вот недавно, кажется, мне удалось восстановить полную картину гибели фараона — сценарий нелепой, но в то же время загадочной для древних египтян трагедии. Однако необычность версии удерживает меня от ее обнародования. Ты ведь знаешь, не в правилах науки делать поспешные выводы, а тем более превращать их в сенсацию.

Эльдар замолчал, переводя дыхание. Потом осторожно, стараясь, видимо, уловить мою реакцию, заговорил:

— Если наберешься еще немного терпения, я изложу тебе эту версию, — он чуть улынулся. — Тогда ты наконец поймешь, почему я рассказываю все это именно тебе.

Я поспешно кивнул и придвинулся к нему ближе.

— Однажды, когда лицо Большого Сфинкса, имеющего облик фараона Хефрена, еще не было разъедено песками и ветрами тысячелетий, как сейчас, — не без некоторой торжественности начал Эльдар, — он стал свидетелем печального события, разыгравшегося у его огромных каменных лап. С берега Нила к нему по знойным пескам медленно двигалась длинная процессия. Впереди в окружении свиты шел молодой фараон в царском одеянии. Оставив в стороне храм и пирамиду Хеопса, процессия остановилась перед сфинксом около входа в храм Хефрена. Огромная толпа, расположившись полуколем, замерла в терпеливом ожидании под палящими лучами солнца. Фараон в сопровождении жрецов и вельмож поднялся по ступенькам храма на большую террасу. Здесь он знаком руки остановил их и один исчез в каменном лесу четырехгранных колонн. В глубоком раздумьи фараон шел по узкой галерее. Наконец коридор вывел его в просторный зал. Косой свет проникал сюда через окна, находящиеся под высоким потолком. С дальнего края зала между двумя колоннами на молодого фараона спокойно и величественно смотрела сидящая на троне статуя Хефрена. Молодой фараон подошел ближе к своему могущественному предку и надолго застыл в молчании. Он мысленно говорил с ним...

После Хефрена в управлении страной перестала чувствоваться твердая и разумная правящая рука. Люди в основном были заняты пышными религиозными церемониями. Все богатство страны стекало в храмы, и жречество становилось

все менее управляемым. Молодой фараон просил благословения Хефрена на большие реформы в государстве, которые должны были ограничить жрецов.

Через некоторое время он начал «читать» в каменных глазах Хефрена одобрение своих намерений. Хефрен внушал, что его поддержит сам отец царей Египта – бог Ра.

С твердой решимостью фараон покинул покои Хефрена. Он вышел на залитую ярким светом террасу. Внизу на раскаленных песках его ждал народ. Отражая солнце, сверкали тысячи серебряных и золотых ладей, которые люди держали перед собой. Плоские лады, имеющие формы лепного серпа, символизировали корабль бога Ра на небосводе, служивший ему во время ночных битв с силами зла и тьмы. Ждали фараона и жрецы в своих сверкающих белых одеяниях. Они давно догадывались о его намерениях и, затаившись, ждали...

Прежде чем объявить народу о своих решениях, фараон обратился к Солнцу. Он опустился на колени и протянул руки к ослепительному светилу. Его смуглое лицо с закрытыми глазами, обращенное прямо к солнцу, будто погрузилось в поток света. Роскошный убор на голове фараона переливался всеми мыслимыми оттенками цветов. На лбу сверкала священная кобра – царственный знак, – выточенная из цельного куска благородного рубина. Все застыло в торжественном молчании.

Вдруг на мгновение священная кобра вспыхнула ярким слепящим багровым светом. Тишину прорезал негромкий, но глубокий стон. И все увидели, как после короткой судороги, охватившей все тело, фараон упал лицом вниз, раскинув руки, и остался лежать без движения.

Когда жрецы подняли его, сердце у него уже не билось...

Пораженные жрецы, сопровождаемые потрясенной случившимся толпой, в спешке унесли безжизненное тело в Мемфис. Наскоро оплавав, они похоронили фараона в скромной мастабе, поспешно построенной в Саккаре – давно уже не используемой долине гробниц. Народу было немедленно объявлено о том, что царь наказан богами за его еретические намерения. Так никто и не узнал истинной причины гибели того, кто почти за тысячу лет до знаменитого фараона-реформатора Эхнатона решил открыто выступить против жречества!..

Вот она – кульминация рассказа Эльдара!

– Тогда никто, никто, понимаешь, не мог знать, – возбужденно говорил он, снова наклонившись ко мне, – что руки искусного мастера, придававшие превосходному кристаллу розового рубина форму священной кобры, по воле случая довели камень почти до такого же совершенства, которого добиваются при шлифовке кристалла в рубиновых лазерах современными методами! Никто не мог знать, что «лазер», созданный таким образом, вдруг заработал на короткое мгновение... Повторяю, я уверен, что несчастный фараон был убит мощным импульсом излучения, вышедшим из розового рубина; этот импульс, пробив черепную коробку, поразил мозг.

Так человек впервые встретился с лазерным излучением около четырех с половиной тысяч лет назад и погиб от него!..

Эльдар замолчал. Молчал и я, пораженный таким неожиданным поворотом всей этой истории.

– Хочу узнать твое мнение как специалиста, – с надеждой в голосе вновь заговорил мой друг, – возможно ли было появление лазерного излучения при стечении обстоятельств, которые я тебе описал? Сам я в этом убежден. Но, прежде чем выступить перед своими коллегами, я решил поговорить со специалистом...

В зале громко грянула современная ритмичная музыка. Я оглянулся и увидел, что в кафе стало многолюдно, у эстрады лихо танцевало несколько пар.

– Эльдар, мне потребуется время и некоторые сведения, чтобы обдумать твое предположение... А сейчас меня интересует вот что. Кажется, ты в основном

разобрался в принципах действия лазеров и, наверное, знаешь: для того, чтобы лазер выдал смертельно опасную дозу энергии в виде излучения, его самого надо питать энергией, да еще значительно большей, чем он излучает сам. Но из твоего рассказа я так и не понял – что же питало рубиновую кобру фараона?

– Солнце, – с готовностью ответил Эльдар.

– Мне очень жаль, друг, но в таком случае необычная версия не проходит, – развел я руками. – Энергия светового потока, попадавшая на рубин при естественном освещении, никак не достаточна для того, чтобы кобра генерировала лазерное излучение, да еще такой мощности.

Но Эльдар оказался готовым к такому возражению.

– Ладьи, ты забыл про ладьи! Люди, сопровождавшие фараона, несли их огромное количество. Одна из табличек, найденных нами в гробнице фараона, гласит, что ладьи сверкали, как разбитое на тысячи кусков солнце. Даже если отбросить обычные для тех времен и для жреческого стиля преувеличения... Я думаю, что в тот роковой момент случилось почти невероятное – свет, отраженный от многочисленных ладей, оказался направленным на рубиновую кобру. Священная змея вспыхнула под действием этого потока. Это «загенерировало» лазер, испуская смертоносный пучок излучения.

Я понял, что Эльдара голыми руками не возьмешь.

– Объяснение остроумное. Ты меня окончательно заинтриговал этой историей. Но мне нужны точные сведения о форме рубиновой кобры, ладей и план расположения храма, где погиб фараон. Это возможно?

– Всё при мне. Вот необходимые чертежи и зарисовки. Пожалуйста, возмись за это дело всерьез. Встретимся недели через две. А завтра я уезжаю в Каракумы. Там нашли кое-что интересное для нашего брата. Как только вернусь, позвоню.

В течение нескольких дней я, несмотря на занятость, тщательно анализировал возможность возникновения лазерного излучения, которым мог быть убит фараон. И действительно, все говорило в пользу версии Эльдара! Ее величество случайность позаботилась даже об отражающих зеркалах лазера – о резонаторе. Его роль сыграли изящная золотая головка кобры и тончайшая золотая пластинка, которой змея прикреплялась к царскому головному убору.

Да, это вполне могла быть первая встреча человека с лазерным излучением! Я с нетерпением ждал звонка Эльдара...

Но он не звонил. Я ждал, предполагая, что какая-то очень интересная находка задержала его на раскопках дольше, чем он планировал. Потом не выдержал, навел справки и отправился к нему в институт. Там меня ошеломили вестью – Эльдар погиб. Он остался под большой массой внезапно обвалившейся на раскопки земли. Редчайший случай – и надо же, чтобы это произошло с ним.

Я долго не находил себе места. Ходил растерянный, не зная, что предпринять. Иногда мне казалось, что Эльдар на время появился из прошлого, чтобы рассказать мне эту историю...

С тех пор прошло немало лет. Я передал все материалы коллегам Эльдара, подробно изложил его версию о гибели фараона. Вскоре текущая работа целиком поглотила меня, и я постепенно перестал вспоминать об этой истории. Только иногда, в долгие дождливые дни, такие же, как тогда, я вспоминаю Эльдара и его рассказ о несчастном фараоне, жившем четыре с половиной тысячи лет назад. Задумываюсь о том, что вот мы очертя голову летим вперед, делаем значительные открытия, берем все новые и новые высоты. А между тем там, в далекой истории, быть может, остаются в забвении события, над которыми тоже стоило бы глубже задуматься. Тогда мы, возможно, по-иному подошли бы к решению многих наших сегодняшних проблем...

ЧЕРЕЗ ГОРЫ ВРЕМЕНИ

Абдухакиму Фазылову – ученому и писателю – исполнилось 75 лет. Полвека из них мы активно общаемся, обмениваемся мыслями, идеями и делимся творческими замыслами.

Этому помогают, конечно, техническое образование и интерес к достижениям науки. Я окончил Таллинский политехнический институт, а Абдухаким – Ташкентский политехнический и дополнил свою профессиональную подготовку стажировкой и защитой диссертации на звание кандидата технических наук в широко известной кузнице кадров высшей квалификации – академическом Физико-техническом институте в Москве.

Меня, родившегося на Западе – в маленьком прибалтийском государстве Эстонии, – с детства какая-то неведомая сила манила на Восток. Туда, где восходит Солнце. Абдухаким родился на Востоке, но и его также притягивало Солнце. Точнее, грандиозная цель – освоение его практически неисчерпаемой для человека энергии.

В моем творчестве с Солнцем заняли видное место многие репортажи и, конечно, книги. Они увидели свет на узбекском, русском, английском, арабском, фарси и других языках.

Абдухаким как ученый и писатель переведен и издан на английском, французском, немецком, арабском, польском, чешском, литовском, казахском, хинди.

Солнечная тематика в творчестве Абдухакима Фазылова заняла заметное место. Публикации для научных изданий – статья, в литературном творчестве – повесть и рассказ в жанре фантастики. Но это его коллегам по научной работе не мешало порою узнать себя. Скажу больше – некоторые фантастические идеи Абдухакиму удалось самому же и реализовать. Речь идет прежде всего о лазере на солнечной энергии.

Принцип такого устройства ученый предсказал в рассказе «Смерть фараона», а спустя тридцать лет сам же создал его на практике.

Это важное для науки событие произошло в живописных предгорьях Тянь-Шаня, где в конце минувшего века для Института материаловедения НПО «Физика – Солнце» Академии наук Узбекистана была построена Большая солнечная печь – уникальное в мировой практике инженерное творение высотой более 40 метров.

Важнейшая часть сооружения – концентратор солнечных лучей – представляет из себя гигантское вогнутое зеркало размером почти в половину футбольного поля. Главному зеркалу помогают собирать лучистую энергию расположенные перед ним амфитеатром 62 плоских зеркала-гелиостата. Они в течение дня, как подсолнухи, поворачиваются за Солнцем и отбрасывают зайчики на гигантское зеркало. Оно и концентрирует в своем фокусе лучистую энергию мощностью до миллиона ватт!

В этот ослепительный «ад», представляющий из себя огненный клубок диаметром почти сорок сантиметров и температурой до 3 500 градусов по Цельсию, Абдухакиму Фазылову с коллегами удалось поместить

экспериментальный лазер, надежно защитить его от перегрева и получить узкий пучок света.

Сделать такое было совсем непросто. Не буду вдаваться в подробности. Главное – эксперименты доказали: превращение солнечного излучения в мощное лазерное происходит.

Наиболее перспективная область применения этого открытия – солнечные энергетические станции на земной орбите, где сила излучения Солнца в 1,5-2 раза более мощная. Там, за пределами атмосферы, не будет проблем со строительством огромных концентраторов лучей, ведь учеными уже разработаны технологии изготовления их на основе легчайших полимерных пленок. Их предусмотрено покрывать тончайшим слоем металла – отражателя солнечного света.

Солнечные энергетические станции уже в недалекой перспективе, мечтает Абдухаким Фазылов, расположатся на стационарных земных орбитах. С высоты порядка 36 тысяч метров над поверхностью нашей планеты, где Солнце не «садится» и не «всходит», и станет возможным круглосуточно передавать лазерным лучом на приемный пункт, например, в пустыне Кызылкум, мощный поток энергии.

Уместно напомнить, что лазер, как и многие другие изобретения, вначале изобрели писатели-фантасты Герберт Уэллс и Алексей Толстой, а реальностью он стал лишь 1960 году.

Мне остается пожелать Абдухакиму Фазылову равняться на классиков, всегда быть бодрым и готовым к новым открытиям в науке и избранном им жанре – фантастике.

Анатолий ЕРШОВ

Секция русской литературы при СП Узбекистана, редакция и общественный совет журнала присоединяются к поздравлениям, желают юбиляру доброго здоровья, творческого вдохновения и активного долголетия.

ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ

Рассказы

РУСЛАН МУКСИМОВ

АГРОНОМ ИЗ ФЕРГАНЫ

Сентябрь. В Ферганской долине наступила самая прекрасная пора года – золотая осень, тихая, теплая, с безоблачным голубым небом. На горизонте видны горы, обрамляющие всю долину, с севера – Чаткальский хребет, с юга – Кураминский, а с востока и запада – Туркестанский и Алайский хребты. Долина, словно котлован, пронизанный многоводной рекой Сыр-Дарьёй, несущей живительную влагу на поля, где выращивается практически все.

Однако не все земли так плодородны, какими, казалось бы, должны были быть. Встречаются и так называемые обедненные почвы, бедные гумусом и питательными элементами, различные «смытые» почвы и солончаки. Потому было решено составить подробную почвенную карту региона и на ее основе разработать мероприятия по мелиорации этих обедненных земель.

Была создана бригада изыскателей, собранная со всех головных и региональных проектно-изыскательских институтов республики. Генеральной проектной организацией назначен был научно-исследовательский институт почвоведения и агрохимии Академии наук республики.

Сбор руководителей изыскательских бригад был созван в середине сентября в городе Фергана в региональном институте почвоведения. Изыскательские работы были назначены на сентябрь месяц, на конец сельскохозяйственного года. Изыскания должны были быть окончены к концу сухого сезона, то есть к концу октября.

Бригаде Анатолия Кузнецова, кандидата сельскохозяйственных наук, было поручено провести изыскания в Кувинском районе Ферганской области. В границы изысканий вошли четыре хлопкосеющих колхоза, один виноградарский колхоз и одно садоводческое хозяйство, которые были опытными хозяйствами института имени Рихарда Шредера. Бригаду определили на постой к Турсуну-аке.

Турсун-ака – заслуженный агроном, орденоносец. Он вывел много сортов плодовых культур, успешно их районировал. В его саду есть яблони, которым почти сто лет, высокие яблони – метров десять-двенадцать, – как чинары. Каждый год он собирает до четырех тонн плодов: яблок, груш, вишни, черешни, персиков.

После обеда, предварительно заехав на базар и набрав нужных продуктов, колонна тронулась в путь. В голове колонны ехал старенький москвичок Орифа, в его салоне рядом с Орифом сидел Анатолий, чтобы запомнить дорогу от

Руслан МУКСИМОВ. Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил ТИИИМСХ в 1979 г. по специальности инженер-гидротехник. Автор 20 научных статей и 1 монографии по вопросам мелиорации. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

районного центра до садоводческого хозяйства. Вокруг простирались поля хлопчатника, обрамленные проселочными дорогами, а вдоль этих дорог произрастали тутовые деревья, изредка встречались тополя или чинары.

– Понимаешь, Анатолий, все, казалось бы, хорошо, только вот жена у Турсуна-аки больно вредная, постоянно сует свой нос куда не надо, Турсуна-аку затюкала, все ей не так, все не по нраву. И тебя начнет учить уму-разуму, но ты не обращай внимания, – предупредил Ориф.

– Да ничего страшного, я постараюсь найти с ней общий язык, да и потом, надеюсь, что мы с ней не будем сталкиваться, будем рано выезжать, поздно возвращаться – ей будет не до нас, – сказал Анатолий.

– Да нет, конечно, я просто предупредил тебя, так, на всякий случай, – сказал Ориф.

– А в чем ее вредность? – спросил Анатолий.

– По всякому поводу, да и без повода тоже ворчит, лишь бы показать свою значимость, что в семье она главная, – ответил Ориф.

– Ну что ты хочешь, по-моему, все пожилые женщины становятся сварливыми, это нормально, – заключил Анатолий.

– Да какая она пожилая? Она лет на двадцать моложе Турсуна-аки, рядом с ним она как дочь. Когда молчит, ну, можно сказать, красавица, но как рот откроет – вся ее красота исчезает. Как-то при мне пристала она к Турсуну-аке, мол, что зря дома сидеть, пошел бы, мол, в нашу школу учителем природоведения: и школе хорошо, и ты при деле. Уговорила, однако его не взяли, сказали, что нет педагогического образования. Жена на время успокоилась...

– Может, в школе пошли навстречу Турсуну-аке – нашли веский довод, а Турсун-ака и рад? – спросил Анатолий.

– Да нет, в самом деле, как оказалось, не положено. Вот в Ферганском театре драмы работает известный художник-декоратор Нигмат Хасанов, ты, наверное, слышал о нем? – спросил Ориф.

– Нет, Ориф, не слышал, я вообще не театрал.

– Да нет, слышал, наверное, просто не помнишь. Его как-то в Ленинградский театр пригласили оформить спектакль «Бахчисарайский фонтан», как восточного художника-декоратора. За это оформление он премию какую-то получил, его и в Большой театр приглашали, он участвовал в оформлении какого-то спектакля...

– Вот теперь вспомнил, про него еще была передача по Центральному телевидению в программе «Культура», насколько я помню, он художник-пейзажист.

– Нет, пейзажи у него – это так, в свободное время. Хасанов в свое время окончил театрально-художественный институт, направление получил в только что открывшийся Сырдарьинский театр драмы, но решил в родном кишлаке поработать учителем рисования, ему пошли навстречу, вот так-то...

– Так он что, учителем рисования стал, что ли? Чокнутый... – удивился Анатолий.

– Чокнутый, но упрямый: ежели что задумал – будет идти до конца. Так вот его тоже не принимали учителем, мол, педагогического образования нет, но он договорился, и приняли его пионервожатым с условием, что окончит пединститут. Поступил он на вечернее отделение Ферганского пединститута и после окончания стал учителем рисования, однако первую четверть на его уроках обязательно присутствовали свободные учителя-наставники, вот такие вот строгости, – пояснил Ориф.

Пока колонна медленно двигалась, словоохотливый, всезнающий Ориф рассказывал о подробностях жизни Турсуна-аки. Анатолий слушал Орифа, не перебивая, хотя было видно, что Анатолию неинтересны местные сплетни.

– Турсун-ака очень увлеченная натура: все работа да работа, – говорил Ориф, найдя в лице Анатолия, как он полагал, благодарного слушателя. Он, мол, и кандидат сельхоз. наук, и известный селекционер, местный Мичурин, но вот о

личной жизни в свое время не подумал. В молодости в него влюбилась молодая студентка пединститута, сама ему призналась в любви, и сама его на себе женила. Все бы хорошо, – говорил Ориф не умолкая, – но только, как Турсун-ака вышел на пенсию, совсем состарился: зачем-то отпустил бороду, стал одеваться как восьмидесятилетний старик, хотя среди местных аксакалов он самый молодой.

Наконец колонна достигла садоводческого хозяйства и, минуя правление хозяйства, направилась прямо к дому Турсуна-аки. Знатный агроном встретил гостей радушно, угостил чаем и повел в глубину сада. Как оказалось, в его доме было два входа, один как бы парадный, главный, а другой – с тыльной стороны, из сада. В саду разместились довольно просторная летняя времянка, с летней кухней и складскими помещениями, небольшая баня и летний душ. Бригада по совету Турсуна-аки разместила свои приборы в складском помещении и расставила раскладушки под большой старой яблоней.

Начались обычные будни полевой бригады. В середине октября, как и ожидали, резко испортилась погода: небо покрылось свинцовыми тучами, и ближе к вечеру, когда бригада вернулась, закапал осенний дождь, который к ночи усилился. Свои раскладушки ребята перенесли во времянку под спасительную крышу.

Утром стало понятно, что о съемке не может быть и речи. Анатолий принял решение свернуть полевые работы, оставив лишь одно звено с опытным почвоведом. Остальные засобирались домой.

Турсун-ака, несмотря на дождь, как обычно возился в своем саду, сгребая опавшие листья в небольшие кучки, сбрасывая их слоями в заранее выкопанную яму, пересыпая перепревшим навозом. Было понятно, что он готовит компост для удобрения по весне своих плодовых деревьев. Начавшийся дождь заполнял компостную яму, уплотняя слои. Свободные от суеты сборов домой, водители решили помочь Турсуну-аке. Когда яма наполнилась доверху, Турсун-ака с помощниками стали присыпать компост землей, и в итоге получился маленький курганчик. В это время в дверях сада неожиданно появилась Миясар-апа, супруга Турсуна-аки, и без предисловий налетела на мужа:

– Ну кто же в этом месте, прямо посреди сада, додумался сделать этот могильный холмик, словно на кладбище, что же люди скажут? Никогда вы, Турсун-ака, со мной не посоветуетесь, все по-своему делаете, словно я пустое место. Надо было яму выкопать в углу сада, чтобы в глаза не бросалась, – стала сокрушаться Миясар-апа. Турсун-ака после слов супруги побледнел, губы его задрожали, руки затряслись. Он поднял свою лопату над головой и с криком «Убью!» кинулся на супругу. Миясар-апа попятилась, невольно выставив для защиты свой раскрытый зонтик, спиной уперлась в ствол большой яблони и громко закричала:

– Помогите, помогите, он меня точно убьет!

Один из водителей, Обит-ака, уже пожилой опытный полевик, отбросив в сторону лопату, встал между ними, обнял Турсуна-аку и стал уговаривать:

– Успокойтесь, Турсун-ака, нельзя же так.

На шум и крики из подсобки выбежала вся бригада. Турсун-ака попытался вырваться из объятий Обита-аки, но высокий, крепкого сложения водитель не дал ему этой возможности. Он спокойно, без особых усилий отнял у Турсуна-аки лопату и отбросил ее в сторону. Турсун-ака, поняв, что сопротивляться бесполезно, немного успокоившись, обратился к Анатолию:

– Толик, ты мой гость, хоть и молодой, но я понял, что ты мудрый человек. Вот скажи, пожалуйста, что этот учитель словесности может понимать в садоводстве? Вечно лезет своими глупыми советами в мои дела, все ей не так, все ей не этак. Что ей надо, что она от меня хочет в конце концов, я никак не могу понять?!

– Мне кажется, Турсун-ака, Миясар-апа, как женщина, просто хочет элементарного внимания с вашей стороны, а вы от своего сада никак не можете оторваться, – ответил Анатолий после некоторой паузы.

— И вправду, Турсун-ака, но нельзя же так. Уже наступила осень, ваш сад тоже хочет отдохнуть до весны, в том числе и от вас. Вон в городе повсюду висят афиши, в вашем драмтеатре премьера нового спектакля «Капитанша», аншлаги. Я читал эту повесть про женщину-узбечку, которая решила стать капитаном корабля и добилась своего. Водила караваны кораблей по Аму-Дарье от Термеза до Аральского моря. Правда билеты на спектакль уже все раскупили, но для вас с супругой всегда найдутся лишние билетки, вы же известный человек в округе, — предложил пожилой водитель.

Турсун-ака успокоился и обратился к Обиту-аке:

— Может, ты и прав, Обит. Да отпусти ты меня ради бога, все бока помял! Хорошо, хорошо, пойду-ка я сейчас в нашу цирюльню, приведу волосы в порядок, бородку поправлю, а завтра с утра поеду в город, может, и вправду билеты достану...

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Середина лета, конец семидесятых годов прошлого века. Небольшой полевой отряд Голодностепской гидрогеологической экспедиции проводил работы по бурению и обустройству сети наблюдательных скважин в южной части Голодной степи, прилегающей к Южному голодностепскому каналу (ЮГК).

Работа была достаточно сложной. Отряд проработал вахтовым методом почти весь июль, и в конце месяца вся сеть была почти окончена, осталось только пробурить и обустроить несколько опорных наблюдательных скважин большой глубины, но это отдельная работа, которая была запланирована на начало августа.

Начальник отряда Хамраев Аброр Косымович, опытный полевик, был поставлен в нелегкое положение: в этот полевой сезон в его распоряжение передали молодых специалистов, как говорится, необстрелянных. Они только окончили вуз и буквально «с корабля на бал» попали в ситуацию аврала. Было понятно, что к концу июля они почти выбились из сил. Стойко держались только механизаторы, водители и рабочие отряда, которые не первый год работали с Хамраевым. Заместитель его, старый опытный полевик Егменов Петр Сергеевич предложил устроить для ребят выходной:

— Завтра с утра, без трактора, никому не говоря, поедem в Ура-Тюбе, затаримся продуктами, спиртное возьмем, конечно: и сами расслабимся, и ребятам дадим отдохнуть.

— И что, предлагаешь прямо там, в Ура-Тюбе, расслабиться? Что-то не ты ты предлагаешь, — сказал Хамраев.

— Ты меня недослушал, Аброр Косымович, и сразу в бутылку лезешь. Нет конечно, затаримся и на двух машинах, наших вездеходах шестьдесят шестых, поедem дальше в горы.

Окой-Козым (старший из водителей) предложил другое:

— В горах, выше кишлака, есть узкое ущелье, посреди горная речка, а по краям утесы, природа, как в сибирской тайге.

— В середине ущелья есть небольшая поляна, там и можно будет сделать привал для отдыха. Что-нибудь сварганим. Днем температура в горах не выше двадцати, а ночью до десяти-двенадцати опускается, и ни одного комара. Ночью небо синее-синее, воздух чистый, а звезды, как ягоды гроздьев винограда, крупные. От Млечного Пути ночью светло, как днем, а ежели костер разжечь... красота, короче, — пояснил Егменов.

Рано утром отряд почти в полном составе, без рабочих, которые предпочли остаться дома в Янгигере, выехал в Ура-Тюбе, затарился и тронулся дальше в горы.

Выехав из города, автомобили медленно двигались по берегу горной речки, переезжая то на левый, то на правый берег. На довольно крутых склонах зелени становилось все больше, а широкое ущелье постепенно сужалось. Впереди, на юге, занимая полнеба, высились заснеженные вершины Туркестанского хребта. От небольшой речушки, пронизывавшей ущелье, веяло прохладой. Только правый

берег был освещен солнцем, а левый, казалось, все время находился в тени. Сидевший в кабине первого автомобиля, который вел Окой-Козым, Хамраев увидел впереди, на правом берегу от себя, широкую поляну.

– Кажется, мы приехали? – спросил Хамраев.

– Да, Аброр-ака, приехали.

Путешественники вышли из автомобилей, любуясь невиданной красотой диких гор, покрытых густой зеленью, причудливыми деревьями и кустарниками. Водители и механизаторы, не теряя времени, стали выгружать привезенные вещи и продукты. Окой-Козым на краю крутого утеса из больших камней построил два импровизированных очага: один для казана, другой для большого пятилитрового чайника. Один из механизаторов стал обустройства поляну, ловко приминая ногами высокую траву, затем расстелил большую плотную льняную скатерть, вокруг скатерти разложил матрасы и пригласил гостей присесть за импровизированный дастархан.

– Абдукаххор, это что за деревья такие вон там, на крутом берегу, березы? – спросил Егменов одного из механизаторов.

– Да, Петя-ака, это и есть березы, но здесь их называют ок-терек, потому что они тянутся к солнцу, высокие и напоминают тополя, – ответил Абдукаххор.

– Ну как, Аброр Косымович, нравится? – спросил Егменов Хамраева.

– Еще бы! Я предполагал увидеть что-то подобное, но такой красоты не ожидал. Надо же, у нас рядом под боком такие райские места! – ответил Хамраев.

– В самом деле райские места. Я как-то читал, что много веков назад арабы-бедуины после взятия Самарканда двинулись в горы по берегу реки Зеравшан и, увидев такую красоту, решили, что это и есть тот самый рай на земле, который они себе представляли, особенно, когда им навстречу попался чабан со стадом гиссарских овец. Гиссарские овцы здоровенные – воистину райские овцы, – сказал Егменов.

– А вон смотри, Петр Сергеевич, к нам тоже с гор спускается стадо овец, а на лошади – чабан, – заметил Хамраев, указывая Егменову на ущелье.

И в самом деле к ним приближалось огромное стадо овец, а посреди него возвышался всадник на белом коне. Рядом со всадником шел ослик, на сиде которого почему-то болталась... овца. Окой-Козым, увидев всадника, бросил свои дела и направился к нему. Всадник спешился и поздоровался с Окой-Козым. Тот пригласил чабана за дастархан. Чабан, подойдя к дастархану, скинул с ног, обуток в мягкие ичиги, кожаные кавуши. Хамраев с Егменовым встали с мест, чтобы поприветствовать неожиданного гостя. Чабан, которого звали Халил-додо, познакомившись с хозяевами, сел за дастархан, прочитал короткую молитву и только после этого спросил Окой-Козыма на хорошем русском языке, чтобы не ставить некоторых гостей в неловкое положение:

– Так, Козым, я вижу Абдукаххор разделяет говядину. Мясо брали на базаре в Ура-Тюбе?

– А где же еще, конечно в Ура-Тюбе, – ответил Окой-Козым.

– Да, смотрю на тебя, Козым, и не перестаю удивляться. Совсем ты испортился, работая в этой степи. Ты же знал, что на базаре в Ура-Тюбе говядина – это мясо не молодого бычка, а старой коровы, только городским годится. Кто же едет в Тулу со своим самоваром? Вон сколько мяса гуляет, а ты решил гостей негодной говядиной потчевать?

– Да где же я баранину нашел бы здесь, в горах? Вот вы, Халил-додо, разве продали бы мне овцу, все-таки колхозная? – парировал Окой-Козым.

– Ну почему нет, вон их сколько, кто считает? Да и каждый месяц списываем по двести овец как естественный урон, положено по инструкции, а у меня уж три месяца все овцы целы. Да, считай, тебе сам Бог сегодня послал баранину. Гляди, на ослике восседает принцесса, ногу сломала дура, убегая от молодого медведя, – ответил Халил-додо.

– Как от медведя? У вас что, и медведи водятся? – спросил любопытный молодой специалист Сардар.

– Конечно водятся, сынок, и не только медведи, – ответил Халил-додо.

– А почему, Халил-додо, вы решили, что это молодой медведь? – спросил Окой-Козым.

– Видно, что молодой. Взрослый медведь никогда в конце лета к человеку не подойдет, знает, что у каждого чабана берданка имеется. Да и псы могут его в клочья разорвать, а этот дурной оказался, видите ли, мяска ему захотелось отведать, а зачем, не голодный ведь? Сейчас в горах полно ягод, виноград дикий поспел, да и дичи, ежели что, с его-то прытью и ловкостью можно наловить, а он овцу решил задрать, да кто же ему даст? Псы мои его окружили, а он лапами отмахивается, рычит, вертится как волчок. Ну, я не выдержал, жажнул ему в задницу дробью. Правда дробь ему что комариный укус, но эффект выстрел произвел: побежал медведь от стада прочь. Псы – за ним, а он – на дерево, а раз на дерево влез, не разучился лазать, значит, только в этом году по весне от мамы своей ушел, молодой, неопытный... Теперь к человеку близко не подойдет, – заключил чабан.

После этого он окликнул, уже по-таджикски, молодого чабана, видимо, сына. Молодой чабан снял с седла овечку и принес ее ближе к очагу. Пожилой чабан ловкими движениями быстро освежевал овцу, снял с нее шкуру, внутренности, кроме печени, молодой чабан отнес подальше от очага и позвал собак. Изголодавшиеся псы, которых обычно чабаны кормят раз в несколько дней, быстро разделались с мясом и вновь помчались к стаду, которое продолжало медленно спускаться вниз, не обращая внимания ни на незнакомых людей, ни на машины.

– Ну ладно, отдыхайте, а мне разрешите откланяться, спускаемся на нижние пастбища, пока еще трава не пожухла, – сказал Халил-додо, поднялся с места, ловко вскочил в седло и тронулся в путь.

Когда стадо удалилось на приличное расстояние, Хамраев спросил у Окой-Козыма:

– Слушай, интересный человек ваш чабан, откуда у него столько знаний, да и на русском говорит прекрасно?

– О, Абзор-ака, Халил-додо был большим человеком. Он у нас в школе учителем работал: ботанику, зоологию, биологию преподавал. Потом стал директором школы, потом его в районо забрали, после этого – в Ленинабад большим начальником. Два года назад он снова вернулся в кишлак, говорят, с работы его выгнали, хорошо не посадили в тюрьму. Хотел опять учителем устроиться – не взяли, побоялись, вот он в чабаны и подался, – ответил Окой-Козым.

– Понятно, чистка партийных рядов Средней Азии и его коснулась. Хорошо, мы с Егменовым не партийные, нас эта участь миновала, – сказал Хамраев.

– А где Музаффар, что-то его не видно? – спросил Хамраев.

– Пошел прогуляться, полюбоваться здешними красотами, он немного странный: все один да один, редко о чем-нибудь говорит, больше слушает, – ответил Сардар.

– А вы, молодежь, что сидите, стариковские байки слушаете, идите тоже прогуляйтесь, заодно ягод наберите на компот, там, наверху, дикие яблоки поспели, кисловатые, но для компота в самый раз, – предложил Егменов.

Ребята словно ждали этой команды, подхватили два ведерка и пошли вслед за Музаффаром.

Меж тем «старики» продолжали готовить салаты из помидоров, расставляя тарелочки на дастархане. Окой-Козым принес в двух тарелочках шкварки из курдючного сала и тарелочку жареной печени, тут же появилась тарелочка с мелко нашинкованным репчатым луком, сладренным винным уксусом и, конечно, черным перцем.

– Так, Хамраев, пока нет молодежи, предлагаю по маленькой пропустить, закуска уже на столе, – сказал Егменов.

– Согласен, Петр Сергеевич! Окой-Козым, отставь свою шумовку и давай за дастархан с нами за компанию, – позвал Хамраев.

К компании «стариков» присоединился и Абдукаххор. После выпитого начался неспешный разговор ни о чем. В котле доходил зирвак, в очаге потрескивали дрова, в горной речке журчала вода, перекачиваясь по камням и глыбам, рядом на небольшом мангале готовился шашлык, и не только из баранины. Абдукаххор успел поймать на перекатах несколько маринков (местная разновидность форели) и тоже насадил их на шампуры. Приятный запах дыма от мангала дополнял ощущение райского наслаждения.

И вдруг неожиданно вернулись встревоженные молодые специалисты без Музаффар:

– Петр Сергеевич, Аброр Косымович, там медведь, медведь! – объяснил свое неожиданное возвращение перепуганный Саттор, ему поддакнул и Давронбек.

– Успокойтесь, успокойтесь ребята, какой еще медведь? Вы толком-то объясните, что случилось, – попросил Аброр Косымович.

Несколько успокоившись, Давронбек попытался объяснить:

– Понимаете, Аброр Косымович, – сбивчиво рассказывал Давронбек, – мы с Саттором пошли вслед за Музаффаром, поднялись, казалось бы, на вершину, а там небольшая долина, а вершина оказалась пригорком, там дальше горы еще выше, вокруг густой лес, хвойные деревья, кустарники боярышника, алыча желтая и красная. Набрали мы в ведерки, пошли дальше. Подходим к большой ели, а из-за нее вдруг медведь на задних лапах прямо на нас – и как зарычит! Ну, мы и назад, хорошо, с перепугу ведра не побросали.

– Хорошо, а где Музаффар, вы что, его не встретили? – спросил Егменов.

– Ой, нет, не до него было, – ответил Саттор.

С места вскочил Окой-Козым и спросил у Абдукаххора:

– А твой монтекрист с собой?

– В кабине, а что? – переспросил Абдукаххор.

– Доставай быстрее и пошли со мной, – ответил Окой-Козым и направился к своему автомобилю.

Оба водителя, как по команде, извлекли из-под сидений свое оружие и одновременно произвели выстрелы в воздух. Эхо выстрелов в глухом ущелье прокатилось как раскаты грома, и наступила тревожная тишина. Все с надеждой смотрели вверх, куда отправился прогуляться Музаффар. Наконец на верхней части отвесной скалы появилась его фигура с пластмассовым ведром в руке. Ребята, завидев его, замахали руками и что-то закричали. Музаффар стал быстро спускаться зигзагами, как бывалый слаломист, ловко перепрыгивая через камни и невысокие кустарники.

– Что-то случилось? – спросил он. – Устроили пальбу, чего я только не передумал, пока спускался, может кому плохо стало... Да нет, вижу, все живы и здоровы!

– Ты что, Музаффар, мы же о тебе беспокоились! Мы с Саттором тоже пошли вслед за тобой, а на вершине, у высокой ели, нарвались на медведя, еле ноги унесли, – пояснил Давронбек.

Отставив ведро, Музаффар спокойно направился к речушке, присев, тщательно вымыл руки, вытер большим платком, возвратился и присел за дастархан.

– Понимаете, друзья мои, я хорошо отдохнул, гуляя по горам. Набрал ягод для компота, да и сам понемногу все ягоды перепробовал, запивая ключевой водой. На вершине, понятное дело, от ягод живот скрутило, ну и присел я за елочкой. Сажу и вижу: Саттор с Давронбеком появились, идут прямо на меня, вот я и окликнул их: «Эй, эй!» А они почему-то развернулись и ну бежать от меня, только пятки сверкали, я даже удивился. Теперь мне ясно: они приняли меня за медведя, может, голос мой был громким, командирским и перепугал ребят, а медведя и в помине нигде не было! – спокойно, но язвительно, глядя на друзей, пояснил Музаффар.

Первым стал смеяться Егменов, поняв анекдотичность случившегося. Его громко поддержали остальные...

ОЛЕГ КОТЕНКОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮЩЕГО ПЕНСИОНЕРА

Рассказы

ЗАЛОЖНИК

Лето, воскресный полдень. На кухне Сан Саныча Рыбачкова стоит на столе запотевшая кружка с холодным пивом. За столом сидит хозяин и, глядя на кружку, рассуждает:

– Нет, вы только поглядите, пузырьки поднимаются снизу вверх, снизу вверх, и так быстро, стремительно – прямо соревнование устроили, кто первым окажется наверху, прямо как в жизни. Таких шустрых много, очень много, вон, аж пена из них образовалась и стекает лишняя, никчемная. Прямо как в жизни: лишний – за борт, лишний – за борт. Вот и я, только стал начальником – все заговорили: Сан Саныч, Сан Саныч, пенсионный, мол, возраст подошел, пора на заслуженный отдых. Хватит, мол, устали. Пора брать государству вас на иждивение, и пенсион какой-никакой обеспечен: радуйтесь, телевизор смотрите, кроссворды разгадывайте, в театр ходите – одним словом, культурно отдыхайте. Можете пивком безалкогольным побаловаться по воскресеньям. А я, может, еще ого-го руководить могу! – Немного помолчав: – Да, жизнь – это непредсказуемая стихия, суровая, но в то же время привлекательная. После разгула стихии обязательно наступает штиль, и ты оказываешься на пенсии. – Поднеся кружку ко рту, слышит продолжительный звонок в дверь. – Да кого это в такую жару принесло, утолить жажду не дают, чтоб их...

Открыв дверь, видит перед собой мужчину-инспектора с тетрадкой в руке, поглядывающего на панель, где установлен электросчетчик:

– У вас задолженность по электроэнергии, – называет сумму, от которой Рыбачков подпрыгивает и возмущается:

– Попрошу ваши документы.

– Вот, пожалуйста, смотрите, черным по белому написано: инспектор энергосбыта такой-то.

– Согласно указанной сумме моего долга расход электроэнергии должен соответствовать потреблению этой самой энергии большого адронного коллайдера. Здесь какая-то ошибка, – возмущается Рыбачков.

– Ошибки нет. Может, вы показания счетчика неправильно сняли или плохо посчитали, а может, воруете энергию? – с ехидством замечает инспектор.

Олег КОТЕНКОВ. Родился в Ташкенте. Окончил ТашГТУ. Инженер-гидроэнергетик. Работал в научно-исследовательских институтах. Неоднократно публиковался в периодической печати Узбекистана.

– Как вы смеете, я пожилой человек, меня с детства учили не воровать, я вообще ужас как боюсь электричества. А считаю я прекрасно, неоднократный призер олимпиад по математике. У меня даже почетная грамота сохранилась. Ваши слова оскорбительны, я начинающий поэт в третьем поколении... Какое неуважение! Вы что, эти цифры с потолка берете? Я буду жаловаться вашему руководству. Оскорбляют, понимаешь, достойного и уважаемого пенсионера!

– Хорошо, хорошо, покажите, пожалуйста, квитанции об оплате.

Рыбачков находит квитанции и подает инспектору, тот смотрит и недоуменно размышляет:

– Ничего не понимаю, вроде все оплачено. Выходит, компьютер завис или программа не отработана...

Так ничего не сообразив, инспектор удаляется.

– Произвол, понимаешь, устроили. Перед обедом нервы растянули и порвали. Appetit пропал. Кусок в рот не лезет, придется пивком его протолкнуть, – пригубляет пиво и морщится. Тыфу ты, гадость какая! Разве можно такое теплое пить в жару? Согрелось, пока я тут выяснял отношения. Место такому пиву в параше, – выливает содержимое в раковину. – Нет, пить такое пиво все равно что нюхать душистую розочку через противогаз. Все настроение испортил. Пойду прилягу, режим, брат, режим, – расстроено бурчит Рыбачков.

Через неделю происходит то же самое. Рыбачков, размышляя о пенсионных радостях и своем новом житье-бытье, слышит звонок, открывает дверь, видит юношу. В одной руке у него тетрадь, в другой – телефон, по которому он разговаривает. Закончив разговор, юноша заявляет:

– У вас задолженность по электроэнергии, – и называет точно такую же сумму, как и предыдущий инспектор неделю назад.

– Дежавю...

– Не понял, вы что-то сказали?

– Требую показать ваши документы.

– Я их в машине оставил.

– Послушайте, а вы кто такой и откуда взялись без документов, даже не представились, – возмущается Рыбачков.

– Я из службы судебных приставов, – называет район, не соответствующий проживанию Рыбачкова.

Тот бесцеремонно хватается юношу за шею, делает ногой подсечку, тянет на себя, и юноша оказывается в прихожей в кресле.

– Мастерство – это как ген: железом раскаленным не выжжешь. Спортом надо заниматься, спортом! Ну что, попался, мошенник? Меня на мякине не проведешь, оборотень без погон, – злорадствует Рыбачков.

Юноша пытается позвонить по телефону. Живцов отбирает телефон и кладет в свой карман. Берет с полки трубку домашнего телефона и набирает 02:

– Алло, милиция? Я поймал мошенника. Вымогал у пенсионера, то бишь у меня, Сан Саныча Рыбачкова, якобы за задолженность по электроэнергии. При этом документов не показал и к тому же не из нашего района. Высылайте наряд. Какую сумму? Большую. Нет, он не особо крупный, даже, можно сказать, маленький и худой. А, понял-понял, мошенничество в особо крупном размере. Что вы говорите? До десяти лет и по приметам подходит? Связать его? Хорошо-хорошо, обязательно свяжу, – связывает руки парня полотенцем. – Да-а, рыбу какую огромную выловил, можно сказать, монстра, оборотня без погон. Нет, явно премией наградят, а может, и медалью за отвагу. Повешу ее вместо картины прямо над тобой, оборотень худой. Да-да, над тобой, любоваться буду и подвиг свой вспоминать. Глядишь, и твой крутой телефон мне оставят в виде поощрения. У-у, как сейчас долбану! Сознавайся, с кем говорил

по телефону, с сообщниками? Говори, кто они и где их найти? Повторяю: адреса, пароли, явки! Чего молчишь? Языка, что ли, нет? Ну-ка, открой рот и покажи язык.

Юноша открывает рот и показывает язык.

– Ах ты подлец, еще смеешь на меня рот открывать и дразниться? Я тебе покажу! Не выводи меня из себя, говори, кто твои сообщники, где их найти?

– В прокуратуре, – огрызается инспектор.

– Так ты меня еще и прокуратурой пугаешь? Нет, вы только поглядите, хотел с меня три шкуры содрать, небось, автомобиль купить за мой-то счет, да еще и пугает. Так что же мне с тобой делать? Пытать буду. Одно досадно: инструментов для пыток нет. Хотя погода, погода, сейчас плоскогубцы принесу. Сейчас нос твой защемлю! – возмущается Рыбачков.

– Дяденька, у меня мама, она болеет, пощадите хотя бы ее. Узнает, что покалеченный, с сердцем плохо станет, оно у нее иногда покалывает.

– Вот те на, про маму вспомнил, а когда начал скатываться по наклонной плоскости и докатился до мошенничества, ее не вспоминал? «Дяденька», «дяденька»... Племянничек нашелся! Хотя мама – это святое. Ладно, уговорил, пытки отменяются. Небось, уголовный кодекс изучал, прежде чем идти на дело, ночами, наверное, не спал. Лучше бы математику учил, как я в твои годы. В школе наверняка двоечником был! Нет, дружок, не разжалобишь, я все равно из тебя признание вытряхну!

– Дяденька, мне тряска противопоказана, меня тошнит от нее, и голова кружится.

– Ах, ты еще и пьяница, небось, со вчерашнего похмелья? Молодой такой, а все туда же! Может, пива моего захотелось? Накось, выкуси, мне самому мало! – сует Рыбачков парню фигу под нос.

Послышались шаги на лестнице. Громко стучат в дверь и одновременно звонят.

– Ага, вот и милиция подросла, смотрите-ка, быстро как! Ну теперь держись, до 10 лет, не меньше, от звонка до звонка!

Несколько неизвестных гражданских лиц кричат, угрожают, а самый здоровый из них пытается прорваться в квартиру и освободить задержанного юношу.

– Не пушу, не позволю честь свою незапятнанную отдать на поругание. Я пенсионер, не имеете права вторгаться на мою территорию. Я заслуженный пациент нашей клиники. Ох, у меня сердце остановилось! Люди, помогите, бывшего члена КПСС убивают! – вопит Рыбачков, пытаясь вытолкнуть здоровяка.

Но тот застревает в дверном проеме. Сообщники тянут его к себе, Рыбачков – к себе. Огромный живот здоровяка пересекает ограничительную линию частной собственности пенсионера – порог квартиры.

– Ага, попался, да еще несанкционированное вторжение в мою собственность! Как я погляжу, у вас целая шайка, а это называется «организованная преступная группировка». Нет, голубки, десятью годами не отделяетесь! А я-то молодец какой, дверь свою модернизировал – поуже сделал, вот капкан и получил для оборотней беспогонных. Может, у меня экстрасенсорные способности на старости-то лет появились? Ну надо же, так предвидеть с дверью! Нет, вы только поглядите, а день нынче урожайный выдался на этих самых оборотней! На живца слетелись, на тебя, худой. Эдак моих стен не хватит для медалей-то за поимку мошенников, а премии посыплются как манна небесная. Придется мешком обзавестись, чтоб деньги складывать, да и подумать, на что потратить.

– Мы сейчас милицию вызовем... Ака, мы действительно судебные приставы при прокуратуре, групповой рейд проводим. Нас собрали из разных районов – так положено – выявляем злостных неплательщиков за электроэнергию и тех, кто не оплачивает, отключаем, – пытается урезонить его здоровяк.

– Опоздали, я уже вызвал милицию. А теперь документы покажите, – требует Рыбачков.

– Как покажу? Видите, застрял, – гундосит здоровяк.

– Ничего, эмчээсники бока-то твои бензопилой подрежут и освободят, а заодно и пузо подровняют. А что твой сообщник такой худой? Не похож на судебного пристава, да и документов мне не предъявил...

– Так он стажер, документы не успели ему подготовить, – поясняет ему здоровяк.

– И что, ежели стажер, так и кормить не надо? Вон одна кожа да кости остались, да еще и тошнит его, небось, от голода... Так покажет кто-нибудь документы?

Один из гражданских, стоя на коленях, просовывает голову между огромными ногами здоровяка и протягивает документ. Рыбачков пытается взять его в руки и прочитать.

– В руки не брать, не положено, так читайте! – предупреждает здоровяк.

– Так я таких документов на цветном принтере сколь угодно сделаю. Вот смотрел давеча телевизор, там все мошенники такие документы показывают. Не верю! Вот придет милиция, пусть сама разбирается, – а сам потихоньку достает из своих брюк телефон юноши и незаметно подкладывает ему в боковой карман рубашки, поглаживая его при этом по голове и приговаривая: – Худенький ты наш, поправляться надо! Ну ничего, в тюрьме откормят.

На лестничной площадке снова шум, громкие голоса. Здоровяка с силой вытягивают наружу. Появляется участковый милиционер:

– Участковый инспектор лейтенант Музарбаев прибыл по вызову. Рассказывайте, что здесь произошло.

Все одновременно, перебивая друг друга, объясняют.

– По одному, и не шумите так громко, ничего не понятно, – и показывая на здоровяка: – Рассказывайте все по порядку.

– Мы, судебные приставы, проводили групповой рейд по району и выявляли злостных неплательщиков за электроэнергию. А господин пенсионер, заслуженный пациент своей клиники, взял нашего сослуживца, юного стажера, в заложники, – торопливо доложил здоровяк.

– Он у меня еще и телефон отобрал! – добавил юноша-заложник.

– Какой телефон? Ты хорошо поищи, небось, спрятал куда-нибудь, чтобы меня оговорить, – притворно возмущился Рыбачков.

Заложник роется в своих карманах и находит телефон.

– Вот видите! Оклеветал меня, честного человека с добрым именем и твердой памятью, человека с незапятнанной репутацией, ветерана труда! Как вам не совестно! Я требую адвоката!

– Не надо адвоката, сейчас я вам и адвокат, и прокурор. Сан Саныч прав, что вызвал милицию, вы не показали ему документов, более того, вы из другого района... Он действовал по инструкции, вами же разработанной, – вмешался участковый.

– Пусть покажет квитанции по оплате электроэнергии, – потребовал здоровяк.

Рыбачков начал рыться в шкафу, нашел квитанции и подал здоровяку.

– Ничего не пойму, все оплачено, видимо, сбой в программе или же компьютер завис... – смущенно произнес тот.

Все молча засобирались и ушли, кроме участкового.

– Сан Саныч, согласно нашей инструкции, раз уж вы позвонили по номеру 02, я обязан составить протокол, вы в нем все подробно опишете. Протокол составляем на имя начальника РУВД, и не забудьте указать ваши паспортные данные, – обратился тот к Рыбачкову.

– Товарищ лейтенант, ну вы и голова! Не адвокат, а прямо-таки настоящий дипломат! Такой грамотный: быстро во всем разобрались и потушили пламя инцидента. Послушайте, а почему вы всё в лейтенантах ходите? А хотите, вас вне очереди повысят в звании? – восхитился Рыбачков.

– Хотите, хотите... Конечно хочу! Да и прибавка к жалованью не помешает.

– Тогда давайте свой протокол – я кое-что допишу, – Рыбачков торопливо дописывает и читает вслух: – «Учитывая оперативность и дипломатичность, проявленные лейтенантом Музарбаевым, пресекшим инцидент районного масштаба, который мог перерасти в драку с увечьями, пользуясь случаем, ходатайствую перед руководством Музарбаева о присвоении ему внеочередного звания старшего лейтенанта. Прошу также направить лейтенанта на учебу в институт международных отношений без вступительных экзаменов». Пойдет?

– Конечно, Сан Саныч, ну теперь точно присвоят, а то я что-то засиделся в лейтенантах. Большое вам за это спасибо! Обращайтесь ко мне по любым вопросам. Вот вам мой номер телефона, записывайте.

– Погоды, не спеши прощаться. Я хотел тебя спросить, а ты женат?

– Женат, и один ребенок имеется.

– А хочешь, чтобы твоя жена тебя больше любила?

– Да она и так меня сильно любит... Хотя не помешает!

– Не скажи, лейтенант, силе любви нет пределов! Сейчас я подарю тебе свой сборник лирических стихов про любовь, а ты на ночь будешь читать своей жене, и я уверен, она тебя в три раза больше любить будет! Проверено и испытано жизнью.

Он торжественно вручает сборник участковому, который по служебной привычке слышает фамилию на сборнике с фамилией в паспорте.

– Сан Саныч, так вы поэт? Потрясающе! Я восхищен! Никогда живого поэта не видел. Спасибо вам за драгоценный подарок, обязательно буду жене читать, и не только на ночь. До свидания, ака, здоровья вам и творческих успехов!

Участковый старательно раскланивается в знак уважения, прижав правую руку к сердцу, да так низко – того и гляди ударится лбом о стол.

– Не стоит, я от души, вы только поосторожнее, лоб не расшибите, а то травму при исполнении на меня повесят! Да-а... Ну дела, время обедать, а я из режима совсем выбился. После такого стресса и кусок мяса в горло не полезет. Пойду пивком его протолкну. Фу ты, гадость какая! Опять продукт испортил. Пить такое теплое пиво, да в жару самую – все равно что целовать любимую женщину через трубочку для коктейля. В парашу тебя! – выливает пиво в раковину. – Все, бросаю пить пиво от греха подальше, никакого прока, одни неприятности и убытки! Срочно перехожу на минералку, там тоже пузырьки имеются, – поддерживая участкового под руку, Рыбачков провожает его к выходу.

Через несколько дней у Рыбачкова раздался телефонный звонок и голос в трубке произнес:

– Сан Саныч? Вас беспокоят из службы судебных приставов.

Рыбачков растерянно пролепетал:

– А я что, я ничего, я не виноват, все делал согласно инструкции, вами же разработанной...

– Успокойтесь, пожалуйста, мы просто хотели предложить вам поработать у нас инструктором по физической культуре. Вы согласны? – произнес голос в трубке.

– Я подумаю, но пока понаслаждаюсь жизнью пенсионера, поеду-ка на рыбалку, нервы восстанавливать.

ВОСКРЕСЕНИЕ

И собрался на рыбалку «молодой» пенсионер, рыбак со стажем, душевный романтик Сан Саныч Рыбачков, который, как известно, отличался настойчивостью и твердостью характера. Рыбалкой он болел с детства, очень ею дорожил,

да и фамилия к этому обязывала. В компании рыбаков у костра на берегу озера или речки, он часто рассуждал:

– Да, мужики, рыбалка – это состояние души, способствующее тому, чтоб спокойно, без суеты подумать, собраться с мыслями, помечтать, порассуждать, поговорить душевно у костерка, ночным звездным небом полюбоваться. Да и рюмашку одну-другую пропустить перед ухой наваристой с дымком душистым и рыбкой жареной с хрустящей корочкой. Не это ли счастье? Не это ли праздник души?

В который раз компания во главе с Рыбачковым соглашалась полностью с предложенной им философией, отъехав от города за две с половиной сотни километров, пройдя бюрократический паспортный контроль, когда скрупулезно записывались все данные рыбаков (рыбачили в приграничной зоне).

И в который раз слушатели, они же постоянные компаньоны, они же пенсионеры, внимали с восхищением: Семен Исаакович Кацман и Юлдаш Гафурович Исмаилов.

Обычно в первый вечер у костра рассказывали байки о мистических гигантах – сазанах, шуках, сомах небывалых размеров, рыбах, сорвавшихся с крючка, или с порвавшейся лески. Но на этот раз то ли из-за магнитных бурь перед предстоящей непогодой, а может, из-за паники, нагнетаемой средствами массовой информации, которые постоянно бубнят: «Грядет всемирное потепление, уровень воды в океане поднимается, спасайтесь кто как может». Поддавшись общему психозу, компания спорила о страшных вешах – о времени, когда погаснет солнце и наступит конец света, что зависит от состояния бурь и пятен на солнце. Юлдаш Гафурович взял слово и предположил:

– Я думаю, лет эдак через четыре миллиарда.

– Что вы говорите, ради бога, не порите чушь! – возразил Семен Исаакович, специалист по политическим предсказаниям и неугомонный ветеран астрологических прогнозов. – Я твердо уверен, и вообще это даже где-то писали, что через пять миллиардов лет.

– А что делать, если всемирное потепление продолжит наступать на ледники твердой поступи? – вступил в разговор Сан Саныч. – Все живое на планете вымрет, начнется засуха, и все превратится в безжизненную пустыню. Придется начать переселение на полюса Южный и Северный.

– Ага, еще что, на полюса, там даже хрен не растет, хоть и влагу любит, а откуда влага, коль мороз лютый, тем более, что ядро земли начинает остывать, начнется похолодание, так что полюса не спасут, – предположил Юлдаш Гафурович.

Компания спорила так азартно, что вся поглощенная ими жидкость начала вскипать, пар изо ртов пошел, сердца бешено колотились и покалывали. Пришлось заглянуть в аптечку за успокоительными, а там, как на грех, вместо шкаликов, две большие таблетки сухого спирта для разжигания костра.

– А какой от них прок?... – с горечью и болью в душе простонал Сан Саныч. – Только что горят синим пламенем, душу травят, паразиты никчемные, аптечка бездарная.

– Нашел, нашел! – радостно закричал Семен Исаакович. – Аптечка со шкаликами в сумке, видимо, моя Розалия Моисеевна позаботилась о моем здоровье.

После принятия успокоительного рассказы возобновились, словно весенний ураган – не остановишь – и все больше о нашем светиле. В конце концов пришли к среднеарифметическому компромиссу, заключили мировую и дружно постановили: солнце погаснет через четыре с половиной миллиарда лет. За эту радостную, принятую всеми весть Рыбачковым был произнесен тост словами Маяковского:

– «Светить всегда, светить везде до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой – и солнца!»

Долго бы еще произносились тосты, журчащие, словно весенние ручейки, про жизнь, любовь и пр., только аптечка оскудела, а сон развел всех по постелям: Юлдаш-ака и Семен Исаакович отправились в палатку, а Сан Саныч, как всегда, в лодку на открытой воде.

Второй вечер у костра шел вначале по обычному сценарию: рассказы о пойманных рыбинах, сорвавшихся с крючка, о порвавшейся леске, но байки неожиданно прервал веселый, никогда не унывающий Юлдаш Гафурович, который попросил рассказать Семена Исааковича, как он разыграл свою жену и вообще о ней подробнее.

– О, моя Роза, мой шестипудовый бутончик. Вы представляете – решила худеть. Она категорически отказалась ужинать после шести часов вечера, но начинала завтракать после 23.00 по местному времени. А что касается розыгрыша – первоапрельской шутки – расскажу. Решил я в день юмора разыграть свою ненаглядную. Первого апреля встал рано утром и пошел якобы на рынок за покупками. Гляжу: молодая красивая женщина ведет свою белокурую, как куколка, дочку в детский сад. Сделав им несколько комплиментов, попросил разрешения сфотографироваться с ними. Они согласились. Селфи получилось прекрасным: слева стою я, посередине маленькая куколка с бантами, справа ее прекрасная мамаша – и все радостно и счастливо улыбаются. Фото по электронной почте отправил своему «бутончику» с надписью: «Доброжелатель со стажем». Сделав покупки, неторопливо возвращаюсь домой, предвкушая смех до упаду. Удивительно, в это раннее весеннее утро вся семья была на ногах, а не в постели, как обычно. Даже родственники со стороны жены были в полном сборе. По их лицам прочитал предстоящее начало войны. Столько всего я узнал о себе, что даже за две рыбалки не смог бы пересказать. А моя Розалия была просто в ударе и обнаружала редкостное знание географии... Куда она меня только не посылала! В такие неизвестные жаркие и холодные страны, о которых и слыхом не слыхивал и видом не видывал. Дело дошло до развода, однако каким-то чудом этого не произошло. После такого «смеха до упаду» первого апреля стараюсь не попадаться супруге на глаза и уезжаю на рыбалку. Но сейчас они у меня вот где, – показывал он на свой небольшой кулачишко. – Ходят по струнке, сдувают с меня пылинки.

– Что же такое произошло? – удивился Сан Саныч.

– А я им так культурненько, по-серьезному намекнул, что в случае непослушания, перепису к чертям собачьим завешание.

– А про бизнес, про бизнес ее расскажи, – попросил Юлдаш-ака.

– Боже мой, я вас умоляю, какой там бизнес, просто в ней проснулись способности предков – предприимчивость, сработал ген папаши, который был врачом. Вот и она окончила медицинский институт по специальности педиатр.

Большую часть своих пациентов записывала на прием накануне всевозможных праздников. Особенно «урожайным» оказывалось 7 марта. В результате такой предприимчивости комод ломился от всевозможных сервизов, хрустальных ваз, мелкой бытовой техники. Но это в прошлом, сейчас она, как и я, на пенсии и у нее новое хобби – разводит цветы и постоянно нежно и бережно переносит их с одного подоконника на другой. Но не потому, что она их так любит, а потому, что боится разбить хрустальные вазы, в которых их разводит. Слушай, Юлдаш Гафурович, а ты-то поладил со своим соседом по даче? – поинтересовался Семен Исаакович.

– А, с этим таможенником, который оттяпал часть моего участка? Нет, поверьте, я с ним даже не ругался, не в моем стиле ругаться с соседями, даже не говорил, чтобы жил он на одну зарплату. Я просто пожелал ему, чтобы камеры слежения стали его постоянными спутниками жизни. И не знаю почему, но он как-то сильно занервничал и перестал со мной даже здороваться.

Разговоры на этом иссякли, аптечки опустели, и рыбаки дружно улеглись спать. Сан Саныч, как всегда, в лодке.

Третий вечер прошел без костра, так как спирт для разжигания закончился. Решено было серьезно заняться вечерней и ночной рыбалкой. Семен Исаакович и Юлдаш-ака с берега, а Сан Саныч с лодки. Забросив удочки и слегка покачиваясь на волнах, он с надеждой поглядывал на мертвый поплавок, пытаясь силой мысли реанимировать его. Не забывая при этом с небывалым наслаждением вдыхать чистейший воздух, наполняя свои легкие как воздухохранилище для будущего использования его в загазованном городе.

Видимо, мощь мысли была настолько велика, что поплавок слегка задрожал, затем заплескал и резко ушел под воду. Подсечка, осторожно выводишь и золотистый красавец сазан плюхается в садок. Вечерний клев, как никогда, был просто восхитительным, улов небывало обильным, то и дело с берега доносились радостные возгласы.

– Поймал, поймал, просто бешеный клев!

Оживший поплавок, схватка с рыбой, наслаждение прелестью окружающего мира, душевная безмятежность, стаи диких уток, гусей и белоснежных лебедей, парящих в лазурном небе, и тишина... Тишина приводила в неопиcуемый восторг!

– Это ли не счастье и успокоение души? – рассуждал Сан Саныч.

А солнце медленно, но уверенно опускалось за горизонт, закрывая за собой ставни осеннего дня, показывая всем своим видом, что оно устало и хочет отдохнуть. Ночь тонким темным покрывалом нежно накрывала землю, не забывая при этом зажигать ярко сияющие звезды. А на глади озера, словно в зеркале, отражался их мерцающий свет...

Удобно устроившись в лодке, оказываешься между звездами и тьмой, словно межгалактический путник с надеждой ищешь свою звезду, звезду пленительного счастья... Сан Саныч, охваченный восторгом созерцания этого прекрасного мира, не сознавая, что творит, встает в лодке и с упоением кричит:

– Земля, я нашел свою звезду и вернулся к тебе! Жизнь, ты прекрасна, я люблю тебя, люблю!

В знак солидарности в густых зарослях кустарника завывали шакалы, дружно закрывали утки в камышах, рыба заплескалась на поверхности воды, заглатывая живительный воздух, а рыбаки-компаньоны бурно и продолжительно зааплодировали, приговаривая:

– Сан Саныч – голова, сам не спит и нам не дает.

Тем временем на востоке забрезжило легкое зарево, разгораясь все сильнее и сильнее. Это луна медленно проплывала по небу, заливая спящую землю серебристым сиянием. Закончив путь, она опустилась с небосклона и исчезла. Все ближе подкрадывалось утро. Все ярче разгорался восток. Горизонт светился яркими розовыми бликами. Подул легкий нежный ветерок с востока. Отдохнувшее за ночь солнце гордо показало из-за горизонта. Родился новый день.

Никто не мог предположить, что после созерцания этой прелести и громкого признания в любви случится событие, которое невозможно не назвать трагикомическим. Трагизм его заключался в том, что в приграничной зоне, где рыбачили наши герои, обнаружился утопленник, которого срочно необходимо было идентифицировать. Для этого правоохранительными органами из книги регистрации, о которой упоминалось ранее, были составлены списки пересекших зону и отправлены по месту жительства участковым инспекторам. Тем надлежало обойти указанные адреса, убедиться, что люди находятся по месту проживания. Дело дошло до дома, где проживал Сан Саныч. Участковый полубопытствовал у жильцов:

– Где в настоящее время находится Рыбачков?

Те, недоуменно пожимая плечами, что-то невнятно бубнили. Из всего этого капитан Базарбаев понял, что Рыбачкова несколько дней никто не видел, никто не знает, где он.

– Все ясно, – уверенно произнес участковый, – он утонул.

Жильцы от сказанного были в шоке, кое-кому стало плохо. В толпе послышалось неуверенное:

– А по каким признакам вы определили, как выглядит найденный утопленник, может, это совсем и не наш Сан Саныч?..

– Все очень просто, – отвечал капитан, загибая пальцы. – Во-первых, он мужчина. Далее – у него две руки, две ноги и по пять пальцев, темненький, пухленький, с головой и ушами, большим курносом носом, а самое главное, Рыбачкова нет на месте проживания по указанному адресу.

– Ох, ах, эх, – запричитал Гафур Абдуллаевич, старенький пенсионер. Про таких говорят: «божий одуванчик».

– Ну вылитый наш Сан Саныч! – кто-то из женщин горько зарыдал.

– Одним словом, необходимо делегировать вашего представителя для опознания в пункт N. Да, и еще, не забудьте предупредить родственников, чтобы они приехали для погребения.

– Как же они приедут? Ведь дальше зарубежье, а билеты нынче дорогие, – грустно произнес Гафур Абдуллаевич.

Но капитан Базарбаев был настойчивым и очень находчивым, поговаривали, что однажды он участвовал в КВНе. Поэтому он произнес историческую фразу:

– А вы передайте, что усопший оставил завешание, тогда не только приедут, но и прилетят на крыльях надежды. Да, еще раз напоминаю, делегируйте вашего представителя для доставки тела соседа к месту проживания, но не позднее послезавтрашнего дня.

Срочно провели внеочередное собрание жильцов, но, так как все трудились не покладая рук, ног и головы и не могли покинуть свои рабочие места, выбор пал на Гафура Абдуллаевича, который неоднократно участвовал во всевозможных конференциях, собраниях, семинарах и даже, с его слов, был делегатом XXIV Съезда КПСС. Он пытался было взять самоотвод, но настойчивые жильцы категорически призвали, чтобы он не отлынивал от общественно полезных поручений. А бизнес-леди, она же по совместительству домком, посоветовала:

– Гафур-ака, если вы собираетесь дожить до 120 лет и попасть в книгу рекордов Гиннесса, больше двигайтесь!

А в это время счастливая троица пенсионеров, нарыбачившись, отведав душу, наломившись хрустящей рыбной корочкой, запасшись адреналином и насладившись общением с природой, решила возвращаться в родные пенаты. А как душе отказать, откажешь – себе дороже, она в любой неподходящий момент в отместку возьмет и тоже откажет. Поэтому наши рыбаки срочно засобирались, чтобы душе угодить. А Юлдаш-ака скомандовал:

– Алга!

За разговорами дорога показалась не такой уж и длинной. Подъезжая к городу, рыбаки почувствовали: чистый воздух, наполненный ароматами трав, тростника и водорослей заканчивался, начинался смог. Пришлось использовать остатки чистого воздуха в «воздухохранилищах».

Сан Саныч быстро развез своих друзей по домам и подкатил к своему гаражу. Пока разгружался, в гаражах поблизости, услышал громкие, возбужденные голоса, кого-то расхваливавшие, восхищенные восклицания:

— Ах, какой человек, просто замечательный, прекрасный инженер, на все руки мастер, а рыбак-то какой, в любой луже рыбу поймает! А дети! Дети души в нем не чаяли. И в футбол с ними, бывало, поиграет, на важные для них темы поговорит, пораспрашивает о делах в школе, об отметках, а если услышит про тройки, обязательно пожурит ласково, но настойчиво.

«Видимо, у кого-то день рождения», — предположил Сан Саныч.

Любопытство взяло верх, и он пошел туда, откуда доносились голоса. У входа стоял пустой казан с прилипшими к нему рисинками, залитый водой, чтоб отмочал.

«Судя по казану, видимо, давно празднуют», — установил Сан Саныч.

— Мужики, какой праздник отмечаем? Я в доле, вот вам и рыбки принес, давайте пожарим.

— А, ака, заходите, присаживайтесь, — грустно предложил один из присутствующих, с усталыми покрасневшими глазами. — У нас горе-то какое, не праздник, а поминки.

Сан Саныча от услышанного аж качнуло, он даже присел, как-то нехорошо стало, приподнятое настроение улетучилось.

— Так что случилось? Кого поминаете?

Все напряглись, наступила зловещая тишина, а по лицам и недоумению присутствующих было видно — хотят вспомнить, но никак не могут.

«Действительно, давно, видно, поминают, устали», — с сочувствием подумал Рыбачков.

Напряжение нарастало, но его разрядил повар, свеженький и молодой Ибрагим, неоднократный победитель соревнований по поварскому искусству.

— Ака, так вас и поминаем, вы же утонули... — недоуменно произнес он.

У всех мигом сознание прояснилось, осторожно, с опаской стали ощупывать «утопленника», убеждаясь, что перед ними не призрак. А он, ничего не ведая о своей кончине, был живехоньким, живее всех живых, сидел перед ними и недоумевал.

А тут некстати появилась баба Маня, жена одного из участников «поминок». За мужем пришла, а то что-то надолго, как ей показалось, затянулось траурное мероприятие. Увидев Сан Саныча живым и невредимым, набросилась на мужа:

— Паразит несчастный, пьяницы гаражные, живого человека похоронили! Как вам не стыдно!?. Оказывается, праздник у них, а ты, старый хрыч, уж какой месяц прошу полку на кухне повесить, у тебя все времени нет! А торчать в гараже время находишь...

И пошло, и поехало... И долго бы скандал продолжался, если бы виновник «скорбного» события все не разъяснил и тем самым не предотвратил инцидент мирового масштаба. Баба Маня мужа своего все же домой увела, а он, без вины виноватый, низко опустив голову, слегка покачиваясь от стыда, поплелся за своей половиной.

Сан Саныч отправился домой, встретил по пути своих маленьких друзей-футболистов, которые, завидев его, в панике, словно от бешеной собаки, разбежались в разные стороны, прятались за домами, мусорными баками, деревьями, чтоб спастись от «призрака», спустившегося с небес.

Первым у дома столкнулся с «призраком» Гафур Абдуллаевич, который, сообразив в чем дело, радостно бросился ему на шею и выдохнул:

— Живой, дорогой ты наш, как я рад, как рад, а то уж собирался ехать за твоим телом, путь не близкий, а меня укачивает в дороге до тошноты.

На радостные причитания старичка из квартир спускались жильцы, не скрывая своей радости и любви к «усопшему». Некоторые женщины даже свидания стали назначать, грозясь утопить в жарких объятиях и потоке страсти. А их

мужья, оторопев, разрешили им одно свидание в кафе – покусать мороженого или сходить в кинотеатр на дневной сеанс на первый ряд. «А вдруг понравится и попросится на последний?..» – промелькнуло у Сан Саныча. И, будучи человеком большой моральной устойчивости, сторонником здоровой и крепкой семьи, он от предложений дипломатично отказался.

Женщины как по команде хором начали рыдать, припав к плечу гордеца. Но Сан Саныч – голова: установил регламент – рыдать не более 15 секунд на каждом плече одновременно. А юные друзья, наблюдавшие за происходящим, убедившись, что перед ними никакой не призрак, договорились о проведении футбольного матча «Воскресение».

Даже соседская кошка, отпущенная на вольные хлеба и близко никого не подпускавшая к себе, потерялась о его ноги.

Успокоив присутствующих, Сан Саныч поднялся к себе в квартиру. И, как всегда после рыбалки, наложил маску на лицо: кислое молоко смешал с мукой до густоты, добавив горстку дрожжей. «Негоже шеголять с черной обветренной физиономией», – подумал Сан Саныч.

Дрожжи-трудяги делали свое благородное дело: схлопывались небольшими пузырьками, массируя и отбеливая лицо. Блаженно откинувшись в кресле, убавив громкость, он поглядывал в телевизор и подремывал. То ли во сне, то ли наяву слышит, что кто-то робко, словно мышка, скребется в дверь. Проснулся, насторожился – действительно, в дверь тихо стучались, словно маленьким молоточком забивали канцелярские кнопки.

Посмотрев в дверной глазок, он обнаружил соседку, за ней стоял ее муж, бывший борец вольного стиля, озабоченный чем-то. «Ну, – думает Сан Саныч, – видимо, что-то понадобилось по хозяйству, а может, и в долг попросить пришли.

Он резко открыл дверь. Соседка, взглянув на его лицо, тут же упала в обморок. Хорошо, муж подстраховал, подхватив свою ненаглядную, заташил в свою квартиру, закрыв за собой дверь на два замка.

– Не понял, – недоуменно проворчал Сан Саныч. Его взгляд скользнул по зеркалу, висящему в прихожей. В отражении он увидел свою физиономию, с которой стекала его маска, как в фильме ужасов с давно разложившегося трупа. Он и сам, как соседка, упал в кресло. Пришлось выпить валерианы. Затем, позвонив по телефону соседям, он долго убеждал их, что живой и ныне здравствует.

К вечеру потянулись родственники из ближнего, дальнего и неизвестного зарубежья. На их лицах, как на листе бумаги, легко было прочесть радость и разочарование, оттого что оглашение завешания откладывается на неопределенный срок, известный только Творцу.

Чтобы уж совсем не огорчать приезжающих, Сан Саныч материально компенсировал их разочарование, но частично. От такого жеста доброй воли родственники из стран зарубежья еще ближе стали его щедрой душе – даже чаще обычного звонили, интересуясь его здоровьем.

Однажды ранним утром, будучи в отличном настроении, Сан Саныч, что-то напевая себе под нос, распахнул все окна и двери, как бы проветривая помещение, и громко процитировал великого русского поэта А. С. Пушкина:

*И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

Делающий неподалеку физзарядку будущий претендент в список рекордов Гиннеса Гафур Абдуллаевич, услышав слова великого поэта, радостно воскликнул:

– Вот мужика-то как распирает, того и гляди, душа из тела выпрыгнет! Нет, что ни говорите, но наш Сан Саныч – голова, видно, опять влюбился...

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

И решил Сан Саныч в третий раз жениться. От первых двух браков остались взрослые детки, которые оперились и начали плодиться. Быть одиноким он не привык, вот захотелось ему женской ласки, да и за домом чтобы кто-нибудь присматривал, готовил, прибирался. Правда, апогей, смерч его любовной страсти остался позади, лишь легкий ветерок вселял надежду. Но иногда этот самый ветерок превращался в бурю – не часто, один раз в месяц, и то не всегда. Материально он вполне обеспечен, работал главным бухгалтером, считал, так сказать, чужие деньги. Но иногда к его пальцам, один раз в квартал, прилипали денежные знаки в виде дивидендов, которые он сам себе начислял, не забывая при этом делиться с руководством. Одним словом, на хлеб с маслом зарабатывал и даже на красную икру хватало.

И встал перед ним очень сложный, сложнейший, можно сказать, вопрос: какого возраста выбрать жену? «Ежели молодую – не сдюжу, да и детей заводить на старость лет не к лицу, перед соседями неудобно...» А старую не хотелось. Всю оставшуюся жизнь будет пилить, зудить, плешь последнюю проедать, упрекать, что многоженец.

И вот пригласилась ему женщина средних лет, Анюткой величали. Все при ней: и личико такое беленькое, как снег свежеевыпавший, и на пальчиках перстни из нержавеющей стали, а в ушах серьги бронзовые, и на шее цепь огромная из меди, в косу сопля блестящая булавкой пристегнута. Одним словом, вся упакованная, поэтому и тратиться на нее не придется, прикинул главный бухгалтер. А главное, возраст подходящий, всего-то на двадцать лет моложе, но, правда, один недостаток имелся: она еще детей хотела, но Сан Саныч категорически отверг данное предложение:

– Ни в коем случае, хочу пожить немного для себя, да и твоего нужно на ноги поставить.

Было у нее маленькое увлечение – любила повеселиться с друзьями-подругами и родственниками своими многочисленными. Но Сан Саныч был непреклонно категоричен и поставил условие суровое такое, с жирным восклицательным знаком:

– Праздность свою ограничить! Любые возражения не принимаются!

И вот стали они чаще встречаться, приглядываться друг к другу. По вечерам, когда темнело, взявшись за руки, гуляли по набережной небольшого канальчика, где все гуляют. В конце концов Сан Саныч без памяти влюбился в Анютку и сделал ей предложение. Она долго терзала его жаждущую душу, не давая ответа, но в конце концов сдалась и тут же попросила в долг определенную сумму, пообещав дать расписку. Но Сан Саныч был очень внимательным, даже можно сказать дотошным в бумажных делах и, чтобы ее не обременять в написании таковой, сам составил расписку и передал Анютке на подпись, а она на радостях взяла и подмахнула, не глядя. А расписка была обычной, обычной не бывает. Мол, взяла в долг такую-то сумму, обязуясь выплатить четко в срок, который был небольшим и четко обозначенным. А затем мелкими такими буквами: «В случае неоплаты в указанный срок, согласна на пеню в размере 5 % от суммы долга за каждый просроченный день». А долг был, скажем так, небольшой, но и не малый. И эту расписку он заверил, как положено, у нотариуса, положил в банковскую ячейку и забыл про нее, а сам счастливо стал поживать со своей ненаглядной, нежной и веселой женой.

Проходит некоторое время, и чувствует Рыбачков, что как-то охладевает к нему его Анютка: буря ее любовной страсти начала угасать. И пригласил он местного частного нелегализованного детектива Ваську с водокачки и попросил, чтобы тот проследил за его ненаглядной.

Аванс выплатил сразу же (одну бутылку водки и два хвоста селедки пряного посола) и пообещал столько же по окончании расследования. Васька тот был очень исполнительным, ну просто очень: быстренько выпил, закусил и взялся за дело. Удача не заставила себя долго ждать. Углядел он, что Анютка якшается с олигархом местного разлива. Олигарх тот был генеральным директором приемного пункта по сбору макулатуры. И увидел детектив, как они прогуливались по набережной того же канала, где все гуляют. Дело было днем, а они, не стесняясь, взявшись за руки, улыбаются друг другу, целуются, а затем скрываются в направлении его офиса, где на полках были аккуратно выставлены отобранные из макулатуры произведения великих мировых классиков. Решили наши подназорные, так сказать, читки устроить для поднятия интеллекта, в общем, культурно так отдохнуть: с шампанским, закуской и книгами. Спрашивает олигарх:

– А ты что своему-то сказала, куда пошла?

– Как всегда, к портнихе, чтоб на твой, мол, день рождения блеснуть своими нарядами перед родственниками твоими. А чтобы он не отвлекался на всякие мысли дурные, попросила так ласково-ласково перебрать крупицу для каши – здоровой и вкусной пищи. И подала килограмм гречки, два кило риса и столько же пшена. Ты, говорю, такой внимательный – быстро справишься с этим непростым делом.

Узнал Рыбачков от своего прилежного детектива о похождениях своей женошки и устроил скандал, но так, чтобы соседи не слышали, чтобы, так сказать, не позориться перед людьми, перед окружающим его миром. Одним словом, шипел, как змей ползучий. А она, Анютка, взяла, да брякнула не подумавши:

– Не хочешь мириться с данными обстоятельствами – развожусь, меня олигарх мой безумно любит, веселую, задорную, и долг мой готов оплатить, не задумываясь.

– Хорошо, – прошипел супруг и подает ей копию расписки, подстраховавшись, чтоб не порвала.

А она, невнимательная, даже и не подумала порвать или перечитать ее, а быстренько побежала к своему новому избраннику. Тот был не в пример ей внимательным и грамотным – окончил десятилетку за пять лет, да еще шесть лет по малолетке от звонка, так сказать, до звонка...

Прочитал три раза, побледнел, за сердце схватился и упал со своего директорского кресла прямо на пол бетонный. Очнувшись, убежал куда глаза глядят, так сказать, по-английски, с Анюткой не попрощавшись. Чувствует она, что тучи суровые надвигаются: одна может остаться с ребенком своим, а может, еще и с прибавкой ожидаемой. Пошла к своему муженьку с головой покаянной, а он взял, да и простил, видимо, буря страстей его пришлось именно на этот покаянный день. А через некоторое время родила Анюта ему двойню, приговаривая тихо так, почти не слышно:

– Грамотный, ушлый, внимательный муженек-то мой, а до девяти считать не научился.

Восточные мотивы

ГАЛИНА РАХМАТУЛЛАЕВА

Не умираем мы, а, как морской прибой,
Приходим снова в мир – цветком, звездой, волной.
Нам суждено лишь вечное рождение,
Я знаю: смерти нет – есть временный покой.

Что ни даёт Всевышний – всё нам мало,
Мы забываем, где конец, а где начало.
И хоть вручат нам изобилья рог,
Всё ж, ненасытные, твердим, что это мало.

Скажите, как понять натуру человека?
Мы так себя ведём, как будто жить – два века.
Хватаем всё, сгребая, тащим в нору,
А жизнь идёт, увы, не в гору, а под гору.

И власть имущий, и блаженный нищий
Находят свой приют последний на кладбище.
Таков закон: приходим каждый бос и наг,
И в путь последний все уходим точно так.

Власть, золото, богатство и дворцы
Не унесли с собой ни деды, ни отцы.
Жить надо так, чтоб уходить с улыбкой:
Я жил не зря, жизнь не была ошибкой.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУз).
Канд. ист. наук, доцент кафедры узб. и рус. языков УМЭД. Автор ряда учебников,
учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей,
стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПСН (Москва).

* * *

Востока мудрость вспоминай, мой друг, почаще,
Сколь ни тверди: «Халва!» – во рту не станет слаще.
Бог весть куда влекут глупца желанья,
И только мудреца удерживают знания.

* * *

Как часто, завершив то или иное дело,
Трубим: какой я молодец, как действую умело!
При этом часто забываем мы о том,
Что для талантов человека нет предела.

* * *

В круговороте времени, планет,
Конечно ж затеряется наш след.
Богатым был ты или нищим –
Для вечности значенья вовсе нет.

* * *

Кто построил жизнь свою нездорово,
Годы раскидав налево и направо,
Плачет: «Юность, возвратись ко мне опять!»
Но не повернутся реки вспять.

* * *

Жизнь прожита и дням потерян счёт.
Но почему печаль мне сердце жжёт?
Задумалась: какой оставлю след?
Жизнь пронеслась – всё суета сует.

Мир прекрасен

Как мир прекрасен всё же
В своей весенней дрожи,
В осеннем золотоцветье,
В ташкентском жарком лете,
И в инея сверканье,
И в ледяном дыханье –
Творца каприз, усмешка!
А жизнь – сплошная спешка!
Во сне вздыхаю: «Боже!»
Как мир прекрасен всё же!»

Миг жизни

Что наша жизнь? Лишь миг!
Такой короткий миг!
Едва лишь звонким смехом зазвенит,
И тут же – раз – в зенит!
Блеснёт, заплачет светлыми слезами –
Тот миг – судьба, итог, экзамен.
Миг целый мир в себя вместит,
Ведь мир и миг – неповторимы,
Что ни свершай и что ни говори мы.
Вот почему мгновение и славлю, и кляню:
Всегда прекрасен миг – я у него в плену.

Русский язык

Мне речи русской ширь и краткость
Близки. Мне русский говор мил.
Моя опора, гордость, радость,
Моё окно в безбрежный мир.

За рубежом, в краю ли отчем
Все дали с ним недалеки.
Язык мой русский – переводчик
На все земные языки.

Цвети, мой край родной

Тебе, мой край родной – Узбекистан,
Мне хочется в стихах сложить дастан!
Но слабому перу как отыскать слова,
Чтоб пело сердце и кружилась голова?

Как в красках описать степей простор
И чистоту хрустальных наших гор?
Как словом воссоздать ритм городов,
Неповторимую неспешность кишлаков?

Простым как словом мне поведать вам
Про независимости годы, равные векам?
Как рассказать про славный наш народ,
Что избанным своим путём идет?

Как передать полнее слов узбекских вкус –
Такого слова, например, как «ор-номус»?
И надо ль говорить, что знает мал и стар
Значенье слов «навруз и махалля, хашар»?

Как рассказать, что здесь есть культ детей,
Культ славных предков, старцев, матерей?
Как можно без восточных пышных фраз
Писать о радуге волшебной – хан-атлас?

Смогу ль я, дилетант, при помощи лишь слов
Писать о море разноцветья тюбетеек, чапанов?
Как рассказать, что, будь ты сыт хотя б сто крат, –
Сведёт с ума лепёшки из тандыра аромат?!

И тут с небес раздался голос ласковый в тиши:
«Ты это не словами – просто сердцем опиши!»
А в сердце у меня один мотив, его твержу я вновь:
«Цвети, о край родной – Узбекистан, моя любовь!
Пусть кружит жизнь счастливых дней водоворот,
В веках будь славен, мой единственный народ!»

ЗАВЕЩАНИЕ

Рассказ

ФИРУЗ МУСТАФА

Эфлатуну и во сне не снилось, что однажды он встретится лицом к лицу со своим бывшим соседом Егором Михалычем в этом далеком глухом российском поселке. От этой неожиданной встречи оба на мгновение потеряли дар речи, а потом бросились друг другу в объятия, разревелись, как дети, затем начали, размахивая руками, говорить, о чем-то горячо споря, горя, захлебываясь, не обращая никакого внимания на прохожих, с удивлением наблюдавших за ними. Для окружающих, которые много лет работали на одном комбинате с этим полным и светлым человеком – Егором Михайловичем, – было поразительно, что он бегом говорит на каком-то совершенно чужом языке с непохожим на здешних смуглым мужчиной с черными волосами с проседью. Егор Михайлович говорил с незнакомцем громко, слова сыпались, как мука с больших жерновов мельницы, где он работал. Эти немолодые люди, юность которых давно миновала, шутливо, легко, непринужденно хлопали друг друга по плечу, словно дети, перекрикивая друг друга, как быки, бодались, толкались, потом снова обнимались и целовали друг друга...

Их детство и молодость прошли в одной деревне. Долгие годы Егор и Эфлатун были соседями, учились в одной школе, работали в одном колхозе. Егор – трактористом, Эфлатун – комбайнером. В старой молоканской (разновидность христианства, особая этнографическая группа русских) деревне дружба Егора и Эфлатуна была у всех на устах; на азербайджанских свадьбах оба пускались в пляс вместе со всеми, на русских, точнее, молоканских, торжествах ночами напролет веселились, иногда ссорились, а то и дрались. Жители деревни с любовью называли их «братьями-задирами». Но оба были людьми добросердечными, всегда помогали соседям и никогда ничего не требовали взамен. Поэтому о них говорили только хорошее...

Где-то лет десять-пятнадцать назад Егор Михайлович продал отцовское наследство в молоканской деревне и переехал жить в Россию. Как прощались в ту ночь до рассвета, – обнявшись, пьяные от водки и горя, плача детей и жен – Эфлатун не мог забыть долгие годы. Больше всех в тот день печалился Васим, старший сын Эфлатуна: в обеих семьях знали, что Васим давно приметил дочь «дядя Егора» Бэлу, красавица молоканка свела его с ума... Казалось, девушка тоже глаз положила на Васима. Но Егор Михайлович собирался уехать – значит не судьба. В Курске нашлись его родственники, обещали хорошую работу, крышу над головой...

Фируз МУСТАФА. Писатель, драматург, переводчик. Профессор, доктор филол. наук. Родился в 1952 г. Член Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана. Автор более сорока научных и художественных произведений. Лауреат премий им. Д. Джабарлы, Хумай. Зав. сектором драматургии Союза писателей Азербайджана.

После переезда два-три года друзья переписывались. Поздравляли друг друга с праздниками, посылали открытки, обменивались телеграммами. Позже письма и телеграммы прекратились.

Где-то лет десять назад Эфлатун, дав адрес друга одному знакомому, поехавшему в сторону Курска, попросил узнать что-нибудь о нем. А когда тот вернулся, сообщил, что Егор переехал в другое место – отдаленную область России, ни адрес его, ни место работы неизвестны.

Потеряв сына Васима (Васим погиб в автомобильной аварии), Эфлатун загорелся странным желанием уехать. В случайно попавшей к нему в руки российской газете прочитал, что богатый совхоз примет на работу опытного комбайнера; была обещана хорошая зарплата. Когда он сообщил об этом своим домашним, они взбунтовались. Но Эфлатун был настойчив. Дочери становятся невестами, скоро их нужно замуж выдавать. Ни денег, ни состояния у него нет. Взяв с собой удостоверение водителя, он собрался в путь...

Хоть и с большим трудом, но все-таки нашел адрес из объявления. После долгих расспросов Эфлатуна приняли на работу. Выделили совхозный деревянный двухкомнатный дом с маленьким двориком. Зарплату обещали платить зерном и деньгами.

С наступлением лета началась работа. Сейчас осень. Оплаты как таковой не было, но директор совхоза о нем помнил и каждый раз при встрече с Эфлатуном говорил: «Не переживай, все будет хорошо, в конце года весь твой труд оценим как полагается...»

Однажды в осенний дождливый день Эфлатун, выйдя из кабины машины, отвозившей зерно со склада на мукомольный комбинат, прогуливался у старого здания конторы и был удивлен, когда кто-то окликнул его по имени. Мужчина растерянно осмотрелся вокруг: полный человек, как огромный мельничный жернов, катился прямо на него. Господи, это был Егор Михалыч! Эфлатуну и во сне не снилось, что однажды он встретится со своим бывшим соседом и другом в этом далеком уголке России...

В тот вечер собрались в доме Егора Михайловича. Сначала Эфлатун всячески отнекивался от приглашения: все-таки это не молоканская деревня, а чужой, со своими обычаями и традициями поселок городского типа. Егор, рассерженно глядя на него, всю ночь начал упрекать и ругать его. На непонятном окружающим языке устроил настоящую головомойку Эфлатуну:

– Как, ты не пойдешь ко мне домой? Да кто ты такой, а? погоди, я сейчас вытрясу твою душу. Кажется, ты умом тронулся, да? Кажется, твоя морда соскучилась по кулаку, так? Клянусь, на этот раз я тебя так обругаю отборным молоканским матом, что мало не покажется. Здесь и без того не особо жалуют выходцев с Кавказа, дай только маленький повод для ссоры: намекну – увидишь, что будет... Может, есть желание попробовать, а? Ты по-хорошему не хочешь пойти ко мне? Если услышит Надя, считай, что ты покойник, она с тем обиходом семь шкур спустит. А ну-ка, пошел вперед...

После этого Эфлатуну не осталось иного выхода...

Надя, жена Егора, от радости будто на крыльях летала. И Бэла была дома, она растила двоих сыновей; похоже, что развелась с мужем. Все были опечалены сообщением о гибели Васима. Бэла тихо вышла в другую комнату, скорее всего, хотела побыть одна, поплакать...

– Да, господин Платон, – сказал Егор, поднимая полный бокал и называя друга старым именем, как много лет назад, – вот такие дела. Даст Бог, завтра переедешь из этого деревянного барака в дом своего брата, вернее, в свой родной дом. Иначе и не может быть, видишь, в том конце двора стоит еще один небольшой домик – он перейдет в твое распоряжение. Что, Михалыч умер, что ли, что ты должен жить в бараке? Надюша, принеси-ка скалку, я поколочу этого Платона, чтоб разум вернулся

в его пустую башку. Да, мой дорогой Эфлатун, за твоё здоровье. Уже год, как я не пью, хотел стать мусульманином. Как же не выпить за встречу с тобой?..

Бокалы наполнялись, бутылки из-под водки опустошались. Старые друзья, как в далекие времена, обнимали, целовали друг друга, били кулаками, хохотали до слез.

Вечер сменила ночь. Егор Михайлович во весь голос произносил тосты, размышлял о жизни и смерти, о сущности мира, все больше углубляясь в тему:

– Нет, ты послушай, Платон, что я тебе скажу... Уверю, мы выросли в другой среде. Ты бы видел, как много пьют здешние мужчины. Э, ты не смотри, что я так пью. Тебе же хорошо известно, наши пресвитеры – молоканские священники – ни капельки в рот не берут. Не то что пить, даже курение считается грехом. Другое дело они... еще не видел ни одного, кто сказал бы «напились, не буду»... Я давно уже не пью. А вот тебя встретил... Выслушай меня... Пусть и Надя заново послушает мое завешание. В соседнем поселке есть татарская мечеть, пусть меня похоронят по мусульманским обычаям. Молокане то же, что и мусульмане... Что, я не прав? Эй, Платон, как хорошо, что мы встретились. Дома каждый день о тебе говорили...

Друзья беседовали: рассказывали о тяжелой жизни, человеческом горе, поддерживали порой друг друга. Иногда между ними возникал спор. Почему-то критика Егором священников не трогала Эфлатуна.

– Михалыч, не кипятись, везде есть свои правила, законы. Ты прав, молоканский пресвитер отличается от других священников. Вы, молокане, тоже отличаетесь от русских. Так ведь? Ты считаешь, что русский человек пьет ради удовольствия? Нет, брат, многие русские пьют от страданий, да-да, от боли. Знаешь, нынче некоторые из наших давно перегнали русских по питью... Почему? А потому, что у нас предостаточно боли. Вот и я, думаешь, из-за чего в таком возрасте в такое время, оставив дом, семью, отправился скитаться? Ну иначе как назвать? Смотри: и я пью. И это ради наслаждения? Абсолютно нет. Все от мук.

Эфлатун воспользовался моментом, чтобы рассказать о своем завешании Михалычу.

– Егор... Глянь, Михалыч... Слышишь? Эти места далеко от моих родных мест. Вдруг со мной что-то случится... Жизнь – это и смерть, и рождение... Если настанет мой черед и я умру здесь, ты меня куда не отправляя, не расходишься. Времена трудные, Егор... Слава Всевышнему, если ты помнишь наши молитвы. Нет, даже если забыл, ничего страшного. Похоронишь меня по молоканским обычаям. Знаю, Егор, что происходит в твоей душе, думаешь: «Грех-то какой возьму на душу... меня же проклянут». Но это значения не имеет... Правда, Михалыч, религии разные... Но не забывай, Бог един. Только Бог может создать своих рабов, дать им жизнь и, когда ему угодно, отнять ее... Слушай, скажу еще что-то, Михалыч, пусть сестрица Надя тоже послушает, если умру...

– Перестань!.. Хватит!.. – Михалыч ударил кулаком по столу.

Бутылки из-под водки, зазвенев, покатились и упали на пол...

А двое пожилых мужчин, спорившие все это время, как дети, обнялись и расплакались навзрыд. Сейчас они были похожи на два старых, хрупких дерева, у которых срослись и переплелись ветки.

Надя, сложив руки, растерянно смотрела на них....

Перевод с азербайджанского Шахло Касымовой.

Шахло КАСЫМОВА. Родилась в 1964 г. в Ташкенте. Окончила финансово-экономический факультет ТИНХ (ныне ТГЭУ). Переводчик с узбекского и азербайджанского языков.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР КАК АБСУРД

Татьяна ОСИНА

Если окинуть беглым взглядом театральный реестр имён драматургов на ташкентском театральном небосклоне, то легко обнаружить драматурга-лидера по количеству постановок на театральной сцене последних двух лет. Это, несомненно, Н. В. Гоголь, он царит в драматическом пространстве столицы. Ещё не остыли премьеры «Ревизора» в Узбекском национальном академическом театре и в Государственном русском драматическом театре Узбекистана, ставшие заметным событием сезонов 2016–2017 гг.; успешно прошла проверку на прочность на фестивальной сцене «Балтийского Дома» в Петербурге весной 2018 года премьера в постановке главного режиссера Бахтияра Хамидова, получив благосклонный приём у российской критики и зрителя. Это неудивительно, Н. В. Гоголь вечен и актуален в любые времена. Так, из советских времен по-прежнему любим зрителем всех возрастов блистательный Хлестаков Андрея Миронова в постановке Московского театра сатиры и Олега Басилашвили в товстоноговской версии петербургского БДТ, из новейших российских времён – Олега Меньшикова в Московском театре им. Ермоловой. Объяснение тому есть: гениальный дар самого драматурга Н. В. Гоголя и сам объект его пристального внимания – проблема коррупции и бюрократического чиновничества, являющаяся, по мнению современных экспертов и политологов (и не только современных), второй по значимости проблемой во всей мировой истории. Память подсказывает бессмертное марксово из «Капитала»: на какое только преступление не пойдёт капиталист ради получения трёхсотпроцентной прибыли! Это теория, а из практики – совсем свежий пример с полковником российских спецслужб Захарченко, проворовавшимися на «золотой миллиард», будит воображение любого современного человека, слух будоражит озвученный с телеэкрана ролик, призывающий узбекских граждан бороться с коррупцией, и на совсем уж высоком официальном уровне – принятый в январе 2017 года Президентом Узбекистана Ш. М. Мирзиёевым «Закон о противодействии коррупции», направленный на её искоренение, способствующее развитию и движению нашего общества вперёд. Тема вечная, как сама жизнь...

Майские премьеры знаменитой пьесы «Самоубийца» Н. Эрзмана (которого К. С. Станиславский в 30-е годы XX века называл Гоголем наших дней) в Государственном русском драматическом театре и пьесы «Игроки» Н. В. Гоголя

Татьяна ОСИНА. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных трудов.

в Государственном молодёжном театре Узбекистана – ещё одно тому подтверждение. Так в чём же дело? Почему сначала Кафка, Булгаков, Грасс появляются на сцене ташкентского театра «Ильхом» им. Марка Вайля, а теперь Эрдман и Гоголь? Ответ прост. Это взбесившийся и обезумевший на наших глазах мир в условиях нового цивилизационного сдвига и усиливающегося противостояния выплеснул в мировое пространство популярных героев Эрдмана и Гоголя, а также всевозможные гоголевские мотивы, темы и сюжеты. Гоголь действительно не сходит с уст соревнующихся в сарказме и иронии политиков и экспертов. В связи с инсценировкой нашумевшего убийства украинского журналиста Бабченко, «убитого» в процессе операции украинских спецслужб, а потом воскресшего, слышим в СМИ: «убитый Бабченко живее всех живых», «живой труп Бабченко», «оперативные разработки на хуторе близ Диканьки», а по определению кинорежиссера Карена Шахназарова, ещё и «новый Чичиков, вошедший навсегда в историю как “Дело Бабченко”» и пр.

Подобных дел в мировом информационном и политическом пространстве сегодня уже так много, что они, захватывая сознание масс, как снежный ком, накатываются, разрастаются в геометрической прогрессии и обрушиваются с силой, круша на своём пути всё и вся. Инсценировки, постановки, мистификации, балаганы (неслучайно и «Ревизор» в Русском драматическом театре заявлен и разыгран как «Балаган в двух действиях»), цирковые шоу, клоунады, трагифарсы, маскарады, фантасмагории... Обман и провокация в них как инструменты насилия и принуждения становятся основным инструментарием дурной политики и дурной журналистики, а Гоголь и Эрдман, проникнув в своих бессмертных творениях в тайны, технологии обмана и создав своеобразные «художественные учебники» и «мастер-классы» по обману, заглядывают в самую сердцевину технологий современной политической борьбы. Меняются только детали: крапленые карты на убитых котов и рыбок в английском деле отца и дочери Скрипалей, на сирийских мальчиков, «отравленных» химсредствами, на пустые пробирки, сотрясаемые с трибуны Совета Безопасности ООН; на вездесущих русских хакеров, якобы повлиявших на президентские выборы в Америке и Европе. Это всеобщий обман, возведённый на уровень государственной политики, породивший новые термины – «фейковые слухи», «фейковые новости», «фейковая организация», «фейковое государство», которые прочно вошли в политический, журналистский и шире – обиход художников, отражающих мир.

Если в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца» страдал герой Подсекальников, склоняемый к самоубийству проходимцами всех мастей и принудительно положенный ими в гроб, в «Игроках» Н. Гоголя пострадал уже не один герой, но целый город. Вот и теперь в реальной жизни нападению, давлению и принуждению подвергаются государства, группы стран, весь мир, всё человечество, обманутое, доведенное зачастую до положения жертвы. Масштаб афер укрупнился, стал вселенским, поставив под угрозу само существование человеческой цивилизации. Мир выбирает модель сюрреализма, абсурда, отказ от реальности – такова цена утраченных нравственных и правовых норм и запретов. Это и есть реализовавшийся мир Гоголя и Эрдмана, «мир перевернутый», абсурдный мир деградации всего живого, человеческого. Когда смерть во имя чужих корыстных интересов – победа и геройство («Самоубийца»); деньги – всё, смерть – ничто («Игроки»); взятка – синоним порядка; карточный проигрыш, разоряющий семью накануне свадьбы, – символ гусарской доблести и славы; обман другого – средство для достижения собственного материального благополучия, когда обмануть всех, но не быть обманутым самому – истинная цель существования...

Подобный мир гоголевских игроков, перекликающийся с сегодняшним днем, воссоздаёт на сцене Молодёжного театра Узбекистана молодой московский режиссер, одновременно художник-сценограф и художник по костюмам Виталий Когут (выпускник мастерской Леонида Хейфеца ГИТИСа 2017 г.), предложивший оригинальное прочтение драмы: герои шеголяют в офисных костюмах, отсутствует традиционный реквизит, современная пластика, современное же музыкальное сопровождение. Объединив молодых актёров с опытом и студийцев, молодой режиссер предлагает зрителям дерзкий, умный, злой, едкий, агрессивный, актуальный, в соответствии с реалиями современной жизни спектакль, который, словно гоголевская птица-тройка, стремительно несётся к катастрофическому финалу – поверженному, распластанному на полу и лишившемуся последних иллюзий герою Ихареву (в исполнении актёра-студийца Руслана Мамадалиева). Спектакль-метафора – Мёртвая хватка, Афера, шитая белыми нитками, а главный его герой – Утешительный, он же – главный разыгрывающий (актёр Обид Абдурахманов). Если у Гоголя он сдержанно-осмотрительный, хотя и циничный, то в театральной версии откровенно-наглый, с нюхом гончей охотничьей собаки, чувствующий дичь и сплотивший коллектив мошенников вокруг цели-жертвы. Он не мелкий жулик Хлестаков, а прожжённый профессионал, поднаторевший в инсценировках, с лихостью дающий мастер-класс незрелому по сравнению с ним жулику с остатками совести и откровенному простаку Ихареву. В исполнении О. Абдурахманова Утешительный – злой гений обмана, авантюрист и пройдоха, не скрывающий азарта и темперамента, а откровенно выставяющий их напоказ, наотмашь, словно хирург, ножом разделяет жертву. Игра Обида Абдурахманова – блистательное злое кружево, изошрённое, пластически вдохновенное, броское и одновременно утончённое, красочно-многообразное. Актёр практически ничего не играет – он проживает на сцене, и его Утешительный завораживает и энергетически заряжает партнёров, объединяя в слаженный, сложноподчинённый ансамбль.

Новое прочтение предлагают актёры, представляющие в разыгранной шулерской инсценировке не существующих в действительности, придуманных «отца и сына Глов». В соответствии со смысловой концепцией спектакля они с самого начала откровенные мошенники, хотя у Гоголя их обман долго остаётся сокрытым, поэтому, зритель, впервые читая гоголевскую пьесу, их бедам поначалу сочувствует, сопереживает. Здесь же всё ясно и понятно в первый момент появления персонажей на сцене благодаря актёрской пластике и физиономистике. «Сын Глов» (актёр Шерзод Игамназаров) подает себя как уже состоявшийся разудалый гусар и бретёр, а так называемый «отец Глов» (заслуженный артист РУ Азат Бекмуратов) – мелкий прхровст с плутовскими глазами, оглядывающийся по сторонам и трепещущий от страха разоблачения. В спектакле «Самоубийца» Эрдмана актёрами и режиссером Михаилом Каминским предложено абсолютно другое решение. Главный герой (молодой, но уже опытный актёр Константин Пирожков) Подсекальников – мелкий, задавленный и совершенно безответственный человечико, искренний в своих порывах и метаниях между добром и злом, с первой до последней минуты вызывает сострадание и сочувствие зрителя, выделяясь на фоне толпы своих мучителей, откровенно и целенаправленно на протяжении всего спектакля загоняющих героя в гроб. По сути, гонители сливаются в безликую массу, хотя у каждого персонажа свои слова и выходы, что вполне концептуально оправданное решение.

Задача актёра – дарить зрителям праздник. Актёры Молодёжного театра благодаря сочетанию продуманности игры и импровизации подарили зрителю настоящий праздник, но праздник на грани слёз, когда не знаешь – то ли смеяться, то ли плакать.

О КОЛЛЕКЦИЯХ И КОЛЛЕКЦИОНЕРАХ

(новая глава книги «Мои господа ташкентцы»)

БОРИС ГОЛЕНДЕР

Когда я думаю об обстоятельствах, что с юности формировали мой характер и устремления, мне непременно хочется рассказать о тех людях, с кого, как я это всегда искренне считал, следует «делать жизнь». В моем понимании, это прежде всего коллекционеры, неутомимые собиратели разного рода артефактов, их иногда называют «странными чудаками». Впрочем, почему чудаки? Ведь нет ничего естественнее стремления человека к поиску того, что может отражать окружающий мир в определенных образах и помогает этот мир лучше понимать. А если коллекционирование сопряжено еще и с получением знаний, сначала для себя, а затем и для других – то это и есть самое достойное занятие, которому не жалко посвятить всю жизнь.

Много-много лет тому назад, будучи еще только второклассником, я от соседки по парте получил как-то в подарок две маленькие старые монетки. Одна из них была мне понятна – это оказались невзрачные цинковые 10 немецких пфеннигов времен Второй мировой войны, а вот другая монета поставила буквально в тупик тогдашнего младшего школьника. На оборотной стороне двухцентовой монеты 1936 года помешалось изображение конного рыцаря с мечом, на его шите красовался двойной крест, а под копытами коня стоял какой-то непонятный знак. До сих пор помню, с каким интересом я искал объяснение изображению и не сразу узнал, что это было не что иное, как герб Литовской республики с так называемыми «колюмнами». Вдобавок к полученным двум монетам еще один необычный денежный знак давно обретался у меня дома на письменном столе и привлекал мое внимание тем, что устойчиво стоял на ребре, не падая (теперь я узнал, что ребро правильно называется «гурт», а эта трехкопеечная монета 1916 года – оккупационная, с очертаниями знаменитого железного креста и русско-немецкими надписями, они чеканились из железа). Так скромно началась моя нумизматическая коллекция. Я с удивлением обнаружил, что собранные старинные монеты могут быть побудительной причиной для пытливого поиска самых разнообразных сведений об окружающем

Борис ГОЛЕНДЕР. Журналист и писатель. Автор книг по истории и культуре Центральной Азии («Окно в прошлое», «Мои господа ташкентцы», «Ташкент. Шедевры Центральной Азии», «В этом городе камня и солнца», «Вечный свет куполов», «Polonia Turkestaniana») и сценариев 18 научно-популярных фильмов, из которых «Корни и ветви древа святого» и «Света другим, страдаю сам» завоевали награды на международных телекинофорумах.

мире, они стимулируют глубокое изучение истории, географии, литературы и пр. и делают из тебя завидного специалиста с хорошей памятью.

Но в то время все мои «коллеги по увлечению» были такими же, как и я, мальчишками. Я и думал поначалу, что собирательство старинных монет – занятие недорослей. Из Прибалтики, где начинались мои нумизматические штудии, наша семья переехала в Ташкент, и я стал налаживать дружеские связи с местными коллекционерами. На мое счастье, недалеко от нас жил один удивительный человек. Его звали Всеволод Саввич Кучеров. Свою хлопотную работу художника-оформителя он совмещал с прямо-таки пламенной страстью к собирательству предметов старины. В старом ташкентском доме, стоявшем в несуществующем теперь переулке С. Лазо, располагался своеобразный «кучеровский музей», тщательно систематизированные монеты домусульманской Согдианы и кушанских царей соседствовали с допотопными обломками неведомых предметов, найденных на руинах заброшенных среднеазиатских городов. Бронзовый, покрытый затейливой чеканкой воинский шит времен Амира Темура и столь же древние парадные алебарды висели на стене его дома над полочкой со старинным китайским и японским фарфором. Рядом владелец гордо показывал мне собственноручно написанную им с натуры небольшую картину маслом с видом какого-то древнего тепе на афганской границе.

Оказалось, что мы, несмотря на большую разницу в возрасте, одинаково увлечены нумизматикой. У старого художника было чему поучиться! В те времена фабричных кляссеров с пластмассовыми ячейками для хранения монет не выпускали. И я был до глубины души поражен, когда увидел сделанную Всеволодом Саввичем специальную самодельную тумбочку-мюнц-кабинет, в которую вдвигались аккуратные планшеты, а в них располагались предназначенные для каждого экземпляра коллекции миниатюрные «противни», согнутые из белой жести. Именно так бывает оформлено хранение монет и медалей в крупнейших музеях мира.

А каким интереснейшим собеседником был В. С. Кучеров! От него я услышал десятки занимательных историй о Ташкенте, о наших собирателях древностей. Мы вместе регулярно стали посещать ташкентский городской клуб коллекционеров, в котором Всеволод Саввич, на мой взгляд, был кем-то вроде неофициального старосты.

Он познакомил меня со многими ташкентскими собирателями раритетов. Однажды у него дома я невольно оказался участником спора В. С. Кучерова с другим известным в городе коллекционером Иосифом Александровичем Анбоевым по поводу одной старинной почтовой открытки с фотографией дореволюционного Ташкента. В поясняющей надписи на открытке было напечатано: «Ст. Ташкентъ. Бала мечеть», и оба коллекционера никак не могли распознать место, сфотографированное задолго до революции и почему-то названное «детской мечетью». Я же сообразил, что видимые на снимке трамвайные рельсы указывают исключительно на Шейхантаурскую улицу (ныне проспект Навои), так как в то время в старом городе больше нигде не ходил трамвай, а в поясняющей надписи возможна ошибка: не «Бала мечеть», а «Баланд мечеть», и точно определил, где именно сделан этот снимок. Оба коллекционера с удивлением воззрились на юнца, тут же подарили мне эту почтовую карточку и напроорочили беспокойную жизнь собирателя старинных открыток. Так я стал еще и филокартистом...

Что же касается И. А. Анбоева, то его имя я впервые встретил задолго до того памятного спора в занимательной книге для школьников «Тайны выцветших строк», где увлекательно рассказывалось о поиске древних рукописей. Автор книги Р. Пересветов в одной из глав написал:

«...в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Шедрина пришла в январе 1958 года странная посылка из Ташкента: в деревянном ящике лежал большой земляной кирпич, состоящий из слипшихся и перемешанных с глиной листов бумаги. Гидрогеолог И. А. Анбоев нашел эту рукопись в таком виде во время изысканий на Ангрене, в развалинах древней крепости в районе села Кереучи. Узнав из газет о новейших способах хранения и восстановления поврежденных рукописей, применяемых сотрудниками Публичной библиотеки имени Салтыкова-Шедрина, он послал свою находку в Ленинград».

Оказалось, что Иосиф Александрович прислал в библиотеку редчайший ранний список знаменитого суфийского произведения Ходжи Ахмада Ясави «Диван хикматов» (XII век).

Писали о ташкентском гидрогеологе и в специальных научных работах, посвященных науке о древних монетах. Так, основатель узбекистанской школы археологии Михаил Евгеньевич Массон еще в 30-е годы XX века отмечал, что именно И. А. Анбоев обнаружил на дне озера Иссык-куль остатки домусульманского города, погрузившегося некогда под воду, так как ему удалось, ныряя, найти среди развалин под водой неоспоримое доказательство – золотую монету византийского императора Ираклия, правившего в начале VII века. М. Е. Массон называл Иосифа Александровича «энтузиастом-археологом».

Так кто же он, неутомимый собиратель туркестанской старины? Такой вопрос я как-то задал своему товарищу-коллекционеру Анатолию Бауэру. Мы, в то время любознательные школьники, регулярно ходили в городское общество ташкентских коллекционеров, собиравшееся в старом Доме Ученых. Помещение дореволюционного театра-варьете «Буфф» на углу бывших улиц Правды Востока и Пролетарской, превращенное в цитадель научного просвещения, было тесноватым, общество коллекционеров – довольно многочисленным, и в ответ на мой вопрос Анатолий тут же указал на высокого, подтянутого старика в клетчатой рубашке, который буквально в двух шагах от нас внимательно рассматривал какую-то старинную монету. Там я и познакомился с И. А. Анбоевым.

Потом были самые разные встречи. Иосиф Александрович стал как бы моим старшим наставником в мире нумизматики, умудренным большими знаниями и опытом. Именно благодаря ему зародилась во мне страсть к собиранию и изучению среднеазиатских древностей. Он много рассказывал о своей долгой беспокойной жизни. И. А. Анбоев совсем молодым был призван в царскую армию и участвовал в Первой мировой войне, после революции учился на Туркестанских командных курсах. Получив тяжелое ранение на Закаспийском фронте, Иосиф Александрович был вынужден оставить военную службу, но не отчаялся, а окончил в 1928 году геологический факультет нашего университета и избрал своей специальностью гидрогеологию. По роду своей деятельности он обошел всю Среднюю Азию, где, как известно, сохранилось множество неизученных памятников прошлого, и отдавал все свободное время любимому делу – поиску предметов старины. Жил Иосиф Александрович на улице Островной, что тянулась вдоль арыка Салар у парка Тельмана. Сколько удивительных артефактов довелось мне подержать в руках в его

гостеприимном доме! Одно дело прочитать, скажем, о буддизме в какой-то книге, совсем другое – ощутить своими руками тепло старинной нефритовой горки с фигурами Будды и донаторов, скульптурной композиции тысячелетней давности из коллекции И. А. Анбоева. Парфянские и сасанидские монеты, несторианские древности, редкие книги о Туркестане – все это, включая неизменную доброжелательность и эрудицию сурового на вид, но щедрого на дружеское общение замечательного ташкентского человека, прививало нам, молодым коллекционерам, любовь к богатейшему прошлому нашей Родины.

Собирать старинные монеты – прекрасный пример неформального подхода к изучению прошлого. Ну а антикварные почтовые открытки, чем привлекли они с тех пор мое внимание? Должен сказать, что иллюстрированную почтовую открытку следует считать первоклассным источником знаний об ушедшей жизни. Так, например, для Ташкента, полностью потерявшего из-за разрушительного землетрясения 1966 года свой первоначальный облик, информацию о былом, содержащуюся на старинных открыточных фотографиях, трудно переоценить. Поэтому коллекционеры иллюстрированных открыток (иначе говоря, воспроизведений редких фотографий, сохранившихся до наших дней из-за того, что они были тиражированы) способны внести огромный вклад в наши представления о прошлом, в историю архитектуры и живописи, в этнографию.

На исходе XX века самая крупная в мире коллекция почтовых открыток принадлежала ленинградскому филокартисту Н. С. Тагрину. Он длительное время руководил собирателями открыток города на Неве и написал замечательную книгу «Мир в открытке», опубликованную в хорошем полиграфическом исполнении издательством «Искусство» в 1978 году. В ней Н. С. Тагрин впервые предложил свою оригинальную систему каталогизации личной коллекции, которая позволяет быстро оперировать очень значительным объемом содержащейся на открытках информации. Система эта требует от владельца большой и тщательной работы над коллекционным материалом, но зато чрезвычайно эффективна.

Собирать открытки Н. С. Тагрин начал еще в юношеском возрасте, эта коллекция чудом сохранилась в его квартире, стоявшей запертой в осажденном Ленинграде. После войны коллекционер продолжил дело своей жизни, и ему удалось составить выдающееся по полноте собрание, насчитывавшее до полумиллиона единиц хранения! После смерти всемирно известного филокартиста петербургская часть его собрания была передана в Государственный Музей истории Санкт-Петербурга, остальное разошлось по рукам. На оборотах открыток из собственной коллекции Н. С. Тагрин ставил фиолетовый штамп с датой приобретения конкретного экземпляра и указанием на то, является ли данный экземпляр дублем или нет. В свое время мне посчастливилось приобрести часть видов старого Ташкента из собрания Н. С. Тагриной, самая старая из проставленных на них дат – 1929 год.

Активная коллекционерская деятельность Н. С. Тагриной была столь популярна, что газета «Вечерний Ташкент» за 12 декабря 1981 года представила его по недоразумению нашим земляком, ташкентским коллекционером. В действительности филокартистом «тагринского» масштаба у нас в Ташкенте можно было бы назвать Феоктиста Николаевича Гориздро.

Фамилия Гориздро известна в нашем городе с середины XIX века. Предки Феоктиста Николаевича, понтийские греки, перебрались в столицу Туркестанского края с юга России. Это были уважаемые в Ташкенте военные и

чиновники, даже в центре города существовало престижное учебное заведение – частная женская гимназия А. Ф. Гориздро. До сих пор на главной аллее старинного Боткинского кладбища обращает на себя внимание монументальная фамильная часовня-склеп семьи Гориздро.

Феоктист Николаевич учился в Ташкентском кадетском корпусе и с юных лет занимался тяжелой атлетикой. Еще в 1916 году он завоевал звание чемпиона Туркестана по классической борьбе. Могучая фигура Ф. Н. Гориздро, сохранившего до глубокой старости выправку профессионального атлета, встает предо мной каждый раз, когда я вспоминаю свои первые визиты в общество ташкентских коллекционеров в 1959 году.

Ф. Н. Гориздро пришел в мир собирателей, как и многие другие коллекционеры, в качестве филателиста. Как известно, изучение почтовых марок (филателія) – наиболее распространенный вид собирательства в мире. Вот уже второе столетие огромное число самых разных людей – от младших школьников до седых профессоров и даже царствующих особ – посвящает свой досуг этому увлечательному делу. Правда, «чистым филателистом» Феоктист Николаевич пробыл недолго. Он «заболел» другой отраслью собирательства, только косвенно связанной с филателіей. Это было коллекционирование иллюстрированных почтовых открыток (филокартия). Я думаю, что созданное им гигантское собрание открыток, которое он, шутя, часто именовал «Города, где я не бывал», ведет свое начало с самой первой филокартистской выставки в Узбекистане, открытой при его активном участии Ташкентским обществом коллекционеров в марте 1959 года.

Ф. Н. Гориздро, 1963 г.

Коллекция ташкентца Ф. Н. Гориздро насчитывала по некоторым оценкам до 200 тысяч экземпляров. Наблюдая, как многие годы подряд Феоктист Николаевич вел свой целенаправленный поиск редких старинных почтовых открыток, я по его примеру задумал составить собственную подборку антикварных почтовых карточек. Мое поначалу скромное собрание затем переросло в капитальную коллекцию старинных видов Центральной Азии, на основе изучения которой я написал и издал в 2002 году свою первую книгу «Окно в прошлое» (Туркестан на старинных

почтовых открытках. 1898–1917). Собранная за многие годы коллекция помогала мне иллюстрировать мои последующие книги.

Серьезно заниматься коллекционированием невозможно без глубокого изучения истории, геральдики, хронологии и еще множества других специальных научных дисциплин. В поисках нужных книг ты невольно становишься завзятым библиофилом. А это еще одна специальная область собирательства.

В послевоенные годы многочисленные книжники – библиофилы – долго оставались «неорганизованными». Однако дефицит хороших изданий и неуклонно расширяющийся интерес широкой читательской аудитории к

созданию личных библиотек порождали смутное желание как-то организовать, прежде всего для взаимопомощи и углубления собственных знаний в специфической области книговедения. К середине 70-х годов XX века в Ташкенте стали возникать серьезные библиофильские объединения.

Одно из них, которое все считали элитным, громко именовалось «Клубом любителей книги и искусства имени Хамзы» и существовало при главном книжном магазине города на бывшей улице Пушкина напротив старой Ташкентской консерватории. Надо ли говорить, что я, как и многие другие коллекционеры Ташкента, оказался в числе активистов этого Клуба.

*Экслибрис Клуба библиофилов
работы Е. И. Владимиров.*

В начале октября 1975 года Клуб наметил отметить 80-летие со дня рождения поэта Сергея Есенина торжественным заседанием в своей штаб-квартире, то есть в свободном от стеллажей уголке магазина, где могли поместиться от силы человек двадцать. Но совершенно неожиданно к началу действия пришло столько народу, что вся улица Пушкинская перед магазином была буквально запружена желающими попасть на заседание. Что было делать? Положение спас бессменный председатель «Клуба...» Донат Алексеевич Мухин. Он, так сказать, в пожарном порядке получил разрешение на организованное перемещение нескольких сотен пришедших людей в большой зал расположенного неподалеку Дома офицеров. Там собравшиеся по призыву «Клуба...» любители поэзии (как раз в том историческом помещении, в котором, между прочим, выступал в 1921 году и сам С. Есенин), постановили, что пора создавать в Ташкенте музей великого русского поэта. В ташкентском Государственном музее Сергея Есенина, основанном в результате решения, принятого в бывшем Доме офицеров, я уже несколько десятилетий имею честь работать в качестве научного сотрудника.

Пригодившийся в этой истории большой авторитет среди военных нашего «президента "Клуба..."» Д. А. Мухина был, конечно, не случаен. В годы Второй мировой войны подполковник медицинской службы Донат Алексеевич Мухин состоял официальным экспертом в Государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний на территории Западной Украины, готовил материалы этой комиссии для Нюрнбергского процесса. А мы знали Доната Алексеевича совсем с другой стороны. Он был неутомимым собирателем раритетных книг. Его библиотека, насчитывавшая более 15 тысяч томов, наверное, являлась тогда самым крупным личным собранием в Ташкенте, причем, тщательно подобранным и систематизированным.

Донат Мухин, ташкентский гимназист, стал собирать книги еще до революции, покупая их в популярной букинистической лавке Ковалева, которая бойко торговала поддержанными книгами на Воскресенском базаре, там,

где теперь раскинулась площадь с величественным театром оперы и балета им. Навои. Захаживал начинающий библиофил и в книжный магазин Марцелла Собберя у синемаатографа «Зимняя Хива», и в «Знание» на сквере, где предлагались покупателям разные книжные новинки, а также пересылаемые в далекий Туркестан модные художественные журналы эпохи «серебряного века»: «Старые годы», «Аполлон», «Мир искусства», «Русский библиофил». Здесь можно было приобрести сочинения восточных авторов на чагатайском, персидском или арабском языках, литографированные не только ташкентским старогородским издательством «Гулямия», но и в Хивинском ханстве, в Лахоре или даже в Бомбее. Так начиналось выдающееся книжное собрание Д. А. Мухина. Став врачом, он, конечно, отдавал должное медицинской литературе. Но главное место на полках его личной библиотеки заняли книги по вопросам истории Востока и Запада, по философии от античности до наших дней, по искусству. Предметом моей белой зависти было его собрание книг по Туркестану, где выделялись большеформатные художественно выполненные альбомы «Туркестанский край в 1866 году» П. И. Пашино, многотомное зеленое с золотыми орлами издание Переселенческого управления «Азиатская Россия», каразинские богато иллюстрированные путевые заметки «От Оренбурга до Ташкента» и целая подборка мемуаров старых туркестанцев.

Это был удивительный человек, душа общества. Д. А. Мухин дружил со всеми книголюбями Ташкента, именно он стал инициатором создания первого послевоенного объединения библиофилов столицы Узбекистана, из которого потом родилась республиканская организация «Китобхон». Чрезвычайно благожелательно относился Донат Алексеевич к молодым книголюбам, делаясь своими поистине энциклопедическими познаниями, помогая находить нужные книги. От него я усвоил важнейшую для подлинного библиофила истину: не следует соревноваться с гигантскими общественными и частными библиотеками, но то, что тебе нужно в постоянной работе, должно быть всегда под рукой. Это стоит любых жизненных усилий!

На регулярных встречах-заседаниях нашего «Клуба...» выступали «действительные члены», именитые ташкентские коллекционеры-библиофилы с настоящими книговедческими научными сообщениями, продолжавшими традиции старых «книжников» еще дореволюционной поры. Здесь можно было почерпнуть любую важнейшую для собирателей книг информацию. Хотя «Клуб...» не имел статуса официального, он эффективно объединял истинных ташкентских энтузиастов библиофильства. Многие члены «Клуба...» становились инициаторами создания «дочерних» библиофильских организаций на предприятиях и в учреждениях города. Среди такого рода энтузиастов был и Сергей Иванович Зинин, известный коллекционер есенинских реликвий и обладатель крупнейшего в Узбекистане собрания экслибрисов – специфических художественных книжных знаков владельцев книг. С. И. Зинин в то время был деканом филологического факультета Ташкентского университета, и ему удалось объединить вокруг себя значительную группу единомышленников. Завсегдатаями мероприятий нового клуба стали не только преподаватели, но и студенты и аспиранты Ташкентского университета. Поддержка руководства и опора на издательские возможности небольшой университетской типографии позволили второму в Ташкенте объединению книголюбів привлекать в клуб все больше и больше молодежи.

Чтобы показать молодым участникам нового клуба великое значение собирательства книг, С. И. Зинин предложил пригласить на одно из первых заседаний своего университетского коллегу профессора Григория Ивановича Коляду. Я и раньше знал, что в Ташкенте существуют весьма значительные личные книжные собрания, но то, что я увидел на том заседании, буквально ошеломило меня!

Моя память в подробностях сохранила события той встречи в университетском клубе. Перед нами предстал почтенный седой профессор, как будто сошедший с киноэкрана времен военного коммунизма. Казалось, он вот-вот произнесет неоднократно пародируемую традиционную фразу «Ну-с, батенька!» и затрясет своей бородкой, подстриженной клинышком...

Но вместо этого мы услышали живой и взволнованный рассказ о безмерной любви к книге, рассказ был настолько созвучен нашим устремлениям, а гла-

за Григория Ивановича блестящим таким вдохновенным молодым огнем, что седовласого профессора можно было принять за нашего сверстника! Что питало этот огонь в душе человека, пережившего, как я знал, большие невзгоды? Профессор Г. И. Коляда оказался в наших краях не по своей воле. Обвиненный в национализме, многие годы преподававший на Украине и любимый студентами выпускник дореволюционного Московского уни-

Г. И. Коляда
в клубе книголюбов ТашГУ, 1974 г.

верситета после войны был административно выслан в Среднюю Азию, читал лекции по славянской филологии сначала в Таджикистане, а с 1954 года – в Ташкенте. Он был уникальным специалистом по истории книги. Докторская диссертация Г. И. Коляды, защищенная им только в 1962 году, принадлежала к числу самых первых в стране диссертаций по книговедению. Г. И. Коляда обнаружил и объяснил многие неизвестные науке факты из эпохи первоначального славянского книгопечатания. Григорий Иванович всю жизнь упорно собирал первоиздания книг, связанных с литературой и историей Украины. На том заседании клуба он решил сам показать молодым библиофилам университета наиболее интересные экземпляры своей личной библиотеки. Когда Г. И. Коляда бережно развернул и продемонстрировал нам первый экспонат – почтенный толстый фолиант в кожаном переплете – я просто замер. Это был подлинник знаменитого «Апостола» Ивана Федорова, первая печатная книга славянского шрифта! Считанные единицы этого «Апостола» дошли от XVI века до нашего времени, сегодня они составляют гордость крупнейших библиотек и музеев мира. В тот день мне довелось подержать в руках и перелистать страницы легендарной книги. Должен сказать, что колядовский экземпляр имел гораздо лучшую сохранность, чем тот «Апостол», который в качестве величайшей мемориальной драгоценности демонстрируется в витрине Музея Ивана Федорова во Львове.

А вдохновенный старый книжник, как некий волшебник, все выкладывал и выкладывал перед нами свои раритеты. Вот залихватисто веселая «Энеида»

Ивана Котляревского, напечатанная на украинском языке еще в екатерининские времена, вот первое издание «Кобзаря» Тараса Шевченко...

Надо было видеть, с какой любовью старый профессор держал в руках и бережно листал эти реликвии украинской книжной старины. Это были его подлинные друзья, та неисчерпаемая сокровищница духа, что неизменно поддерживала Григория Ивановича в трудные минуты.

Потом у меня было много встреч со знаменитыми коллекционерами страны, я видел самые различные обширные собрания, но яркое впечатление от знакомства с личной библиотекой профессора Григория Ивановича Коляды осталось на всю жизнь.

Как сложилась судьба этой уникальной книжной коллекции? В 1976 году Г. И. Коляда повез свои книги в столицу Украины с целью передать их киевскому Государственному музею книги и книгопечатания. Ему очень хотелось, чтобы плоды его долголетней собирательской работы по сохранению украинских книжных сокровищ сконцентрировались близ Киево-Печерской Лавры и стали бы доступны для многих людей. Но советские чиновники отказались от щедрого дара. За исключением нескольких редкостей, они боялись принять «антигосударственную», с их точки зрения, литературу в государственное хранилище. Некоторые издания приобрели частные лица, но значительную часть собрания пришлось отвезти назад, в Узбекистан. Через год в возрасте более восьмидесяти лет крупнейший украинский библиофил профессор Григорий Иванович Коляда умер в Ташкенте, а его коллекция книг, как это очень часто бывает, разошлась по рукам.

Надо сказать, что в 60–70-е годы XX века в нашем городе существовало значительное число примечательных личных библиотек, составленных выдающимися собирателями, и они не таили собственных книжных богатств от людей, активно участвовали в общественной деятельности коллекционеров Ташкента. Так, самым компетентным специалистом по старым туркестанским изданиям, которые особенно интересовали меня, был, несомненно, профессор Георгий Николаевич Чабров. Темой его докторской диссертации стало изучение неизвестных изобразительных источников (картин, рисунков, гравюр) по истории Средней Азии и Казахстана XVIII – первой половины XIX веков. Он долгие годы с успехом возглавлял научный кружок по изучению Средней Азии при фундаментальной библиотеке Ташкентского университета, где по его инициативе было подготовлено и прочитано более сотни интересных докладов о неизученных проблемах туркестановедения. Я познакомился с ним все в том же «Клубе любителей книги и искусства» имени Хамзы.

Незадолго до ташкентского землетрясения 1966 года в издательстве «Узбекистан» вышла небольшая, но чрезвычайно содержательная книжка «По улицам Ташкента», которая остается до сих пор одним из самых толково написанных путеводителей по нашему городу. Подготовили эту книгу четыре знатока ташкентской старины: археолог Ю. Ф. Буряков (будущий академик АН Узбекистана), Ю. И. Гласс (возглавивший затем музейное дело республики), историк Ю. А. Соколов (автор непревзойденного труда «Ташкент, ташкентцы и Россия») и Г. Н. Чабров. Вскоре мое домашнее собрание путеводителей по Ташкенту обогатилось этим изданием, на котором красовался автограф, подписанный витиеватыми буквами «ГЧ»: «Коллеге-коллекционеру Борису Анатольевичу Голендеру от последнего из 4-х авторов». Старый профессор был, кроме библиофильства,

энтузиастом другой отрасли коллекционирования – собирательства художественных настольных медалей. Он любил часто повторять при наших встречах, что в бронзе памятной медали как бы оживает вся история. Особенно полно в его коллекции были представлены авторские настольные медали, отчеканенные на Московском и Ленинградском монетных дворах. В то время действовала стойкая традиция: к наиболее важным памятным датам выпускали бронзовые памятные медали, сработанные лучшими скульпторами. Выходивший тогда в Москве специальный ежегодник «Советский коллекционер» начал печатать каталог А. В. Шатена с иллюстрациями, посвященный таким медалям, это придавало поиску недостающих экземпляров особый интерес. Конечно, для моего собственного собрания памятных знаков и медалей, посвященных науке химии, что я стал составлять, как только стал профессиональным химиком, звездами первой величины являлись редко встречающиеся настольные медали, выпущенные в честь великих ученых А. М. Бутлерова и Д. И. Менделеева. Эти медали я впервые смог увидеть в натуре, просматривая коллекцию Георгия Николаевича Чаброва.

По внешнему облику и манерам Г. Н. Чабров был истинным представителем дореволюционной петербургской интеллигенции, с ним любому было интересно и полезно общаться. Он мне рассказывал, что в молодости ему довелось выполнять важную журналистскую работу в штабе революции в Смольном, он лицом к лицу встречался со многими главными действующими лицами эпохи и выработал в себе особое отношение к истории. Георгий Николаевич советовал ценить любой артефакт коллекции как вечный, по сути дела, памятник культуры. Например, мемориальная авторская медаль, благодаря лаконизму, максимальной действенности каждого композиционного и пластического элемента вплоть до самой малой детали, обладает эстетическими качествами, присущими всякому подлинному произведению искусства, хотя из-за тиражирования и не является уникальной. Она волнует нас своей неповторимой вещественностью, имеет свои, только ей присущие, художественные особенности, связанные с необходимостью передачи иллюзорного пространства на плоскости, и является полноценным скульптурным произведением малой формы.

Коллекционеры медалей, наградных знаков и орденов называются фалеристами. Этот вид собирательства часто оказывался под запретом, ведь награды нередко изготавливаются из драгоценных металлов, что, конечно, вызывало подозрения у «компетентных органов». Поэтому ташкентские фалеристы не очень-то афишировали свое увлечение. Они редко приходили на официальные встречи в Дом ученых и обычно собирались вместе с другими «неорганизованными» коллекционерами по воскресеньям в аллеях парка имени Горького.

После памятного землетрясения 1966 года летом мне не всегда удавалось регулярно по выходным встречаться с коллегами-собираателями. Я подолгу уезжал работать в составе экспедиции Института химии растительных веществ АН Узбекистана. В горах Ташкентской области мы методично обследовали склоны многочисленных горных ручьев, сбегających справа к реке Ангрэн, в поисках кустиков удивительного растения *Dictamnus*, местной разновидности лютика, стреляющего блестящими черными горошинами. Его семена нужны были нашему институту для выделения содержащихся в них особых природных алкалоидов. Вот тогда я впервые увидел золотодобывающий рудник на Кизил-олма-сае. На вопрос, как удалось обнаружить пригодное

для промышленной разработки месторождение золота в такой близости от Ташкента, ответил вышедший навстречу мне, улыбаясь, человек, в котором я с удивлением узнал хорошо знакомого ташкентского коллекционера-фалериста Олега Петровича Маджи. Точно в таком же, «экспедиционном» виде, с полевой кожаной сумкой через плечо он появлялся на наших коллекционерских сборищах в аллеях парка имени Горького. О. П. Маджи был фалеристом, параллельно интересовался филателией, документами из прошлого нашего города и редкими книгами. Как геолог, он проводил большую часть своего времени «в поле». О. П. Маджи и был первооткрывателем золотого месторождения Кизил-олма-сай (оно эксплуатируется и сейчас). Я, конечно, сначала даже не знал о его экспедиционных буднях.

Мы, азартные фалеристы, собиратели памятных знаков, подружились, я стал бывать у него дома – в старинном особнячке у Алайского рынка, где нас радушно встречала мать Олега Петровича тетя Наташа. Она была медиком, но в молодости тетя Наташа писала неплохие стихи, печаталась в местных изданиях, даже познакомилась с приехавшим в Ташкент в 1921 году Сергеем Есениным, так как водила дружбу с поэтом Александром Ширяевцем, близким товарищем С. Есенина. Ее стихи выходили под девичьей фамилией Савич. Мать О. П. Маджи сохранила письма и стихотворения А. Ширяевца, посвященные ей. Все это впоследствии попало в ташкентский музей С. Есенина.

Еще более удивительным было происхождение отца Олега Петровича. Предки Маджи – итальянцы, принадлежавшие к одному из самых аристократических родов Венеции, были среди них даже властители «царицы морей» – венецианские дожи. В 1849 году, когда Австрийская империя подавила восстание в Италии, потомственный аристократ Газтано Маджи вынужден был покинуть родину и перебраться с семьей в Россию. Его наследники, ставшие художниками и языковедами, переселились на восток Российской империи. Еще до революции отец Олега Петровича (правнук того самого эмигранта Газтано Маджи) окончил известный Лазаревский институт восточных языков, служил в первом советском посольстве в Афганистане (с Ф. Ф. Раскольниковым), а затем преподавал у нас восточные языки и арабскую каллиграфию.

Олег Петрович Маджи неустанным коллекционерским трудом сумел существенно преумножить свой семейный архив, особенно касавшийся ташкентских событий. В этом личном архиве мне удалось познакомиться с оставшимися от отца О. П. Маджи редкими документами Ташкентского потешного полка, своеобразной организации досуга молодежи, созданной в начале века в воспитательных целях. Значительно позже, когда Олег Петрович уже сильно болел, он все же помог мне своими личными воспоминаниями о Дмитрие Букиниче, ташкентском соратнике великого биолога XX века Николая Вавилова, в работе над эссе «Ташкентский Фауст» о Д. Д. Букиниче. Так еще один замечательный человек из мира коллекционеров занял прочное место в моей творческой биографии.

Можно вспоминать и вспоминать тех, без кого нельзя представить себе наш старый добрый Ташкент, глыбой возвышающийся в гималаях истории. Сколько было их, милых ташкентских людей, дружбу с которыми подарила мне судьба! Несомненно, без них я не смог бы состояться как личность. А какие они все-таки разные, дорогие мои коллеги-коллекционеры, мои драгоценные господа ташкентцы...

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬ- ТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ

С понятием «этнолингвокультурологическая компетенция» неразрывно связано понятие «этнолингвокультурологическое комментирование». Проблемами комментирования на уровне языкового сознания, когнитивной деятельности занимались Л. С. Выготский, Е. И. Поливанов, М. М. Бахтин, А. И. Соколов, Н. И. Жинкин, Н. Г. Комлев, Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, Э. Р. Атаян, Ю. М. Лотман, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин и др.

В лингвокультурологии под комментированием понимается формирование навыков и умений работы с национально-культурным компонентом семантики слов, или лингвокультуремами, как единицами лингвокультурологического поля и шире – текста. «Комментарий – это любое разъяснение, относимое к определенному слову или выражению текста, к определенному отрывку или ко всему тексту целиком» (Верещагин, Костомаров, Язык и культура, М., 1990, с. 135). Характерной особенностью комментария является его соотнесенность с текстом, ради которого он написан, подчиненность тексту с целью помочь читателю понять его. Проблема составления комментария решается всегда в рамках культурно-исторического подхода.

Как справедливо считает Ю. М. Лотман, комментарий не может быть самостоятельным: он должен всегда читаться одновременно и параллельно с соответствующим текстом, т. е. при работе переводчика желательно снабдить текст сопутствующим комментарием.

Целью комментирования является толкование текстов, дополнительное разъяснение фактов и событий, непонятных иноязычному читателю и затрудняющих правильное понимание текста, обеспечение понимания текста на всех уровнях, начиная с семантики используемых в тексте языковых единиц и кончая пониманием семантики текста в целом. Комментированием в широком смысле можно назвать обеспечение произведения различными справками о времени, месте написания, публикации, а также разъяснением трудных мест текста.

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ. Кандидат филологических наук. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Автор многочисленных монографий, учебных пособий, словарей, научных статей. Неоднократно награжден за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

При использовании комментария необходимо иметь в виду, что комментарий не всесилен, он только помогает восприятию, но ни в коем случае не отменяет труда, который должен быть затрачен в стремлении понять текст. Тем более комментарий не должен «занижать» возможностей читателя в самостоятельном понимании текста.

Методический аспект комментирования инокультурного текста выдвигает вопрос учебного комментирования. Его разрабатывали такие ученые, как Ю. М. Лотман, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, М. И. Гореликова, Л. А. Новиков, Л. С. Журавлева, М. Д. Зиновьева, С. Г. Тер-Минасова и др.

В оригинальных текстах могут встретиться слова и выражения, выходящие за пределы тезауруса читателя, неупотребительные и периферийные с точки зрения современного языка или отличающиеся своей семантикой от обычного употребления. Такие слова и выражения требуют лингвистического комментария с привлечением различного вида словарей.

Тер-Минасова С. Г. выделяет две группы комментария: 1) общеобразовательный (внеязыковой) и 2) пояснения литературно-филологического характера (языковой комментарий). Внеязыковой комментарий организуется к географическим названиям, специфическим деталям быта, явлениям социальной и культурной жизни. Этот вид комментария носит характер энциклопедической справки. Комментированию литературно-филологического характера (в цитатах из литературных произведений, в мифологических и библейских аллюзиях и т. п.) подвергаются: 1) все виды идиом (особенно деформированные); 2) игра слов, каламбуры; 3) сложные словесные образы; 4) редкие и устаревшие слова; 5) неологизмы; 6) многозначные слова (особенно такие, конкретное значение которых трудно установить в инокультурном тексте); 7) стилистически окрашенные слова и выражения; 8) слова и словосочетания, выходящие за пределы литературной нормы (в том числе и искаженные говорящим).

В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин выделяют в структуре значения слова фоновый компонент. Фоновые знания более всего имеют место в неадаптированных (оригинальных) художественных и публицистических текстах и с трудом понимаются носителями других языков.

В тексте (особенно инокультурном) встречаются слова и выражения с национально-культурной семантикой, которые нельзя разъяснить путем синонимических замен, перефразирования, перевода. К ним необходим культурно-исторический, бытовой, социальный, текстуальный комментарий, т. е. лингвокультурологический.

М. И. Гореликова рассматривает виды прагматического и проективного комментария. В прагматическом комментарии толкуются и раскрываются имена (идентифицируются личности, географические объекты), отождествляются исторические события и социальные явления, а также сообщаются другие сведения, необходимые для правильного понимания текста.

Одним из эффективных видов комментария является проективный (концепционный) комментарий (Верещагин, Костомаров). Под проективным комментарием понимается информация о социальной функции и общественном месте предмета или явления, об их осмыслении, об их сопряженности с другими сферами действительности. Проективный комментарий отличается от прагматического привязкой к контексту, которым он обусловлен, и служит

восприятию подтекста, заключенного в этом контексте. Этот вид комментария предназначен для того, чтобы обеспечить адекватное замыслу автора восприятие содержания инокультурного (например, ориентированного на узбекскую культуру) текста русских писателей, помочь русскому читателю понять в тексте то, что понятно носителю узбекской лингвокультурной общности, то есть сформировать у носителя русской лингвокультурной общности необходимые для понимания инокультурного текста фоновые знания. Особенностью этого комментария является «неспешное» комментируемое чтение текста. Проективный комментарий может быть исключительно построчным (Верещагин, Костомаров), поскольку он должен создать установку на выявление «подводного течения» в произведении. В некоторых случаях эту установку делает сам автор, и тогда задача переводчика в том, чтобы акцентировать на нем внимание. Если же такая установка со стороны писателя отсутствует, то задача по созданию «концепции» (Верещагин, Костомаров), общей точки зрения, которой будет соответствовать погружение инокультурного читателя в текст, ложится на плечи переводчика.

Проективный комментарий ни в коей мере не является интерпретацией художественного текста, но должен подготовить к адекватному пониманию текста. По своему содержанию он представляет собой моделирование тех фоновых знаний, которые служат для писателя опорой. Объем фоновых знаний непременно должен быть согласован с проективной линией произведения, в противном случае комментарий теряет свою значимость. Иначе говоря, концепционный комментарий должен обеспечивать понимание особенностей культуры 1) того времени, о котором идет речь в тексте, 2) того времени, когда произведение было создано, т. е. способствовать пониманию произведения современным читателем.

Комментарий добавляет знания, наталкивает на новые мысли, формирует чувства, поэтому он способствует созданию перевода, формирующего отношение к национальной культуре. Своевременный и квалифицированный лингвокультурологический комментарий способствует высокому уровню межкультурной коммуникации и повышает качество перевода.

Таким образом, комментарий обязателен при переводе инокультурного текста, поскольку учит видеть за конкретным фактом, образом, сюжетом общий замысел произведения и – шире – культуру народа.

Жемчугами рассыплется небо...

Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ

На север

Только крест и дорога. В строгой раме гранита заря.
Возвращаюсь сюда, под сияние северной доли.
Притекаю, как в скит, к занесенным метелью корням.
Протекаю сквозь почву к родникам снеговых изголовий.

Здесь осколками льда испытанье подков и сердец.
Оперением белой совы возвращается детство.
Каждый лист – талисман, каждый кедр мне брат и отец.
К корабельным лесам якорями приковано сердце.

Здесь размахом крыла перечёркнуты фальшь и протест.
Здесь волна унесёт в Беломорье унынье и склоки.
Жизнь есть крест. Жизнь есть ветер и воля окрест.
Жизнь есть высь. И дороги, дороги, дороги.

Анна Ахматова

Дерзкой линией плечи меха Ваши жгут.
Ваши волосы свиты в трагический жгут.
Ваша тонкость запястий иль стана игла,
Ваших взглядов ли власть в отраженьях стекла?
Вашей юбки ли шёлк или это Нева?
Не в гранитной обложке ли Ваши слова?
Петербург. Над Невой вспыхнет светлая тень.
Вскрикну: «Анна! Ах...» – нет, это занялся день,
Встретить Вас для меня не судьба никогда и нигде.

Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ. Родилась в 1967 г. в Ташкенте. Окончила факультет русской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Работает преподавателем русского языка и литературы в школе.

Творчество

Дождинкою слеза осеннего листа.
Мозаика ветвей переплетает стену.
Звездой на ветру выходит жизнь на сцену.
Уланова... Ростан... И музыка с листа.

Рояль ещё не стар. Он раскрывает чувства.
В биенье его пульса мелодий легкий век.

Но чёрно-белый бег в разгар воспоминаний
Кого-то в душу ранит. И он уйдёт на снег –
Вот этот человек. Ещё никем не понят.
Он слишком много помнит. В нем Шуберт прорастал.
В нем детская мечта и строчки милых писем.
И упоённость мыслью. И музыка с листа.

И петь не перестать! За канителью снежной
Он понял, как безбрежны печаль и красота.
А память неспроста его уносит в осень.
Он ни о чём не просит. И музыка чиста.

Праздник

Жемчугами рассыплется небо, и клады
Тайных слитков серебряных под ноги нам
Бросит ветер, играя зиме серенады,
Потакая по-детски несбыточным снам.

И за тенью затейливых фей кружева снегопада,
И в крахмаленном ситце зима у границ.
И покроется прошлое сказкой старинного сада,
Чистотой света зимнего льётся отрада,
Совпадая с сияньем мечты и страниц.

Ночь

Почерк ночи неровен, дыхание – нерв.
Это змеи? Лианы? Нет, корни деревьев
За окном. И свобода. И стон ли? Напев?
В звёздной пыли зрачками проглянут лучи
И сплетутся лианы, а значит – молчи
И страдай или думай – вот выбор в ночи.

Мир земли под вуалью, и бьются часы
Над потерей мгновений. Застыли весы
Меж янтарной надеждой и жалом осы.
Ночь – бездонности море, покров для росы.
Страх смыкает волной, как родник и ключи.
Ночь и посох. – К себе возвращенье в ночи.

Романтика

Лужицы глянec да cеть до небес –
 День февраля в снегопадной картинке.
 Парк городской – зачарованный лес,
 Путаю след, забываю тропинки.

Хрупкому насту доверив свой путь,
 В глубь темноты затаившейся кроны,
 В самое сердце елового звона,
 К тайным мелодиям зимнего зова
 Сказкою слова звезде подмигнуть.

Кто разгадает мой лес колдовской?
 Манит – обманет? Да в этом ли дело?
 Дальше и даль – за живою водой,
 Шаг или взмах – в снеговые пределы
 Мэрлинов, фей, флибустьеров, и смело,
 Вольно вдыхается воздух родной.

Лес понесет небеса на руках,
 Месяц покажется единорогом,
 И проплывут между лесом и Богом
 Гордые замки за башнею строгой,
 Волн океанских, опасностей рокот,
 Плаш королевский, овейанный роком,
 И не вернуться обратной дорогой,
 Двери затворены, страж на часах.

Прощание

Перед нежностью твоею
 Я голубкой голубею,
 Героиней голубой
 В чьей-то драме про любовь.
 Мне несвойственная роль,
 В каждой реплике – пароль,
 Каждый занавес – загадкой:
 Как там, в клетке? горько ль, сладко?
 Я ночами изучала,
 Как не рваться от причала,
 Как не биться о стекло,
 Как не злиться на тепло.
 Я с трудами постигаю,
 Что и мне судьба другая –
 Золотые кудри вить,
 Золотые нити длить.

Только видит, кто не слеп:
 Конь горячий, ночь да степь.
 Дом мой в роще диких вепрей,
 РаспрошаемсЯ при ветре!
 Ты добряк, но дух мой дик.
 В нём заклятья древних книг,
 В нём пиратских бригов копи,
 Звон средневековых копий,
 Клятвы, взлёты, схватки, тризны
 Всех, кто жарко спорит с жизнью.
 Да веками в стреленах.
 Да печаль на раменах.

Февраль

Ульрика в белом короля встречает,
 Бросая розы красные на снег.
 И конский бег, и запоздалый век,
 Как белый флаг на башне всех отчаяний,
 Манит-роднит, родник из юных чаяний,
 Стихов магнит. Лиловый свет читален.

Куда вы, кони? За какие дали?
 Кому вы дали колдовской обет
 Сберечь меня, обречь меня печали?
 Ах этот снег! Венчание Натальи
 И Александра. Вызов и ответ.
 И полное, и письма – всё издали.
 Уже на взморье Чехов слышит чаек.
 И новый век в стихах души не чаёт.
 Лиловый свет и быстротечный бег.

СПЕЦИФИКА ПОЛИФОНИЗМА В ПОВЕСТИ «АСИК, ИЛИ СНЫ О СТАРОМ ТАШКЕНТЕ»

ОКСАНА ГИБРАЛТАРСКАЯ

Произведение Д. Исхакова «Асик, или Сны о старом Ташкенте», опубликованное в № 2, № 3 за 2017 год журнала «Звезда Востока», представляет собой контаминацию драмы и прозы в одном художественном тексте, автор дает подзаголовок «повесть», но в ткань повествования органично вплетены страницы пьесы автора-повествователя. Повествование ведется от первого лица, но в то же время существенную роль играет диалог автора-повествователя с персонажем, являющимся внутренним критиком, цензором, alter ego автора, слова которого в тексте выделены графически – курсивом. Показательно, что ответные реплики автора-повествователя тоже отмечены курсивом, что свидетельствует о связи этих двух персонажей в отличие от всего остального мира, повествование о котором не выделено специально. В названии также объединены эти персонажи: автор-повествователь и его собеседник «Асик». Название пьесы – «Сны о старом Ташкенте». Каждый компонент заглавия получает расшифровку в тексте: Асик – это «экстрасенс-невидимка», сны о старом Ташкенте – это «пьеса в трех действиях», написанная в Нью-Джерси, США, в 2001 году [Исхаков Д. Асик, или сны о старом Ташкенте // Звезда Востока, № 2, 32. (Здесь и далее ссылки даются по этому изданию с указанием в скобках номера журнала и страницы)]. Особое значение в произведении имеет композиция, благодаря которой за кажущейся фрагментарностью, калейдоскопичностью представленных событий выступают два взаимопроецируемых сюжета. Так, в диалог с Асиком автор-повествователь вводит основное содержание пьесы, в спорах с ним отстаивает основную идею, поясняет жанр, иллюстрирует механизм постановки на сцене пьесы. В этом отношении используется специальный прием объективного прочтения: «собственная пьеса показалась мне чужой, отстраненной какой-то. Словно не моей» [№ 2, 32]. Далее представлен список действующих лиц, что важно – с критическим комментарием самого автора: «Да, Главный прав, многовато героев. Откуда взять столько?» и язвительным замечанием Асика: «Опус свой читаешь? <...> «Сны о старом Ташкенте»! Высокопарное варенье! Ландриновые кадрики из прошлой жизни! Дра-ма-тург! Занимался бы своим кино-домином» [№ 2, 32]. На основе этого высказывания можно выстроить синонимический ряд номинаций

Оксана ГИБРАЛТАРСКАЯ. Родилась в 1978 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз, кандидат филологических наук. Работала зав. кафедрой мировой литературы в НУУз, ныне докторант.

жанра: пьеса, опус, сны, высокопарное варенье, ландриновые кадрики; уловить связь с киноискусством и профессией автора-повествователя, поскольку далее в тексте эта информация дополняется: «На экране сцены одна за другой меняются даты: 1961-ый, 1962-ой, 1963-ий, 1964-ый, 1965-ый, 1966-ой...» [№ 3, 48]; «...жанр собственного произведения не можешь определить <...> не документальная повесть или автобиография, а пьеса. Пье-са! И я имею право придумывать характеры, судьбы, героев! И этот киношный прием – “Замри” – мне тоже нравится» [№ 2, 41]; «Это сны. Просто сны» [№ 3, 49].

Пьеса начинается с «Пожеланий» автора [№ 2, 32], достаточно пространных и объемных, в частности, в ходе чтения этих пожеланий возникает спор с Асиком и синонимический ряд определений: «пожелания» – «авторское вступление» – «авторские директивы» и аллюзии с «Замечаниями для господ актеров» (как у Н. В. Гоголя в «Ревизоре»), хотя разница в том, что для автора-повествователя было важно передать «атмосферу, дух» [№ 2, 32], которые включают запахи, звуки, колоритные фигуры; обозначение времени и места действия: «Обычный ташкентский двор конца пятидесятых – начала шестидесятых годов прошлого века» [№ 2, 35]. Поскольку до этого уже была введена характеристика того, что такое «обычный ташкентский двор», возникает полная картина: «...рассказать о Городе, о нашем дворе на Балыкчинской! О том, как жили бок о бок! Узбеки, русские, евреи, армяне, татары, казахи! Это был настоящий Вавилон. Только одно отличало наш двор от того, разрушенного, Вавилона – все его жители худо или бедно знали русский язык <...> А совсем недалеко жил американец, боксер Сидней Джексон!» [№ 2, 32]. Ключевым в данном контексте является образ города, в миниатюре представленный двором, который сравнивается с Вавилоном: «...наш двор или, скажем, наши дворы, чем-то напоминали Вавилон» [№ 3, 40]. Именно поэтому в пьесе «аж шестьдесят три действующих лица» [№ 2, 29], хотя сам автор поясняет: «Во-первых, их всего семнадцать. Массовка не в счет» [№ 2, 29], затем идет перечисление: «Итак... Рассказчик снов, его мать Малика, бригадир на хлебозаводе; Мумтоз – его отчим, инженер. Соседи по двору...» [№ 2, 29] и действительно получается семнадцать. Мысли автора-повествователя «пьесы о родном Ташкенте» как бы эхом повторяются в высказываниях Асика: «Эх ты, корпел вдали от Родины, писал свою пьеску, слезы над нею лил, мечтал, что ее поставят в каком-нибудь театре родного города!» [№ 2, 31].

Первым в списке действующих лиц является рассказчик снов, и его появление вызывает ассоциации с произведением Н. В. Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии», в котором дальнейшее развитие действия пьесы задано первым монологом «автора пьесы». Как следует из примечания, «Само собой разумеется, что автор пьесы лицо идеальное»¹. Именно такой обобщенный образ воплощен в Рассказчике снов, о чем свидетельствует его монолог: «Память... Удивительная вещь ... Память... Это лучше всякой машины времени, которую придумали фантасты. В тех романах люди чаще всего попадали в далекое будущее или прошлое. А моя память, моя машина времени, возвращает меня в мое детство, в мою юность...» [№ 2, 34]. Это высказывание свидетельствует о том, что «детство» – это не просто прошлое, но это особое время, особое место. Рассказчик снов появляется в тексте еще много раз и не только как ведущий действия пьесы, но и как, пусть невидимый,

¹ Гоголь Н. В. Театральный разъезд после представления новой комедии // Гоголь Н. В. Собрание сочинений в семи томах. – М, 1977. – Т. 4. – С. 223.

но непосредственный участник событий: «Поют все. В том числе и Рассказчик снов» [№ 3, 47], «Рассказчик выходит на сцену» [№ 3, 48], «И снова стоп-кадр. Рассказчик снов выходит на сцену» [№ 3, 37], «Ну вот. Самое интересное у тебя опять за кадром, в пересказе Рассказчика» [№ 3, 38]. Кроме того, основной массив ремарок автора пьесы комментируют именно действия Рассказчика снов: «Рассказчик снов медленно идет по авансцене, подходит к стволу старой чинары. Прислоняется лбом к коре дерева» [№ 2, 35].

Все это свидетельствует о том, что у Рассказчика снов особая функция: и в действии, и вне действия его характеризует обладание информацией, способность забежать вперед: «Стоп-кадр. Рассказчик обходит с рюмкой стол. Останавливается возле актрисы» [№ 3, 43] и рассказывает историю «настоящей аристократки» [№ 3, 44]. В данном контексте ключевую роль играет рассказанная история матери: «Мама... Сколько унижений, страданий и боли она перенесла за свою жизнь. <...> Я помню день смерти Сталина. Помню, как все плакали... Как рыдала мама... плакала по человеку, из-за которого она потеряла все. Какое же великое противоречие было во всем этом!..» [№ 3, 45-46]. Этот эпизод не только эксплицирует мотив памяти, но и указывает на двойственность человеческого сознания: память как когнитивная способность человека обладает ярко выраженной субъективностью восприятия, что может порождать двойственность ситуации. В один ряд с памятью Рассказчик снов ставит сны: «Воспоминания... Они как сны. Иногда бессвязны, а иногда конкретно осязаемы» [№ 2, 37]. Как мотив, память выполняет в тексте и повести, и пьесы структурообразующую функцию: выстраивает повествование. В частности, философские размышления о быстротечности времени, о бесконечности пространства [№ 3, 39], принадлежащие автору-повествователю, переключаются с мыслями Рассказчика снов: «Время... Какое относительное понятие... Иногда минуты тянутся вечность, а порой не успеешь и глазом моргнуть, как пролетело десять, потом двадцать лет. Вот уже перешагнули рубеж веков и тысячелетий... Миллениум... А тогда мне казалось: ух ты – двадцать первый век! Когда он наступит?!» [№ 3, 49]. В финале автор-повествователь размышляет о когнитивных функциях человеческого организма: «Пока я шел к ванной, ночные кошмары растворялись, как туман под солнцем. Как хорошо, что у мозга есть эта защитная функция – стирать из памяти ненужное, лишнее. А то бы нам тяжело пришлось» [№ 3, 56]. Он помнит из своего сумбурного сна только разговор с матерью: «...среди этого бессвязного бреда я разговаривал с мамой. Я не слышал ее слов – ни ее, ни своих, но мы общались. На каком-то ином, высшем уровне» [№ 3, 56]. То есть возникает параллель с мотивом памяти и забвения как антинормы, наиболее характерной для творчества М. Ю. Лермонтова, констатация не только когнитивных способов восприятия, но и «высших», необъяснимых физиологическими особенностями. Все это работает на зеркальность композиции, расширенной приемами кино, поскольку в начале произведения намечено то, что получит разрешение в финале: воспоминания автора-повествователя о беседе с автомехаником Борей, когда они отправились на берег Салара и была рассказана история имени и происхождения: «Вообще-то мастера Борю звали Бори, и в ответ на вопрос, какой он национальности, Боря только смеялся: "В моих жилах течет коктейль 'Мечта вампира' ". На самом деле мать Бори была наполовину татарка, наполовину еврейка, те же, в свою очередь, тоже были полукровками; в жилах отца Бори текла смесь крови памирского таджика (он еще добавлял обычно: "...может быть, потомок Александра Македонского") и кокандского узбека.

Такой вот сложный “микс”. А если заглянуть еще глубже, еще набралась бы не одна дюжина народностей и племен» [№ 2, 31], и разговор в том же ресторанчике на «берегу Салара, возле вокзала» [№ 3, 51] об авторах песни «Кашгарка». Первое воспоминание автора о рассказе Бори проецируется на изображенный в пьесе автора-повествователя «Вавилон», в котором тоже была «не одна дюжина народностей и племен». Второй разговор на берегу Салара, в котором ключевым является обсуждение достоинств пьесы, а также спор об авторстве песни «Кашгарка», счастливо разрешается в финале: «Беру свои слова назад, – Боря вышел из машины. Не глядя на меня, хрипло произнес: – Пьеса ничего... И ты имеешь право описывать именно свои воспоминания... И название нормальное, – он виновато помолчал. – И главное... – Боря полез в карман и вытащил диск. – Меня вчера вечером сын заставил прочитать» [№ 3, 57]. Автор эксплицирует уважение интерпретатора к авторской концепции («ты имеешь право») и знакомство юного поколения с творчеством автора и даже большая осведомленность: «Меня вчера вечером сын заставил прочитать».

Основное повествование, которое ведется от первого лица и вводит рассказ о событиях: «Накануне я позвонил Главному и сказал, что я в Ташкенте и хотел бы забрать пьесу» [№ 2, 29], предваряет своеобразное лирическое отступление, объясняющее диалог с вымышленным персонажем Асиком: «Он всегда появляется неожиданно и исчезает, впрочем, так же непредсказуемо» [№ 2, 28]. В первой цитате обращает внимание употребленное дважды личное местоимение первого лица «я» в сочетании с глаголами в форме единственного числа «позвонил», «хотел бы забрать», что указывает на подчеркнуто монологическую форму повествования. Во второй – указание на спонтанность возникновения собеседника, с которым автор-повествователь вступает в диалог, поскольку Асик, как указывает автор-повествователь, может находиться и «под моей кепкой», и «в заднем кармане джинсов», и «в пыли под диваном», и «в салоне “Боинга”», и «в кофре с кинокамерой», и «в бардачке моего жигулёнка». Здесь следует выделить два момента: давнее появление Асика, еще в юношеские годы автора-повествователя, когда он ходил в кепке и джинсах, а в его доме под диваном скапливалась пыль, затем в повести будет дано пунктирное обозначение основных ключевых событий биографии уже повзрослевшего автора-повествователя на момент описания событий (перелет на “Боинге” в Америку и обратно, ремонт жигулёнка), в процессе чего автору-повествователю удастся систематизировать хотя бы часть своих ответов на вопросы. Но самое главное – указание на то, что Асик постоянно сопровождает автора-повествователя. Эффект присутствия усиливается тем, что во время встречи с реальным персонажем повести – с Главным – *«Асик был тут как тут и сходу стал шептать мне на ухо»* или *«Асик моментально вмешался: – Что ты молчишь?»*. Таким образом, получается, что повествователь находится в реальном и ирреальном пространстве и времени: одновременно сидит в кабинете главного режиссера театра, слушает его, размышляет о подтексте выражения «в принципе» и слушает Асика, слова которого наталкивают его на воспоминания: «Да, я вспомнил» [№ 2, 29], что затем ретроспективно вводит нас в события детства автора-повествователя. Значимо, что в этом эпизоде автор-повествователь не отвечает ни девушке в приемной режиссера, ни самому режиссеру, ни даже встретившемуся в коридоре знакомому актеру, то есть не вступает с ними в диалог, не реагирует на их реплики, но при этом разговаривает с Асиком и в

виде внутренней реплики: «Чертенюк! Неужели опять окажется прав?» и довольно экспрессивный ответ: «*Прошу тебя, заткнись!*» [№ 2, 29].

Повествование в произведении «Асик, или Сны о старом Ташкенте» ведется от первого лица, это преимущественно монологическая речь, прерываемая диалогами с вымышленным персонажем, существующим в сознании автора-повествователя. Таким образом, это пьеса, построенная на диалоге между действующими лицами, но в то же время в драматическое произведение введен Рассказчик снов, что нарушает традиционное представление о пьесе. Об этом говорит и режиссер театра, и Асик: «*Первая сцена, а зритель ничего еще не видит! Только слышит! Это – идиотизм! Театр тебе не радио*» [№ 2, 36]. Автор пытается объяснить целесообразность такого приема, поскольку, по его мнению, именно Рассказчик снов является ключом к пониманию смысла пьесы и ее идейного содержания. Что касается формального воплощения, то, на наш взгляд, автор пьесы намеренно не дает конкретных указаний, что оставляет право интерпретации за читателем, режиссером и зрителем. Автор считает, что «*иногда лучше додумать*» [№ 2, 38]. Единственное, от чего он настойчиво предостерегает, – это прямое отождествление автора и Рассказчика снов: «*Асик! Сколько можно повторять: Рассказчик – это вовсе не я! / – А кто же? / – Это обобщенный образ! И вообще, у меня не документальная повесть или автобиография, а пьеса. Пье-са! И я имею право придумывать характеры, судьбы, героев!*» [№ 2, 41]. Множество восклицательных знаков свидетельствует об экспрессивности разговора. Выделение слова «Пье-са!» указывает на стремление автора-повествователя убедить собеседника, подчеркнуть жанр произведения. Относительно смысла пьесы, разрозненности ее эпизодов автор-повествователь подчеркивает: «*Это сны. Просто сны*» [№ 3, 49]. Показательно, что автор пьесы намеренно отстраняется, избегает первого лица, что подчеркнуто дилетантским замечанием философа автомеханика Бори, который предлагает: «*Ты должен изменить название. Не "Сны о старом Ташкенте", а "Мои сны" <...> И не надо про "старый Ташкент"...*» [№ 3, 52].

Это проецируется и на все произведение: несмотря на монологическое повествование от первого лица существует довольно осязаемая дистанция между реальным автором (Д. Исхаковым), автором-повествователем (автором пьесы «Сны о старом Ташкенте») и Рассказчиком снов. Сложная образная система включает и Асика как выразителя подсознания автора-повествователя, оппонента, внутреннего рецензента и критика.

Вместе с тем повествователь обладает рядом биографических черт автора: он драматург (перу Д. Исхакова принадлежат пьесы «Мардикор», «Чашечка кофе с коньяком»), он автор песни «Кашгарка». Но именно описание событий, связанных с песней, с узнаванием ее автора, на наш взгляд, указывают на художественный вымысел ситуации, поскольку есть схожие факты, но разная их интерпретация.

Таким образом, в повести «Асик, или сны о старом Ташкенте» монологическое повествование, перемежающееся внутренним (с Асиком) и внешним (с Борей) диалогом, совмещается с диалогами действующих лиц, с комментариями Рассказчика снов, что обуславливает полифонизм произведения.

ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ

Буритош НАСИРОВА

Произведения Гафура Гуляма завоевали поистине всенародную любовь. Стихи, поэмы, повести, рассказы Народного поэта Узбекистана знают люди разных поколений. «Озорник», «На путях Турксиба», «Ташкент», «Кукан», «Ты не сирота», цикл стихов о Родине золотыми буквами вписаны в сокровищницу культуры Узбекистана.

География популярности крупнейшего узбекского мастера слова неизмеримо широка. Она давно вышла за пределы родного края. Переведенные на языки других народов стихотворные и прозаические творения Гафура Гуляма известны русским, украинцам, таджикам, англичанам, испанцам и др. Вышедший из народа, плоть от плоти его, он знал жизнь своих современников – рабочих, дехкан, хлопкоробов – не по книгам, сам прошел нелегкий трудовой путь, еще в юные годы познал разные профессии. Творчество Народного поэта Узбекистана неотделимо от его собственной биографии, от судьбы узбекского народа.

«В моем представлении трудно отделить Гафура Гуляма-поэта от Гафура Гуляма-человека. Он был цельной личностью, и поэтому жизнь его неотделима от стихов. И в жизни, и в стихах он был человеком большой и щедрой души, он глубоко любил людей», – писал о нем Константин Симонов. Способность любить и уважать людей других национальностей – их интересы, обычаи, нравы, язык – была как бы естественной частью его собственного человеческого дыхания.

Творчество Гафура Гуляма – главное содержание жизни замечательного художника слова.

«Сделанное нами долговечней и куда моложе нас самих», – писал Гафур Гулям в одном из своих последних произведений, и то, что сделал поэт, всегда будет с нами. Гафуру Гуляму одному из первых в Узбекистане было присвоено почетное звание Народного поэта. И он является народным не только по званию, но и в самом глубоком значении этого слова.

Гафур Гулям всей душой понимал заботы и надежды народа, знал обычаи и традиции, красочный, полновзвучный язык поэта вобрал в себя все многообразие живой разговорной речи.

«Я всегда спрашиваю себя: что я сделал для народа? Приношу ли я пользу народу, что я делаю сегодня, чтобы поднять его славу, культуру, богатство, авторитет? Ведь и народ, который вскормил меня хлебом и солью, всегда может потребовать у меня справедливого отчета во всем этом. Ладно, не сегодня, так завтра, в 1975 году или в 2000-м, но все равно обязательно заставит отчитаться», – размышлял поэт.

Буритош НАСИРОВА. Член Союза писателей Узбекистана. Родилась в Карши. Окончила Самаркандский педагогический институт. Работала в школе, педагогическом колледже, корреспондентом в журнале «Саодат». Автор 6 публицистических сборников.

Это чувство ответственности перед своим народом, чувство долга перед ним всегда определяло гражданскую и творческую позиции Гафура Гуляма.

Годы военного лихолетья стали временем, когда впервые с огромной силой раскрылся лирический талант Гафура Гуляма. Его проникновенное стихотворение «Ты не сирота» по природе своей глубоко лирическое, своеобразно сочетающее и другие стороны дарования Гафура Гуляма, – его опыт поэта-публициста, поэта-оратора.

Высокую оценку этому произведению дал Корней Чуковский, великодушный знаток поэзии: «Гафур Гулям – поэт многоцветных и сложный, поэт больших мыслей, сердечных, с чисто народными чувствами. Именно осердеченность мыслей и есть главное качество Г. Гуляма. И оттого при всем своем титанизме, при всей своей мужественности он – виртуоз человеческой нежности, а нежность, как известно, – труднейшая область поэзии».

Гафура Гуляма помнят сотни людей, сердечную благодарность и любовь к поэту испытывают миллионы его читателей.

*Будь здорова, моя золотая земля
В изобилие своих многоцветных плодов!
Будь здоров, человек, счастлив будь, человек,
Славься, мудрый народ мой, во веки веков!*

Возле дома поэта каждую весну расцветают алычовые деревья, за которыми он любовно ухаживал, распускаются нежные бутоны роз, посаженных его руками. Здесь, в саду, под раскидистыми деревьями, хозяин дома любил усаживать в круг желанных гостей.

*Мой садик – ваш!
Пусть только скрипнет дверца!
Вот свежая вода, вот полотенце,
А вот открытое вам настежь сердце!
И в сад, и в сердце вас пушу, друзья!*

Гафур Гулям. Творчество этого поэта и прозаика глубоко чтимо. Разве можно забыть его веселого «Озорника», по которому снят занимательный художественный фильм?

Его называли певцом любви и надежды. Многие произведения Гафура Гуляма посвящены красоте родного края, красоте весенних цветущих садов и полей, красоте

ГОРЫ, КОТОРЫЕ НАС ОБЕРЕГАЮТ

Буритош Насырова – писатель, журналист, активистка Комитета женщин, блестящий педагог, воспитавший не одно поколение прекрасных учеников. Ее сердце наполнено любовью к жизни, к людям, которые ее окружают, и это чувствуется в ее книгах «Две ветки одного дерева», «Святыня доброты», «Гнездо мечты», «Светлая память», «Горы, которые нас оберегают». Они посвящены нашим землякам, выдающимся людям, которые прославили наш край ратными и трудовыми подвигами, продемонстрировали героизм, преданность Родине.

В своих книгах Б. Насырова рассказывает о профессиональных достижениях выдающихся деятелей страны, раскрывает их человеческие качества, отношение к окружающему миру.

Обладея уникальной памятью и обширными знаниями о судьбах тех, кто отдал свои силы, вдохновение, жизнь родной стране, Буритош Насырова погружает читателя в закономерности жизни прошлой и настоящей. В книгах она пишет о том, чему сама была свидетелем, о том, что ее взволновало, вдохновило. Через личное восприятие автора дается своеобразная летопись нашего региона, широко используются архивные и любительские фотографии.

Книги Буритош Насыровой интересны и поучительны, светлы и радостны, в них ты словно попадаешь под защиту доброго сердца и чистой совести. Читая ее очерки о замечательных людях нашего края, понимаешь, что смерть не уничтожает память о человеке. Все зависит только от того, какую жизнь он прожил, какие поступки совершал.

Найля КАЛЬМЕТОВА

девушек и стати джигитов. Многие творения великого поэта, восславляющие мужество и героизм народа, его стойкость и непоколебимость, пронизаны верой в счастливую жизнь и мечтой о великом будущем.

Родился Гафур Гулям в далеком 1903 году в Ташкенте, в квартале Курган-таги Шейхантахурской части города. Отец – Гулям Мирза Ариф, мать – Ташбиби Ша-Юсуф-кизи.

«По тем временам отец был довольно грамотным человеком, – вспоминал позднее писатель, – кроме узбекского, он в совершенстве знал таджикский, немного говорил по-русски. Для горожан отец писал заявления, справки, и поэтому к его имени обычно прибавляли частицу “мирза”.

Литература была его страстным увлечением: «Помню, к нам в дом приходили из узбекских поэтов и каллиграфов Хислат, Шамурад, по прозвищу котиб (писец), и другие. Говорили, что в свое время у нас часто бывали и поэты из Ферганской долины: Муками, Асири, Фуркат, Мухи. Отец и сам сочинял под псевдонимами Мирза и Гулям, но его стихи никогда не были собраны воедино и напечатаны.

Мать моя тоже не была равнодушна к поэзии, понимала и ценила ее... она иногда импровизировала, складывала стихи в размерах, присущих народному творчеству. Некоторые из них, особенно посвященные памяти отца, надолго сохранились в моей памяти».

С помощью родителей юный Гафур овладел грамотой и письмом, свободно читал Навои, Хафиза, Саади. Благодаря содействию старшего брата ему удалось получить начальное образование. Позже Гулям начал работать наборщиком в типографии, а после окончания курсов подготовки учителей был назначен учителем начальной школы на Урде. Для него началась новая жизнь, весьма непростая.

К тому времени уже не было в живых его отца, позже ушла из жизни и мать. Старший брат, создав семью, зажил отдельно, и на его руках остались две сестренки.

Когда сердце юного Гафура посетила любовь, он начал пробовать свои силы в любовных газетках. Это были первые пробы пера, родившиеся под влиянием Навои, Муками, Фурката.

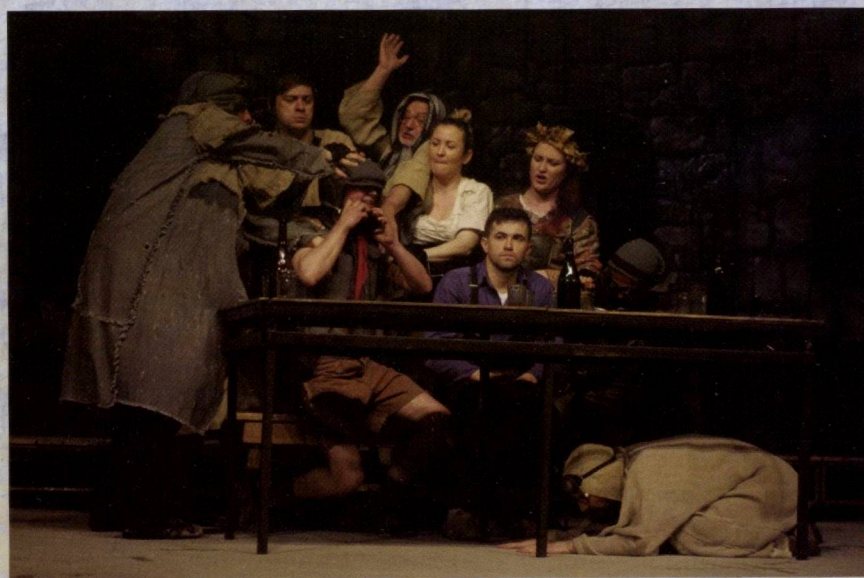
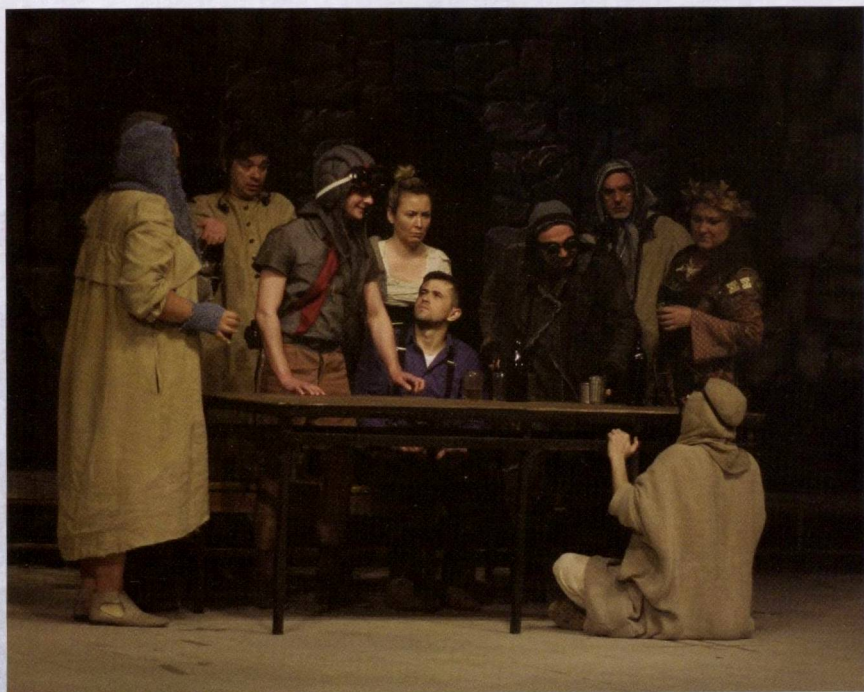
Своим первым настоящим произведением Гулям считал стихотворение о детском сиротстве, поскольку в свое время ему довелось участвовать в создании одной из школ-интернатов. Второе – «Иша красоту» – было напечатано в апреле 1923 года. Третье – «Сурнай» – появилось в том же году в журнале «Маориф ва ўқитувчи». Гулям становился популярным поэтом, его начинали печатать.

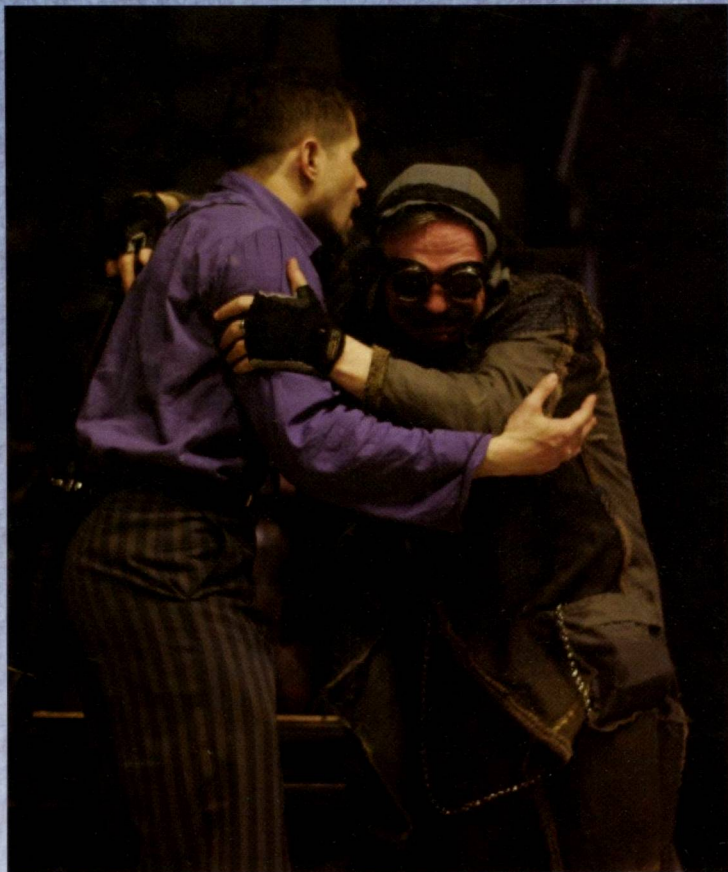
Молодой литератор активно жил общественной жизнью, занимаясь просвещением, заведая двумя школами, интернатом. Работы было много, поэтому к поэзии он обращался лишь время от времени. В ту пору его увлекали юмор и сатира, почти в каждом номере журнала «Муштум» печаталось какое-нибудь его произведение.

«До 1942 года я работал в газете “Кызыл Узбекистан”, – отмечает Гафур Гулям, – а также в журналах “Муштум” и “Ер юзи” литературным сотрудником, очеркистом, фельетонистом, секретарем. В ту пору я уже стал профессиональным писателем, и стихи мои находили читателя не только в республике, но и далеко за ее пределами. У меня завязалась дружба со многими русскими писателями, писателями Украины, Грузии, Азербайджана... Я переводил с русского, грузинского, таджикского, иранского, азербайджанского, татарского, украинского, туркменского.

Ознакомившись через русский язык с творчеством классиков мировой литературы, я взялся за перевод Шекспира, Мольера, Лопе де Веги, Бомарше. Начиная с 30-х годов я перевожу произведения Иоганнеса Бехера, Пабло Неруды, Анатоля Гидаша, Эми Сяо, Ленгстона Хьюза и других писателей».

«Песни смерть не коснется», – писал Гафур Гулям в одном из последних своих стихотворений. Эти слова оказались поистине пророчески. Так было и так продолжается: поэты умирают, но живут их творения, запечатленные в них думы и чаяния народа, как Прометеев огонь, они зажигают миллионы сердец своим ярким и чистым пламенем.

Дорогие читатели и авторы!

Начинается подписка на литературно-художественные журналы «Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи» на 2019 год, оформить ее можно в любом почтовом отделении или в офисе редакции по адресу:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилбар хийёбони, здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству по всем утвержденным рубрикам журнала.

**Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.**